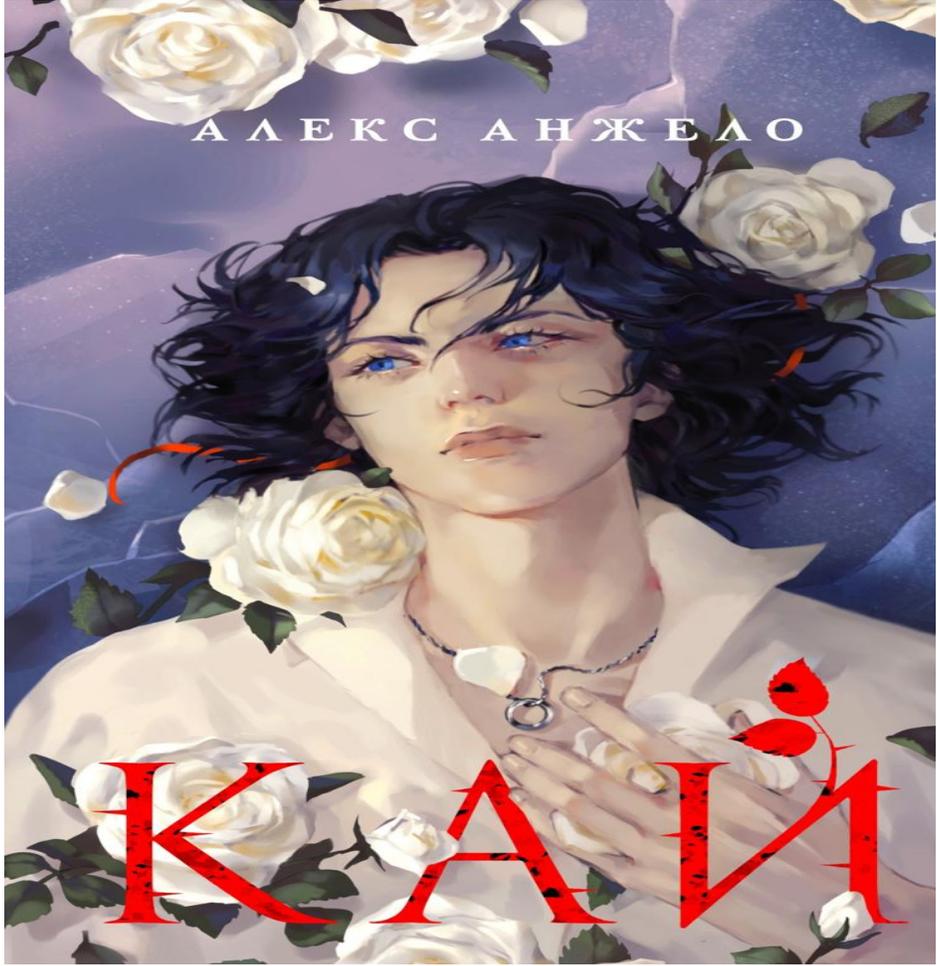

А Л Е К С А Н Ж Е Л О

К А М

Annotation

Кай не похож на других жителей своего городка. Его глаза голубые, точно лед, а само существование окутано тайной и предрассудками. Много лет назад он единственный выжил в ночную метель, и теперь настало время вернуть долг зиме. Герда, любящая красные розы и Кая. Кай, ставший художником и ищущий правду о своем прошлом. Дева Льда, чьи руки испачканы в крови... Она явилась забрать то, что уже давно принадлежит ей – сердце Кая.

Новая книга от Алекс Анжело, автора цикла «Мир Дэвлата», – законченная история-однотомник.

Новый взгляд на историю Кая и Герды – и таинственной Снежной Королевы.

Что сделало ее такой жестокой? Да и правда ли она так холодна и беспощадна или это люди приписывают ей злодеяния, не желая нести ответственность за свои поступки?

Дева Льда в новом образе, более хрупкой и более юной.

Ее жизнь переплелась в жизнь Кая, который полон загадок, – недаром глаза его холодны как лед.

Потрясающее оформление книги – от обложки до страниц с текстом – поможет полностью погрузиться в историю и считать намеки, оставленные автором.

-
- [Алекс Анжело](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)

- [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Алекс Анжело

Кай

© Анжело А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Сколько себя помню, мне всегда снился один и тот же сон – странный, завораживающий и кровавый. Хоть крови не было и в помине, но я отчетливо ощущал ее вокруг. Словно что-то погибало, пока под ногами на снегу расцветали сотни белых роз, которые, стремительно раскрываясь, радовали взгляд молочными лепестками. Вскоре из сердцевины выбирались мотыльки со сложенными крыльями – тоже белые, с махровыми усиками. Их было столь много, что, взлетая, они будто стирали весь мир вокруг. В этот момент ощущение чьей-то смерти ложилось на плечи, проникало внутрь и сжимало сердце ледяной рукой, а когда оно становилось невыносимым – я просыпался.

Поначалу эти сновидения пугали меня – ребенком я дрожал и плакал, закутываясь плотнее в одеяло. Из-за этих кошмаров не спала и бабушка: просыпалась от моих криков, приносила с кухни теплое молоко с медом. Я успокаивался и засыпал вновь, но ни разу не рассказал о своем сне. Ни об одном.

Полагаю, я боялся слухов, которые в то время и так ходили обо мне. О проклятом ребенке. Ведь все, что идет вразрез с привычной размеренной жизнью людей, наверняка может принести одни лишь беды... А я давно был отмечен холодом и морозом.

Снегопад в день гибели моей матери шел невиданный – так говорили люди, ведь то время в моей памяти не сохранилось. Еще с утра ясное небо – редкость для осени в тех краях и по сей день – радовало яркими лучами солнца. В свете дня выпавший накануне снег успел слегка подтаять и засверкал, словно кто-то рассыпал по нему горсти бриллиантов.

Пейзаж за городом, за исключением высоких сосен и елок, состоял исключительно из белых оттенков с редкой синевой отражавшегося в снежных просторах неба и теней деревьев, словно кто-то облил мир цинковыми белилами. Вершины гор же на горизонте виделись как никогда ясно, не укрытые островками облаков. От этого казалось, что до них рукой подать – не больше часа пути верхом.

В те годы, на исходе девятнадцатого века, зимой наш край словно засыпал – снег заносил дороги так, что из некоторых поселений, затерявшихся среди гор, нельзя было выбраться все зимние месяцы.

Помню, когда я был уже в более сознательном возрасте, мой учитель, исполнявший эту роль всего пару лет и прибывший в город, наслушавшись о красотах природы, сказал:

– Белое золото возвышает вас, но белая смерть так и норовит убить. Может, когда-нибудь у *нее* это выйдет? – Он не уточнил, о чем или о ком именно говорил в тот момент, а я не стал спрашивать.

Учителя чрезвычайно забавлял тот факт, что наш город жил бок о бок со смертью.

Белым золотом в Хальштатте называли соль, которую добывали в недрах горы, – практически все жители зарабатывали на жизнь этим ремеслом, спускаясь каждый день в шахты по глубоким желобам. А белой смертью прозвали снег на верхушках гор и особо снежные зимы, случавшиеся примерно раз в десять лет, заносящие дороги и едва не погребавшие весь городок под белым покровом.

Застань одна из тех яростных метелей тебя в Малервеге – лесу, раскинувшемся по правую сторону от склона горы, – и ты не жилец. Но не только снег носил столь мрачное название. Еще Белой смертью звали *ее*. На самом деле *ее* много как называли и до сих пор кличут.

Тихо, шепотом рассказывают друг другу украдкой о Деве, которую раз в несколько лет кто-то из местных да заметит – то парящей на фоне закатного золотого неба, то гуляющей у кромки леса, то ночью, обласканная лунным светом, она проносилась над озером, то ее силуэт был различим во вновь обрушившемся на город снегопаде.

Хотя со временем она стала осторожнее. Время потребовало – не прятаться, а выйти на свет. Время многое изменило.

Но моя история началась много лет назад, поздней осенью, когда снег уже укутал землю, но еще не перекрыл пути, молодая женщина, наняв дилижанс, ехала из близлежащего Линца в Хальштатт – городок, зажатый между горой и озером и оттого вынужденный ютиться на коротком пологом склоне. Путница возвращалась в дом матери, которая осталась одна в тот год, потеряв мужа. Он умер не от старости, хотя уже давно был немолод, – погиб в шахте. Его лишил жизни камень соли, отвалившийся от свода и упавший точно ему на голову.

Череп проломился, и, словно из-под кисти невидимого художника, на соли расцвели алые цветы.

Так совпало, что и молодая женщина в тот год лишилась мужа. Он умер от лихорадки, сгорев за считанные дни, оставив ее одну с годовалым сыном. Кареглазый, с черными, словно антрацитовый уголь, волосами, я был как две капли воды похож на отца – актера, мечтавшего стать известным. Возможно, он бы добился своей цели – как раз перед тем, как отца одолела лихорадка, ему дали ведущую роль в пьесе. Так, по крайней мере, рассказывала мне бабушка, пока была жива.

В тот день, когда моя мать отправилась в дорогу, ее застал сильнейший снегопад. Дилижанс уехал настолько далеко от Линца, что возвращаться уже не имело смысла, оставалось только двигаться вперед. Более уместный для середины зимы, чем для поздней осени, холод пришел следом – жестокий и голодный. В итоге утоливший свою жажду крови и отыскавший жертву.

Моя мать замерзла насмерть в ту ночь, как и кучер, ведший дилижанс. Ее нашли в снегу, точно она решила преодолеть весь путь пешком, когда поняла, что колеса повозки прочно застряли в глубоких снегах. Но далеко уйти она не сумела – упав, прижимая к себе годовалого ребенка, осталась недвижима навсегда.

А метель прекратилась столь же внезапно, как и началась, уже к середине ночи небо вновь стало ясным, так что его усыпали мириады сверкающих огней, и даже Млечный Путь был виден невооруженным глазом, словно разлитое в воде молоко.

Именно ушедшая метель позволила группе людей из Хальштатта отправиться на поиски. Мать ждала дочь, которая так и не преодолела внезапно обрушившуюся стихию. Думаю, она надеялась, что вмешалась сама судьба и моя мать никуда не поехала, оставшись в Линце.

Судьба действительно вмешалась. Правда, по-своему. Из людей, отправившихся в путь на том дилижансе, не выжил никто. Поисковый отряд из Хальштатта нашел лишь мальчика, укутанного в меховую накидку, которого прижимала к себе заледеневшая женщина – ее волосы и кожу, словно меловая пыль, покрывал иней.

Когда они подошли ближе, ребенок в ее руках, укрытый тонким слоем снега, открыл глаза, и его взор лишил мужчин дара речи – яркая

ультрамариновая радужка, словно лепестки пролеска, светлела к краю. Она выглядела неестественно и точно светилась изнутри.

Но самым поразительным стало дыхание ребенка – в теле осталась жизнь.

Мое появление в родном городе матери сразу же окутали истории – нелестные, полные мистики, они твердили, что сама Дева Льда вдохнула в меня жизнь. И что меня спасла зима. Но зима – это смерть. И значит, одарив жизнью, она отнимет еще больше.

С тех пор людские страхи и опасения преследовали меня всегда. Но нашлись те, кто шел против предубеждений, став мне близкими. Их лица я храню в памяти и поныне.

Но даже от них я скрывал свои сны. Незведанное пугает и отталкивает, а я не желал вновь стать *чужим*. Но вскоре так забылся, что запутался, взрослея, и все больше терял себя.

Только от себя не убежишь. И судьба неминуемо возьмет свое.

Знайте, я никогда не желал быть *иным*, но стал им без согласия.

Прежде чем войти куда-то, убедись, что ты знаешь, где выход...

Дневник Кая

Лето переливалось буйными красками, сладкие цветочные ароматы гуляли по городу. Солнце светило столь ярко, что казалось, в мире не осталось места для тени. Тепло согревало лицо юноши, который сидел у самого окна с распахнутыми ставнями. В руках он держал несколько листов бумаги – дорогой, привезенной соседом с ярмарки.

Благоухание роз проникало в комнату – нежный запах царил повсюду.

В длинных изящных пальцах юноши был зажат кусочек угля, с помощью которого он ловкими движениями вырисовывал девичий силуэт. Рядом лежало еще несколько готовых портретов улыбающейся девушки со сверкающими глазами и веснушками на лице. Черные штрихи передавали настроение не хуже цветных мазков краски – любая линия, ничто сама по себе, вместе с остальными становилась искусством. На каждом рисунке было передано разное выражение лица, но объединяло все изображения одно – нетерпение, сквозившее в чертах Герды.

Ей никогда не хватало терпения для позирования, и ее не прельщали картины маслом. Кай знал, все дело в оттенках – она желала, чтобы они были ярче. Но Герда любила работы углем и собирала их, развешивая на стенах в своей комнате дома напротив.

– Кай! – Оклик прервал его размышления, юноша от неожиданности вздрогнул. Герда словно знала, что он думал именно о ней.

Отойдя от стола, стараясь ничего не задеть испачканными пальцами, он выглянул из окна. И заметил ее сразу – по облаку рыжих кудрей, на которые, словно королевский венец, возложили венок из одуванчиков. Летом ее лицо особенно сильно усыпали веснушки, которых она стеснялась, но поделаться с ними ничего не могла. Каждый

раз, когда приходило тепло, Герда надевала шляпу с широкими полями, прикрывая кожу, но вскоре забывала о ней, и к середине июля веснушки, как вражеские захватчики, усыпали щеки и скулы.

– Идем? – позвала она, задрав голову. – Ребята уже ждут нас на озере.

Кай оглянулся, бросив взор на законченный портрет и несколько все еще чистых листов, лежащих рядом.

– Хорошо, сейчас спущусь, – бросил он, пропадая из окна и нечаянно задевая куст розы, что рос снаружи в огромной кадке, прикрепленной к стене. Раздался треск, и неокрепшая ветка с красным, почти раскрывшимся бутоном надломилась.

Каждый год Герда сажала алые розы в этот деревянный ящик вот уже на протяжении семи лет. К концу лета мелкие бутоны расцветали за окном Кая.

Розы в Хальштатте любили все. Ярко-красные, с мясистыми бутонами и длинными колючками на стеблях, они росли по обочинам улиц – иных сортов роз жители не разводили и не признавали.

Кай замер, глядя на надломанный стебель. Очнувшись же, принялся тихо ругаться, помня, что Герда давно заприметила именно этот бутон, – он был самым крупным, и, по ее словам, его лепестки имели особенно яркий рубиновый оттенок.

– Может, мне подняться? – раздался нетерпеливый голос.

– Не надо! Подожди минутку! – отозвался Кай, неотрывно смотря на каплю крови, набухавшую на пальце.

Вид собственной крови заставил его на мгновение застыть. После он тяжело сглотнул и выхватил платок из кармана брюк. Намочив его водой из кувшина, отмыл пальцы от угля, избавляясь от алой влаги и словно стирая следы своего преступления. Закончив, остановился у зеркала, застигнутый недавней мыслью.

Дорогое зеркало-псише – высокое, во весь рост – принадлежало еще его матери. Его привезли из Линца на ее шестнадцатилетие.

Кай сделал шаг, и отражение шагнуло ему навстречу. Ему всегда говорили, что у него необычные глаза. И это было отнюдь не комплиментом. Скорее, говоривший был полон настороженности, разглядывал его, как диковинку, стараясь отыскать, за что еще зацепиться и на что указать. Так ничего и не найдя, чужой взгляд ненадолго потухал. До следующей встречи.

Временами Кай слышал, о чем шептались соседки. Он красив, слишком красив для юноши. Прекраснее их дочерей, разве может мужчина быть таким? Не иначе влияние *иной* силы!

Он научился не замечать их голосов, что стали громче после смерти бабушки пару лет назад, и немного утихли, когда ему дали работу в церкви – создать фреску на одной из стен.

Кроме красоты их пугали события, при которых погибла мать Кая. Они и его самого наводили на смутные мысли. Ни один годовалый ребенок не выжил бы в ночной зимний мороз. И сколько бы теорий Кай ни строил, ответов так и не находил. На холоде он мерз, как и все, а в возрасте девяти лет намеренно убежал в лес и едва не погиб в снегах. Ему повезло, он выжил, а после наткнулся на охотников из их городка. Вскоре у Кая осталась лишь одна зацепка – та, о ком шептались лишь за плотно запертыми дверьми. Та, которая могла погубить весь их город в угоду своей жестокости и гордости, а пока лишь годами посылала им испытания. Еще в детстве Кай услышал от Петтера, мальчишки на пару лет старше, изводившего его, сколько он себя помнил: метель и мороз той ночи насланы Девой Льда. Лишь ей это под силу, и лишь она способна кого-то спасти в столь лютый холод.

Дева Льда, Ледяница, Королева Льдов, Снежная Ведьма...

Лишь малая часть ее имен.

– Кай! Неужели уснул? – Новый окрик вырвал его из мыслей. Он моргнул, неожиданно понимая, что приблизился вплотную к зеркальной поверхности, словно Нарцисс, разглядывающий свое отражение.

Поборов оцепенение, Кай поторопился наружу, заперев дверь в свои комнаты. Он жил на третьем этаже, хотя когда-то все здание принадлежало его семье, но содержать целый дом тяжело. Да и в городке всегда были проблемы с землей – Хальштатт ютился на узкой полосе между горой и озером, отчего разрастаться было просто некуда, поэтому уже несколько лет на первом этаже жила другая семья. Кай почти с ними не виделся, используя второй вход с задней части дома.

Выйдя на улицу и завернув за угол, Кай сразу же увидел Герду. Она сняла с головы венки и стояла теперь, прислонившись спиной к стене и общипывая на нем цветы. Корзина, укрытая белой тканевой салфеткой, стояла на земле.

– Ты о-очень долго, – протянула Герда, отрываясь от стены и наклоняясь за корзиной. – Идем. Сегодня так жарко! – возвела она взгляд к бескрайнему синему небу. – Не будь меня, ты бы и вовсе, наверное, не выходил из дома.

– Возможно, – согласился Кай, вскидывая взгляд к своему окну. Розы в горшке покачивались, тревожимые ветром.

Герда отчего-то рассмеялась перезвоном хрустальных колокольчиков, привлекая его внимание. Он улыбнулся в ответ и забрал из ее рук корзину.

Герда была его семьей, практически сестрой, и он любил ее как родную. И из-за этих чувств разделял ее желания и устремления. По крайней мере, раньше всегда было так.

От скрытого за домами озера доносились крики птиц. Розы, высаженные по краям дороги, сладко благоухали. Словно рубиновой лентой, они украшали их путь.

Герда по-хозяйски взяла Кая за руку, и он ощутил тепло ее тонких пальцев. Многие могли истолковать их отношения превратно. Особенно теперь, когда им обоим почти минул семнадцатый год.

Они направились к укромной заводи, туда, где берег не был скалистым и изгибался, а тень ив скрывала от чужих взглядов.

С наступлением холодов водная гладь покрывалась ровным блестящим льдом, ослепительным и прозрачным, пока его не припорошит первый снег. Именно на этом озере Кай и Герда в детстве долгими зимами катались на коньках. Ныне это происходило реже. Взросление уничтожает свободное время и наполняет жизнь заботами, а для Кая оно превратилось в поиски заработка, чтобы избежать спуска в соляную шахту. Временами Кай подрабатывал в семье Герды – таскал тяжести на кухне и исполнял любую порученную работу, пока господин Хакон, как и большинство других мужчин, добывал соль. Остальное время он тратил на свои картины, посвящал им каждую свободную минуту, в мыслях лелея желание уехать, но что-то удерживало его на месте, словно на ноги надели кандалы.

И это отнюдь не был страх перед неизвестностью.

Пока достойно существовать в Хальштатте ему помогала работа над фреской и семейные портреты, которые в последнее время заказывали местные жители. Правда, денег приносило это мало, едва окупались краски. Лишь семья Хэстеинов могла достойно оплатить его

труд – они владели большей частью шахты, их поместье, со стороны выглядящее точно средневековый замок с картин, высилось на другом берегу озера. Ныне фреска, которая должна была украшать церковь, была наполовину завершена. Таланта и усердия Кая оказалось достаточно, чтобы его наняли для выполнения столь важной работы. И именно эта работа позволяла ему не бедствовать и держаться дальше от шахт. Каю казалось, уступи он хоть однажды, покорись судьбе и пойдя по легкому пути, и больше никогда не напишет ни одной картины. Глупое убеждение, но теперь он держался за него твердо, несмотря на порицания окружающих: взрослый парень, а занимается ерундой, мешки с мукой таскает да красит что-то.

Герда же помогала с выпечкой в доме своей матери. И, кажется, мечтала сбежать. Они разговаривали об этом раньше, когда были младше. Но теперь перестали. Герда сама стала избегать этих разговоров.

Озеро встретило их сверкающей гладью и кваканьем лягушек на поросшем камышом берегу, на котором расположилась остальная часть их компании.

Трин сидела у самого берега, опустив белые ступни в прохладную воду. Словно озерная гладь в ветреные дни, ее темные волосы волнами спускались до самой талии, укрывая спину. Полненькая и низенькая, но с широкой улыбкой, в которую складывались ее пухлые губы. Ее брат Йон, напротив, отличался высоким ростом. Он напоминал отца, с его щербатой улыбкой и такими же мозолистыми руками, натруженными в их семейной мастерской.

Обычно их всех отпускали к озеру в обеденное время. Лишь Кай был сам себе хозяин.

Герда помахала им, припустив вперед и оставив Кая с котомкой еды позади.

– Почему вы так долго? – спросил у нее Йон.

– Кай вновь увлекся и забыл про время, – бросила Герда, дожидаясь, пока он догонит ее. А после сдернула салфетку с корзины и стала раскладывать содержимое на поваленном стволе дерева, чья крона опускалась прямо в озеро, словно утонув в зеркально-чистой воде. И лишь часть листвы упрямо тянулась к небу, свету и жизни.

Вскоре они устроились, попивая ягодный морс и смотря, как кусочки облаков скользят над головой. Временами в озере плескала

рыба. Но несмотря на царившую жару, лето подходило к концу. Близились осень.

– Мама купила чудную красную ткань для нового платья, – похвасталась Трин Герде.

Йон закатил глаза, видимо, уже раз в десятый слыша о покупке.

– Вот такого оттенка, – ткнула Трин пальцем в тонкую материю, что удерживала часть волос Кая на затылке, чтобы те не лезли в лицо.

Герда проследила взглядом, и ее губы медленно растянулись в улыбке.

– Кажется, у нас будут платья одного цвета, – проговорила она, не расстроившись по поводу случившегося. Герда любила алый, и все, кто был знаком с ней, знали это. Но материя столь яркого оттенка всегда была дорогой.

Трин новость скорее расстроила. Не следя за нитью разговора, Кай поднял ладонь и дернул за край ленты, распуская узел и позволяя черным прямым волосам упасть на скулы.

Он сжал ленту в руке, рассматривая так, словно впервые увидел, и потирая гладкую ткань пальцами.

«Все люди любят розы, Кай. Разве они не прекрасны? Алее цвета не найти. Даже кровь не краснее этих лепестков, верно?» – говорила Герда. Она часто повторяла это, словно молитву во время службы, и не замечала за собой этой черты. Ее слова и сейчас возникли в его голове.

От Йона не укрылось это движение, но он, вновь глотнув морса, туманным взором уставился на водную гладь и на белых лебедей вдалеке, которые грациозно выгибали шеи, парами скользя у противоположного берега.

– Если я умру раньше, пообещай, что именно ты украсишь мой череп, – вдруг проговорил Йон, засмотревшись на часовню. Трин возмущенно обернулась, кидая на брата недовольный взгляд.

– Можно за обедом обсудить более приятную тему? – заметила Герда.

– Сомневаюсь, что я проживу дольше. Но попрошу о том же тебя, – невозмутимо откликнулся Кай. На самом деле от друга уже не раз звучала подобная просьба – слишком пессимистичный и в то же время апатичный взгляд тот имел на жизнь.

Всех мертвецов через несколько лет выкапывали, чистили черепа и уносили их в часовню, освобождая на кладбище место для новых

захоронений. Земли вблизи города было мало, всюду горы. А в Малервеге, близлежащем лесу, хоронить не решались – слишком далеко от поселения.

Вскоре время обеда закончилось, остальные убежали, а Кай, позволив себе задержаться, некоторое время сидел, смотря бездумно на озеро. А после поднялся, отряхнув руки, и выбрал тропинку, уводящую в глубину леса.

Неподалеку от места их обеда, скрытый за несколькими многовековыми елями и скалами, находился колодец – широкий, с десятков футов в диаметре. Часть горловины обвалилась, и серые бульжники, упавшие рядом, покрылись мхом. Приблизившись, Кай крепко сжал в руке гальку, подобранную с берега озера, отчего на нем оказалась капля крови – видимо, шип розы глубоко вошел в кожу. Не думая, Кай бросил его в темнеющее жерло.

Своеобразный ритуал появился у Кая сам собой пару лет назад, и теперь, проходя мимо, он всегда кидал в колодец камень. Иногда загадывал желание, иногда делал это и вовсе бездумно.

Он пошел прочь, стремясь скорее вернуться к себе и вновь взяться за уголь. Вскоре Кай скрылся среди деревьев, так и не узнав, что камень упал, не издав и звука, словно сгинул, исчезнув из бытия.

Карман. Измерение Зеркала разума Йенни

– Ты мухлюешь, – грубо проговорила девушка, косо глядя на ледяные осколки.

Соманн изогнул бровь:

– Не надо пустых обвинений, королева.

– А ты не пытайся меня обмануть. – Она сжала кулак, и недавно собранные осколки вновь рассыпались по столу.

Вверху, сидя на нижней ветке высоченной ели, согласно крикнул Варди. Глаза белого сокола – прозрачные, словно грани бриллианта, – остро сверкнули. Ствол дерева, на котором сидела птица, был покрыт тонким слоем льда, даже иголки, имевшие лиловый оттенок, не обошла эта участь.

– Эй, мы ведь и так играем по твоим правилам! – возмутился Соманн, поднимая голову от осколков. Доспехи на его теле – из чистого золота, с выгравированными цветами – ярко сверкнули.

– Так я и не желала играть вовсе. Я вообще-то спала. И собираюсь вернуться к этому занятию. Сеятель, иди, покуда не выставила тебя, – поднимаясь, сказала Йенни и откинула с плеча длинные белые волосы, которые частично прикрывали вечно юное лицо.

Соманн краем глаза покосился на одну из трех морд волка, что бело-серебристыми линиями вились по ее руке от ключицы до запястья. У основания большого пальца скалилась морда.

– Ты ведь так не поступишь. Тогда я перестану даровать тебе сны. Или буду насылать кошмары, – сверкнул Соманн белозубой улыбкой. Существом он был древним и обладал немалой силой, управляя сонными грезами. Но зачастую относился к своей работе с небрежностью и настолько часто попадался на глаза людям, что за несколько веков появились те, кто разглядел и запомнил его силу. В итоге он даже получил прозвище Песочный человек за свою магию, имеющую золотой оттенок.

Впрочем, не Йенни было обвинять его в небрежности. Она сама попадалась людям куда чаще. Особенно людям Хальштатта, которые увиденное обычно запоминали. Возможно, именно это и стало одной из причин тому, что они с Соманном нашли общий язык. Но изначально познакомил их долгий сон Йенни, в который она от скуки погружалась в летние месяцы. А если кто-то спит беспробудно больше нескольких месяцев, Сеятель обязательно заметит, будучи даже второстепенным божеством. Он заявился в ее сновидение, и после оба поняли, что их знакомство оказалось весьма полезно. Сеятель подарил Деве Льда крупицу своей силы, а она помогала ему решать разногласия, возникающие у Соманна с другими обладателями магии.

Могущество Соманна простиралось на чужой разум, а в мире людей он был слаб. Поэтому, если у него возникали разногласия с кем-то в реальности, то вскоре вслед за ним появлялась Йенни.

А в мелкие стычки Сеятель влипал довольно часто. К тому же он создал больше десяти своих копий, которые затем бродили по миру, отчего вероятность с кем-то повздорить тоже выросла десятикратно.

Йенни покачала головой, складывая руки на груди и глядя вдаль, туда, где у горизонта, окруженный морозной дымкой, словно мираж, виднелся пик одинокой горы.

Дева глубоко вдохнула, словно улавливая что-то в воздухе.

– В мире людей скоро наступит осень, – проговорила она.

– Разве тебе не пора убить того мальчишку? – заинтересованным тоном спросил Соманн, вновь увлеченный осколками. – Он и так прожил долго.

Будь Сеятель существом более опасным и с большими амбициями (ныне его интересовала лишь вечная жизнь в собственное удовольствие, желательно нескучная), их с Йенни столкновение было бы неизбежно.

Осколок Зеркала разума желают многие: природные духи, дети богов, слабые боги, все еще оставшиеся в мире, и такие как Йенни. Озеро, покрытое тонким слоем льда, в своих водах хранило слишком много силы.

Осколок в сердце мальчишки с каждой зимой сиял все ярче. Закрыв глаза на саму пропажу кусочка Зеркала, она, однако, ощутила его силу в конце прошлой зимы. И теперь обязана была вернуть льдину в озеро, пока за магией Осколка не началась охота. В́ырезать сердце из человеческой груди.

– Ты за ним следишь? – с укором спросила Дева Льда.

– Немного, – все так же согнувшись над ледяным пазлом, отозвался ее собеседник. Собирал он его с искренним усердием. Когда-то с Йенни они заключили сделку: перед тем как обратиться к ней за помощью, Сеятелю необходимо собрать воедино один пазл. Условие это было бессмысленным и служило лишь для того, чтобы досадить Соманну, но в мотивах и развлечениях тех, кто прожил века, и не стоит искать смысла.

Ныне Соманн складывал отвратительного на вид бородатого карлика в колпаке. Люди временами изображали его именно таким, и это немало раздражало божество сна.

– Он сильно вырос? Или, может, уже постарел? – предположила Йенни.

«Если постарел, то убивать уже не так жалко», – добавила она про себя.

Соманн поднял голову, удивленно уставившись на нее и сжимая между пальцев одну из тонких льдин.

– Память у тебя как решето, Йенни, – укорил он ее, видя, как белые брови сходятся на переносице. – Люди так быстро не стареют.

– Я уже давно не слежу за ними, – отмахнулась она, задумчиво и раздраженно поморщившись. Прямо в этот миг она гадала, сколько

времени минуло с тех пор, как она встретила мальчишку. В тот момент сияние Осколка в его сердце застало ее врасплох.

Но, промучившись некоторое время и так и не вспомнив количество прошедших лет, она вновь махнула на все рукой.

Свою длинную жизнь Йенни мерила не днями и не годами, как смертные, ведь отведено им было крайне мало, а событиями. Обыденные дни, когда не случалось ничего важного, безжалостно забывались, отчего она теряла привычное ощущение времени.

– Может быть, еще зиму-две он сможет продержаться, – задумчиво проговорила она – летом Осколок в его сердце засыпал, вновь становясь практически незаметным для обладающих силой.

«Одну-две зимы... Но разве имеет это значение? Если за ним придут, действовать необходимо будет быстро».

– Ха-ха, так я почти закончил! – вдруг воскликнул Соманн, едва не вскакивая. – Что это? Да ты... – начал было он, рассмотрев наконец-то в нечетких морозных узорах картинку, когда вдруг с неба упал продолговатый камушек.

Он рухнул вниз, сначала упав на голову задумавшейся Йенни, а после отскочив прямо в сложенные осколки и разметав их по ледяной квадратной плите.

Повисла звонкая тишина. Изящная ладонь Девы Льда поднялась, касаясь головы.

– Это что за черт? – процедила она обманчиво спокойно и подняла взгляд к словно обесцвеченному небу. Прямо над ними зияла черная дыра разорванного пространства, которая стремительно затягивалась, словно рана.

– Разве сюда можешь войти не только ты?

– Только я, – отозвалась Йенни, наблюдая, как окончательно исчезает жерло перехода.

– Тогда, может, что-то сломалось?

– Сам веришь в то, что говоришь?

– Ну, я хотя бы предполагаю, – пожал плечами Соманн. – Тебе кто-нибудь говорил, что ты несдержанная?

– Ты. Постоянно, – процедила она, разглядывая землю под ногами, поросшую лиловой травой и слегка припорошенную снегом.

– Забавно. Владычица Льда, – он огляделся, – должна быть вот такой, – и в итоге постучал по квадратной плите ледяного стола, на котором лежали осколки.

– Глухой?

Сеятель на мгновение задумался, ведь стук и правда получился глухим.

– Нет. Холодной, а не вспыльчивой, – нашелся он, а Йенни тем временем наклонилась, отыскав в траве упавший камушек. Задумчиво покрутила его в пальцах, пропуская болтовню Соманна мимо ушей. Вечно он нес бессмыслицу.

В Карман этой реальности могла проникнуть сама Йенни – ведь сила внутри ее тела была сродни той, что наполняла это место – и те, кто напросился на приглашение, ворвавшись в ее сновидение нагим, чтобы привлечь внимание. Соманн считал, что так выражает доверие и уважение к своим друзьям, являясь к ним без защиты доспехов, обнажая свои слабости. Какие именно слабости имел в виду Соманн, Йенни до конца не поняла и, честно говоря, не желала.

Но все же, как предмет из людского мира оказался здесь?

Йенни подняла голову, посмотрев в сторону горы, под которой покоилось Зеркало разума. Озеро, древний дух которого спал и не разговаривал с ней вот уже несколько веков. Но благодаря его силе в измерение никогда не смог бы проникнуть чужак.

Вскоре в Хальштатт нагрянули холода, губя все растения. Не избежали этой участи и розы, высаженные вдоль улиц. Герда каждый день работала, а вечером порой тайком приходила к Каю. Вместе они читали книги, сочиняли свои истории, греясь у горящего камина.

– Как ты думаешь, Дева Льда существует? – задал Кай бессмысленный вопрос. Его мысли всегда сворачивали к ней. Ребенком его беспокоили слова взрослых, в юности же появилось любопытство, а после это была почти потребность – во что бы то ни стало узнать правду о своем спасении. Он вспоминал историю того дня, когда погибла его мать, услышанную из чужих уст, и думал, могла ли Дева спасти его.

«Лед и холод – зло, – говорили все. – Они несут лишь погибель».

Снежную ведьму боялись. Ее чертоги – мертвое царство, где ни один смертный не проживет и дня. Так твердили жители.

Но Кай, как никто другой, знал, сколь мало истины в людской молве.

– Ты часто спрашиваешь об этом, – заметила Герда, запрокидывая голову. И верно, стоило зиме наступить, Кай вновь вспоминал о ее владычице. – Конечно, существует. Мой дед однажды видел ее. – Она перелистнула страницу книги, а после перевернулась на спину, положив голову Каю на колени, словно на подушку. – Знаешь, я даже завидую ей. Мой дед давно мертв, а она жива.

– Ты ведь не знаешь, какова ее жизнь. Может, она не стоит зависти, – проговорил Кай, на мгновение переносясь в зиму восемь лет назад.

– Все равно она сильна и наверняка... свободна, – прошептала Герда и, помолчав, добавила: – Говорят, если убить Деву Льда, то можно забрать ее силу. Только вот ее не убить.

– Кто говорит? – отозвался Кай, впервые услышав такое от подруги.

Герда, расслышав напряжение в его голосе, пожала плечами.

– Не помню. Говорил кто-то. Тебе это не понравилось?

– Просто ты сказала так, будто и правда сделала бы это, будь у тебя возможность, – сказал он, отводя взор.

– Это же просто предположение! Что, если бы... – Герда поднялась, садясь на полу. – Ты воспринимаешь все слишком серьезно, Кай, – посмеялась она над ним.

Она ненадолго замолчала, задумчиво смотря в окно, украсившееся белыми узорами.

– Мама все чаще начинает ворчать, когда я иду к тебе. Говорит, не пристало молодой девушке ходить в гости к мужчине, – поделилась она.

В какой-то степени Кай понимал беспокойство ее матери. И именно поэтому занавески на окнах были распахнуты. Окна его дома и семьи Герды находились столь близко, что они то и дело видели мелькающий силуэт ее матери. Пару раз за вечер она поднималась в комнату дочери, чтобы через стекло незаметно поглядеть, чем они занимаются.

– Думаю... Она права.

Герда бросила на него возмущенный взгляд.

– Ее сложно винить. Это в первую очередь повредит твоей репутации, – задумчиво проговорил Кай.

– Ох, ты сама невинность. – Она поднялась на ноги. – Ладно, пойду домой. Ты уже раз десятый посмотрел на холст. Ждешь, когда я уйду, чтобы взяться за работу?

– Ничего от тебя не скрыть. – Он примирительно улыбнулся.

– Я вижу тебя насквозь, Кай Ларс, – с укором и в то же время с весельем произнесла Герда, уже надевая пальто. – Ладно, продолжай свою затворническую жизнь. Надеюсь, когда-нибудь тебе это надоест. Моих родителей это бы очень обрадовало, они беспокоятся о тебе.

Кай промолчал, прекрасно зная, что думают о его жизни господин Хакон и его жена.

Они рассматривали его в качестве удачной партии для Герды. И она сама была даже не против. Ей нравилась его красота. И этого было почти достаточно, осталось лишь найти стабильный заработок. Повзрослев, Герда стала крайне практичной. Но Кай старался меньше внимания обращать на эту черту ее характера.

Вскоре он остался один и, заварив травяного чая, сел недалеко от камина. Успокаивающий аромат тимьяна наполнил легкие.

Всего за пару лет Кай превратился из нескладного парнишки в прекрасного юношу. Так говорили окружающие, а его самого смущали длинные ноги и руки, из-за которых он чувствовал себя неловким. Впрочем, это чувство преследовало его с рождения. Словно он чего-то не понимал, не чувствовал целостности и от этого был слабым и нерешительным.

Хотя ему хватало упертости, как слепец хватается за руку проводника, цепляться за свое желание держать в руке кисть. Пожалуй, это была единственная вещь, позволяющая Каю оставаться на плаву и дарующая какой-никакой внутренней стержень.

Отставив в сторону чашку, Кай на цыпочках прошел к сундуку в углу комнаты. Разговор с Гердой до сих пор крутился у него в голове.

Он откинул крышку. Сверху, прикрывая самое ценное, лежало несколько свертков ткани, а под ними – портрет. Это был один из первых холстов, которые он смог себе позволить. Краски, кисти и холсты – все это было не только дорого, но и трудно добываемо, что вынуждало Кая ездить за ними в соседний, более крупный город.

В тревожной тишине, пока за окном завывал ветер, он смотрел на прекрасное лицо и белоснежные волосы, мерцающие, словно снег. Широкие раскосые глаза сразу приковывали внимание к ее лику с отчетливо выделяющимися острыми скулами. Но больше всего поражали радужки, светящиеся изнутри, словно лед, который покрывал озеро в Хальштатте. Она была прекрасна, величественна и высокомерна. На лице девушки имелся лишь один изъян – кончик правой брови оказался рассечен, ее пересекал едва заметный шрам.

И сколько ни смотрел Кай на Деву Льда, написанный им самим портрет его завораживал.

* * *

Корочка льда сверкала, отражая розовый оттенок неба, что предшествовал растущим на закате теням. Снег хрустел под ногами. Каждый шаг давался Каю с трудом. Он проваливался почти по бедро, но все равно упрямо шагал к далеким деревьям. Своими темными кривыми ветвями без листьев они словно сшивали края неба и земли на горизонте, не позволяя им расползтись.

На плече Кая висела сумка, в которой лежали уголь и листы бумаги.

Через некоторое время, достигнув цели, Кай шумно выдохнул, издавая слабый победный возглас. Ему потребовалось больше часа, чтобы добраться сюда по глубокому снегу. Он и не думал, что это будет столь тяжело и долго. Его беспокоило стремительно теряющее яркие краски небо. Темнело опасно быстро.

Кай подул на руки, которые тут же снова сковал мороз. Он оглянулся, заметив очень кстати выступающий над снегом пенек, и направился к нему.

– Идеально, – прошептал он, осматривая открывшийся вид, а после достал бумагу и уголь.

Прошло буквально несколько секунд, и он сделал первый штрих, положивший начало работе. Кай увлекся, тщательно перенося на бумагу каждый изгиб древесного ствола, прорисовывая раскидистые дубовые ветви. Снизу они уже не казались нитями, сшивающими небо и землю, а были скорее копьями, пронзающими нависающую пелену светлых облаков.

Кай не видел ничего, кроме того, что желал запечатлеть на бумаге. Не ощутил даже дуновения морозного ветра, обласкавшего его и взметнувшего черные пряди. Так в безмолвной тишине проходило время до тех пор, пока он не завершил рисунок и не пришел в себя. Выведенные точными угольными линиями деревья заворачивали. И столько деталей было в этой картине, что даже цвета не требовалось, чтобы понять всю красоту природы. И неважно, что Кай испачкал руки, а покрасневшие пальцы едва сгибались от мороза.

Но лишь закончив свою работу, он заметил леденящий холод. По спине пробежали мурашки. Кай осознал: он не один. Он затаил дыхание, опуская косой взгляд под ноги, где на снегу трепетала, словно рябь на воде, человеческая тень. Кай обернулся стремительно, пытаясь застигнуть незваного гостя врасплох, но зажмурился от взметнувшейся перед глазами пурги. А когда вновь посмотрел перед собой, то позабыл, как дышать.

Перед ним стояла *она*. Почти такая же, как на его портрете, но одновременно и не похожая вовсе. Белоснежные прямые волосы, слегка вздернутый тонкий нос, брови и ресницы, словно посыпанные снегом, но сильнее всего приковывали к себе внимание глаза –

радужка светлая, почти белая, она бы выглядела безжизненной, если бы не полные синевы линии, расплывшиеся по ней, словно трещины по льду. Взор – острый, словно лезвие ножа.

Его поразил ее облик. Она выглядела слишком юной, но в то же время властной и дерзкой.

Дева склонилась над ним, поднимая руку – от самых пальцев вверх по белоснежной руке поднималась вязь линий, что переливались, словно излучая собственный свет. Эти линии складывались в рисунки, Каю сразу бросилась в глаза распахнутая пасть зверя возле большого пальца. Волк скалился, словно вот-вот готовый напасть.

– Что это? – спросила она, посмотрев вниз. Ее голос гулким эхом повторился в его мыслях.

Кай проследил за ее взглядом.

– Это... Это уголь, – отозвался он, жадно рассматривая лик Девы.

– Уголь? – повторила она за ним. От девушки веяло холодом. Свежестью раннего зимнего утра. Пальто на его плечах покрывалось инеем, он словно слышал, как вырастали кусочки льда на ткани. – И им можно создать это? – кивнула девушка на лист в его руках. Наконец-то Кай осознал, что заинтересовало ее на самом деле. Она задумчиво переводила взгляд с него на творение в его руках. И каждый раз ее взор задерживался одинаково долго, словно она не могла решить, что ей интереснее.

Тем временем Кай ответил:

– Лишь в умелых руках.

– Хм. Ничего особенного, но все равно прелестно. – Дева сощурила холодные глаза, будто задумалась. Ее изящная рука коснулась листа, и вот уже ее пальцы едва не касались его губ.

– Отдашь? – Ее глаза угрожающе заблестели, а уголок губ изогнулся. – Отдашь и останешься сегодня жив, – легко пообещала Дева.

«Сегодня?» – пронесся молчаливый вопрос в голове Кая. Одноединственное слово, казалось, меняло всю суть. Но ему грозили смертью, а он отчего-то не испытывал и капли страха. Лишь смятение. Все его чувства словно оцепенели, а сердце в груди забилося гулко – ему будто стало тяжело продолжать гнать кровь по венам. И дыхание Кая стало таким же гулким.

Он опустил взор на лист в руках – темные угольные линии покрывала вереница снежинок.

– Подарю, – вдруг прошептал он, едва шевеля губами.

Снежная Дева возвышалась над ним и оттого склоняла голову, а волосы, местами сверкающие, точно лед, свисали прямыми строгими прядями. Рассеченный уголок брови придавал ей воинствующий и дерзкий вид. Она выглядела величественно, как истинная королева. Будто раздумывала, стоит ли принять то, что отдано добровольно, а не отнято или потеряно.

– Мне никогда ничего не дарили, – в конце концов призналась Дева Льда – это имя Каю нравилось больше всего. – Значит, я могу забрать и твою жизнь, и твое творение?

– Можешь, – согласился Кай, сглотнув и словно ступая на шаткий мост. – Но прежде я бы хотел написать еще что-нибудь для тебя, – нашел он способ остаться в живых и даже не соврать.

Ее задумчивый взгляд устремился в никуда, а после она выдохнула едва ли не ему в губы:

– Хочу.

– Тогда я создам, – самозабвенно пообещал он, не понимая, что же на него нашло, не находя причину своей покорности.

Девушка резко склонилась, ее палец с длинным острым ногтем коснулся его подбородка, приподнимая.

– Не обмани меня, Кай, – пригрозила она, смотря в его глаза и становясь немного выше. Снег поднимал ее над ним, а вокруг них кружила пурга.

– Не обману, – дал он слово, замороженный навеки юным лицом. И с этими звуками взметнулся снег, залепил глаза, завыл ветер, Кай зажмурился, не в силах смотреть. А когда ветер утих и мир вновь распростерся перед ним, не увидел он ни снежной пурги, ни Девы. И лист из его ладони тоже исчез. Не осталось ничего, словно ветер тщательно уничтожил улики, указывающие на ее существование. Будто все случившееся было лишь сновидением.

В ту ночь Кай долго не мог уснуть. Он лежал в постели, подложив руку под голову и невидящим взглядом смотря в потолок. Он повстречал настоящую Деву Льда, но чувствовал себя идиотом. Мысли в его голове кружили беспорядочным роем, с которым Кай никак не мог совладать.

В конце концов он не выдержал, поднялся, направившись к книжному шкафу. Провел рукой по корешкам, словно не зная, за чем обратился к книгам. А после достал один из своих дневников, спрятанных за фолиантами. Пролистал страницы, видя мельтешение мотыльков – насекомые словно ползли по бумаге. Кое-где на страницах встречались соцветия роз. Белые розы опасливо вились по краю листов, будто не желая занимать больше места, чем им отведено.

Отыскав свободные страницы, Кай вернулся к кровати и, как и в прежние времена, стал заполнять их. Он всегда помнил, как начинал рисовать, но после забывался в процессе и приходил в себя лишь позже, когда несколько страниц вновь были заполнены странными, немного пугающими рисунками.

– Дитя ледяных вод, не страшны ей ни пламень, ни острые мечи, – неожиданно прошептал Кай слова одной песни. А услышав собственный голос, замер, и кончик грифеля завис в воздухе, так и не нанеся следующий штрих.

У Кая проблемы – ему грозила смерть. Дева точно желала его убить. В их прошлую встречу в лесу, когда ему было всего девять, она тоже говорила об убийстве, но совсем иначе. В то время она лишь раздумывала о его судьбе, а ныне приняла решение. Сомнение и уверенность. Все равно что опавший лист, несомый ветром, и выстрел из ружья.

Запрокинув голову и отвлекшись от дневника, Кай задумался. И вновь почувствовал себя идиотом. Наверняка и выглядел он так же, когда увидел ее.

Он вспомнил Йона, который точно так же вел себя, будто сам не свой, рядом с одной девушкой – она была на год старше его, и это заставляло беднягу еще больше нервничать. Но ситуация Кая была

иной. Он бы определил свое оцепенение как восхищение произведением искусства. Словно перед ним ожила картина...

Но больше всего Кая интересовало его прошлое, которое было неразрывно связано с Девой Льда. Кай верил: как только он узнает тайну той ночи шестнадцатилетней давности, то наконец-то освободится. И тогда сможет покинуть этот город. При условии, что к тому моменту останется жив.

Взгляд мазнул по портрету на полу, прислоненному к стене. Он вытащил его из сундука сразу же, как вернулся домой.

«*Могу ли я спросить напрямую?*» – задался он вопросом, словно мог получить от девушки на холсте ответ. Нет, это безумие. Даже на холсте Дева выглядела опасно – в глазах застыл враждебный блеск.

Кай отчетливо помнил, как наносил каждый мазок краски, обращаясь к далеким воспоминаниям внутри себя. А после, словно захваченный ими, подолгу мог не пить и не есть, работая над своим творением.

Герда злилась, когда заставляла его в таком состоянии – разжигала камин, ругалась из-за приоткрытого окна, а после боялась, что он заболит.

«Что ты с собой творишь?» – говорила она, а Кай не знал, что ответить.

Тогда Герда называла его упрямым болваном и через некоторое время уходила, громко хлопая дверью.

Так и не отыскав ответа на свой вопрос, Кай вновь убрал полотно в сундук и лег в постель, пряча ноги под одеялом. Прикрыл глаза, засыпая под завывание ветра. И, смотря в окно, он видел, как покрываются инеем стекла в рамах, – на их поверхности расцветали ледяные цветы.

На следующий день Кай зашел в лавку семьи Герды. Был выходной день, и отец Герды стоял за прилавком, подменяя жену. Господин Хакон был высоким, широким в плечах и с пышными темными усами. По словам Герды, усы – это единственное, что позволила ему госпожа Летиция. Она беспокоилась, что если он отрастит бороду, то однажды непременно волосы с нее попадут в тесто.

Запах свежего хлеба витал всюду. Казалось, он навечно впитался в дерево, которым были обшиты стены помещения.

Во взгляде господина Хакон промелькнуло узнавание, стоило ему поднять голову.

– Тебе как всегда? – поприветствовав Кая кивком, показал он на противень неподалеку, прикрытый белой салфеткой, под которой хранились булочки.

– Да, спасибо, – отозвался тот, отсчитывая монеты, когда дверь в лавку вновь открылась, впуская внутрь нескольких мужчин, бурно обсуждавших последние новости.

– Говорю же, небо было чистое, ни облачка! Откуда было взяться метели? – убежденный в своей правоте, вещал один из жителей, прижимая к груди шапку.

Ладонь Кая на мгновение застыла. Преступная заминка. Ему показалось, заметь вошедшие его реакцию, и непременно свяжут происшествие с ним.

Деньги звякнули, коснувшись поверхности стола.

А вокруг никто ничего так и не заметил.

– Хватит, может, не будем... – начал один из его собеседников, явно желая избежать неприятной темы.

– Это наверняка Снежная Ведьма, – убежденно заявил Вигге. Кай крепко сжал сверток с выпечкой. Господин Хакон, сведя брови, слушал чужой разговор.

– Быть не может! – возразили ему.

– Ты с самого утра об этом трезвонишь, – осуждающе проронил господин Хакон.

– А ты думаешь, это все ложь? – оскорбился тот. Кай посторонился, пропуская Вигге к стойке.

– Какое нам дело? Зачем народ пугать? – отмахнулся отец Герды, наваливаясь всем весом на стойку. Он обладал внушительной фигурой и силой, как нельзя лучше подходящей для работы в шахте. Но характер имел мягкий и мирный.

– Пугать? Надо быть настороже! Мало ли что случиться может. Еще ведь не известно даже, может, кто-то и погиб.

– Погиб? – вмешался Кай, заинтересовавшись.

Вигге взглянул на него, будто впервые увидел, и его взор уперся в лицо Кая. Он тяжело сглотнул.

– Говорят, что там, в центре метели, видели двоих. И если первая Ведьма, то второй... – Он сделал красноречивую паузу. – Соответственно, человек. Никто из тех, кто встречал ее, в живых не оставался. – Уголок губ Вигге дернулся вверх. Кай прекрасно понимал, на что он намекал.

Но лишь покачал головой, делая вид, что удивлен услышанным.

«Никто в живых не оставался...» – у этих слов было доказательство, в достоверности которого Кай не сомневался.

В городской церкви на протяжении уже двух веков велись записи всех необычных смертей. Возможно, выбор места странный, но даже священники-лютеране признавали существование Ледяной Девы. Башня церкви была самой высокой в городе, и, возможно, по этой причине именно на ее верхушке Ледяницу непременно раз в десяток лет кто-нибудь да замечал.

Имя матери Кая тоже было начертано в тех стенах. Он знал, что записи с описанием трагедии хранились на верхнем этаже той самой башни.

– Но, возможно, мы все же скоро найдем новую жертву, – продолжал Вигге упрямо гнуть свое.

– Хватит. Город маленький, все друг друга знают. Давно бы поняли, если бы кто-нибудь умер, – потеряв терпение, вмешался отец Герды. Он разозлился, и так мощный, и словно стал еще выше.

Кай негромко попрощался. Господин Хакон махнул ему, сразу продолжив спор.

Кай вышел наружу, вдыхая морозный воздух. На входе он наткнулся на деда Йона, который сидел на лавочке, припорошенной снегом, опираясь на свою трость.

– Господин Йенсенн... – начал Кай, помня, что дед имел непростой характер. И, словно подтверждая его мысли, тот тут же вспылал, вскинув голову резко, как свиристель, сидящий на ветке:

– И ты туда же? Тоже будешь всякие небылицы рассказывать?

– Вам не холодно? – почти одновременно с ним спросил Кай, отчего старик замялся.

– Нет, – хмуро выдал он. – С самого утра только и слышно, как судачат о ней. Лучше бы делом занялись.

Кай едва сдержал улыбку – дед Йона был похож на нахохлившуюся птицу. Он был вспыльчив, но отходчив и довольно

прямолинеен. Хотя иногда его речи звучали слишком грубо.

Даже в Хальштатте находились те, кто относился к рассказам с недоверием, несмотря на доказательства. И дед Йона был из таких. Йон подшучивал, что если даже что-то необычное случится у дедушки под носом, тот с большей вероятностью притворится слепым, чем заставит себя поверить в «чепуху». По этой же причине еще с тех самых времен, когда Кай был мальчишкой, господин Йенсенн относился к нему совершенно так же, как и к любому ребенку в городе.

В течение дня Кай еще не раз слышал рассказы о новом появлении Девы Льда – слухи будоражили человеческие умы. Об этом болтали и прихожане церкви, куда он пришел, чтобы поработать над фреской.

Городская церковь стояла на самом берегу озера Хальштеттер – строгий силуэт, состоящий из геометрических линий, где даже башня выглядела, словно вытянутая пирамида, увенчанная шпилем. Зимой, не укрытая вязью плюща и не украшенная посаженными у фасада розами, она смотрелась особенно мрачно на фоне вздымающихся на горизонте гор.

Придерживая на плече ремень сумки, Кай миновал низкую ограду, сразу попав на маленькое кладбище. Могилы жались друг к другу, из-за чего каждый кусочек свободного пространства земли был на вес золота.

«Или пуда соли», – не раз думал Кай, рассуждая об этом. Сразу за кладбищем была часовня с костницей, где хранились черепа почивших жителей. Всегда, когда взгляд падал на дверь, за которой хранилась смерть и память, Кай чувствовал пустоту, непонимание и какое-то отторжение.

Смотреть на черепа своих родных, которые когда-то жили, как и он, было тяжело. Ныне пустые глазницы взирали на мир с полок, словно книги со шкафов.

Сделав крюк, Кай коснулся припорошенного снегом креста на одной из могил. Беззвучно поздоровался и почти сразу попрощался – там уже два года лежала женщина, вырастившая его и одарившая любовью. Но останки его бабушки, как и других усопших, не пробудут долго в земле, еще восемь лет – и они тоже окажутся в костнице.

Пройдя кладбище, Кай с силой толкнул дверь и вошел в небольшое помещение для священнослужителей – строгое и аскетичное, с бело-серыми стенами, двумя длинными деревянными лавками и высоким узким шкафом. Несколько деревянных балок пересекали потолок, упираясь в стены.

Фреска, над которой работал Кай, находилась в главном зале, но краски, купленные для работы, он хранил здесь. Забрав все необходимое, Кай вышел в коридор. Его взгляд, как всегда, коснулся лестницы, ведущей на верх башни. Те стены выглядели древнее, чем в зале с алтарем, – щербатый светлый камень не был покрыт штукатуркой, как нижние помещения.

– Кай? – окликнул его священник. Герхарда и Кая разделяли всего семь лет, но, облаченный в черные одежды, с бородой и широкой, словно бочка, грудью, он казался куда старше своего возраста. Он пошел по стопам отца, который заведовал приходом этой церкви, видимо, в будущем собираясь окончательно перенять семейное дело.

Герхард заметил, куда был направлен взор Кая. Но тот уже отвел взгляд, поздоровался и обменялся парой фраз о фреске – ее сложный сюжет был наполнен библейскими мотивами. Кай уже больше года работал над ней.

Вскоре, притаившись за колонной и приготовив краски, Кай тихо продолжил свою работу. Часы пролетали незаметно, и вот уже солнце зашло за горы, а остатки дня с трудом рассеивали дымку, обнимающую темные вершины.

Засмотревшись в окно – вытянутое, с изогнутой вверху рамой, – за которым на небе уже виднелась первая звезда, он понял, что пора собираться домой.

Но перед тем как Кай покинул стены церкви, его вновь окликнул Герхард. Весь день Кай ловил на себе его взгляды.

– Ты слышал о метели вчера вечером? – воровато оглядевшись, прямо поинтересовался священнослужитель.

– О метели? – переспросил Кай безмятежно, тогда как на самом деле его сердце опустилось в пятки. – Конечно. Об этом судачит весь город.

– Прошу простить за вопрос, но что ты делал вчера в это время? – Серые глаза Герхарда внимательно смотрели на Кая.

– Рисовал... Как обычно, – пожал тот плечами.

– На улице? Я видел из окна башни, как ты вернулся в город, когда стемнело.

– Да, я был в лесу. Делал наброски, – отозвался Кай, вновь невольно бросая взгляд на лестницу, ведущую на самый верх. – Вы меня в чем-то подозреваете?

Все это время у него в голове повторялся раз за разом лишь один вопрос: что бы он ответил, если бы скрывать ему было нечего? Как бы повел себя, если бы узнал о Ледянице, как все, с чужих слов?

Возможно, он бы разозлился? Да. И его бы раздражало чужое подозрение? Определенно.

Но ирония в том, что ему не позволено было показывать свою ярость. Легкая улыбка скрывала многие его эмоции. Исполняла роль щита. Если бы он выходил из себя каждый раз, когда кто-то оскорблял его чувства и гордость, Хальштатт сломал бы его.

Одиночество пугало Кая. И этот страх пришел за ним из детства.

– Нет-нет. Я лишь беспокоюсь, – поспешил заверить его Герхард. – Ты ведь знаешь, как заведено в нашем городе? Мы стараемся держаться в стороне от всего, что неподвластно законам Божьим. И если замечаем что-то неестественное, то предпочитаем не привлекать к этому внимания. – Голос священника стал совсем тихим, когда он добавил: – Любое столкновение с *ней* грозит лишь бедой.

Кай кивнул его словам, прежде чем спросить:

– Я не понимаю, зачем вы говорите мне все это?

– Думаю, все же понимаешь, Кай. Ты отмечен зимой и поэтому должен быть еще более осторожным. И еще – благодарным. Мой отец пошел на риск, когда позволил престарелой Ребекке оставить тебя.

«Тебе бы не позволили жить среди нас...»

– Ты ведь не знаешь, что до Хэстеинов несколько поколений назад шахтой владела другая семья? – вдруг добавил священник.

– Нет, я об этом не слышал.

– Верно, ведь наши предки предпочитали не вспоминать о том случае. Препрежним владельцам не посчастливилось столкнуться с *ней*. Почти вся мужская половина того семейства оказалась убита, и им пришлось продать замок и шахту. Вот что происходит, когда Ледяница сталкивается с жителями города. Случается смерть.

– Это все содержится в записях башни? – вдруг поинтересовался Кай, игнорируя последние слова Герхарда.

– Да, – подтвердил священнослужитель, растерянно моргнув. Кай кивнул, понимая, что нет смысла просить показать те страницы – откажут.

– Я ценю вашу заботу обо мне. Но ваши предостережения... Я не думаю, что они уместны. – Попрощавшись, он стремительно направился прочь, желая скорее выйти на свежий воздух.

А когда выскочил под яркое око луны, лицо обожгло студеным воздухом.

«Не спорь. Будь к людям добрей и в ответ увидишь добро от них», – так говорила Каю бабушка, когда он был мал. И он не мог сказать, что она была не права, скорее, она не предупредила, что его все равно будут подозревать. Этим самым не позволяя позабыть о том, о чем он даже не помнил, – о дне, когда его глаза изменили цвет.

Все детство он был белой вороной среди своих сверстников. И так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось девять лет. В первые месяцы той зимы Кай почти поддавался отчаянию, а в неминуемо наступившее лето словно излечился, практически избавившись от этого чувства. Это произошло одним жарким месяцем, в июле. В то время Петтер – мальчик, живший на соседней улице, – в очередной раз решил развлечься. Он со своими друзьями постоянно находил Кая и проверял на прочность, пытаясь вывести его на эмоции. Но в то время гадости о себе Кай выслушивал уже весьма стойко, пропуская их мимо ушей. Тогда обидчики нашли новый способ издеваться над ним – стали оскорблять его мать. Назвали ее падшей женщиной, бросившей своих родителей и уехавшей в другой город, а после поплатившейся за грех смертью. В тот день Кай не выдержал и бросился в драку. И в конце концов его побили, ведь он был один против четверых. Побили не сильно, опасаясь взрослых, но глумливый смех еще долго стоял в ушах Кая. Пусть он сумел надавать тумаков в ответ, прежде чем его обездвигили, но все равно сути это не меняло.

Именно тогда, сидя прямо на земле через дорогу от своего дома, Кай познакомился с Гердой. Она первая заговорила с ним, выглядывая из-за низкого заборчика, который огораживал крохотный садик, полностью засаженный алыми розами, – уже тогда она ухаживала за цветами самостоятельно. Сказала, что считает все сказанное глупостями и что ее мама думает так же. Кай же не знал, что ответить, и вместо этого невпопад спросил про розу, росток которой

протиснулся сквозь щель между досками в заборе. Расцветший на ней нежный бутон был миниатюрным и настолько изысканным, что даже Кай смог преодолеть себя и назвать его красивым, – в то время к нему уже приходили сны, наполненные смертью, белыми мотыльками и нежными цветами. Взгляд Герды загорелся, и она стала рассказывать ему про свой сад, а найдя в нем покорного слушателя, пригласила войти. Вскоре Кай узнал, что каждое растение Герда посадила сама, что она обожает алый цвет и что каждому цветку дает имя. Так и началась их дружба, а девятилетний Кай не мог поверить в происходящее. Герда была первой, кто разговаривал с ним вот так, по-простому, и именно она словно разбила стену отрешенности вокруг Кая.

Тот день Кай помнил отчетливо, он засел в голове. И сейчас почему-то промелькнул в памяти стремительным ворохом снежинок, что, касаясь кожи, колют холодом и быстро тают.

Тряхнув головой, Кай постарался избавиться от надоедливых мыслей и сосредоточиться на том, что действительно важно. Во-первых, ему необходимо было написать картину, во-вторых – разговаривать Деву Льда, затронув события прошлого, и в-третьих – не умереть.

Кай поднял взгляд к небу.

Луна ярко сияла, словно до блеска начищенная серебряная монета. Мелкие снежинки зависли в воздухе, мерцая под ее светом. В руках и ногах Кай чувствовал усталость, но знал, что она непременно отступит, стоит ему вновь взяться за кисть.

Ему хотелось поразить Деву Льда, создать нечто особенное. Но он понимал, что картина, написанная человеком, вряд ли сможет ее восхитить.

По дороге к дому Кай решил сделать крюк и пройти вдоль озера. Застывшее и покрытое слоем свежего снега, оно выглядело умиротворяюще. Кай задумался, взор его тонул в мириадах звезд – те сияли, как драгоценные камни.

– Звезды словно цветы, только на небе... – прошептал он себе под нос, наблюдая, как внезапно пришедшие из-за гор облака упрямо наползают на луну, скрывая ее сияние, серебрившее снег.

– На вершине гор их видно лучше, – внезапно раздался тягучий и глубокий голос за его плечом.

Кай вздрогнул и инстинктивно едва не вскинул руку, защищаясь. Заметив его реакцию, Дева изогнула рассеченную бровь. Она шла вровень с ним, а когда Кай остановился, успела пройти несколько шагов вперед и теперь обернулась.

– Ночью в горы лучше не ходить, – отозвался Кай, жадно смотря на нее. Открыто появившаяся посреди города, она выглядела лишней в этом месте. Хотя нет, скорее, все остальное казалось чужеродным.

Забывшись, он приблизился к ней в несколько шагов.

– Ты у всех на виду. – Голос Кая звенел.

Но за кого он боялся? За себя? В этом Кай был не уверен. В голове лишь пульсировала мысль о неправильности происходящего.

– Я знаю, Кай. – С мрачной улыбкой она подняла руку, касаясь пальчиками его скул. Холод, опаливший кожу, отрезвил. Блестящие льдистые глаза смотрели прямо на него. Они словно поглощали его сознание целиком.

Кай попятился, чувствуя, как один лишь ее взор дурманит разум. Сердце учащенно забилось, а его неуверенность вернулась.

– Не волнуйся. – Она взметнула ладонь, ее изящный белый палец показывал на небо. – Луна за облаками. Никто меня не видит.

– Видно только при луне? – едва шевеля пересохшими губами, спросил он.

– При лунном свете и на закате, – скучаяще поделилась Дева, закатывая глаза. – Ну и при сильном снеге. Все же я не бесплотная. Снежинки облепляют.

– А еще следы на снегу, – заметил Кай, склонив голову и понемногу приходя в себя. Но едва успел он договорить, как перед его глазами тело Ледяницы захватила резкая и короткая вспышка света. От неожиданности Кай отшатнулся.

Перед ним стояла все та же Дева, но в этот раз и правда целиком и полностью высеченная из льда. Одежда обратилась тонким слоем белого снега, покрывающим ее ледяную кожу. Кая достигла волна холода, что сковала горло и заморозила дыхание.

В этот миг он услышал хруст снега – мимо проходил мужчина.

– Только в человеческой форме, – сказала Дева Льда, и прохожий дернулся от звука ее голоса. Мужчина заозирался – это был один из тех, кто приходил в лавку господина Хакона сегодня днем.

– Ты что-то сказал? – спросил он.

– Нет, – покачал головой Кай, понимая, что замер посреди дороги без видимой причины, и медленно побрел вдоль берега озера.

Мужчина, видимо решив, что ему показалось, тоже направился по своим делам.

– Он тебя слышал, – произнес Кай с укором. К этому моменту он уже почти свыкся с присутствием Ледяной Девы, украдкой рассматривая линии, сплетающиеся на ее руке. Они, словно рукав одежды, покрывали кожу от запястья до плеча.

– Естественно, люди ведь не глухие.

– Мы и не слепые, но почему-то без лунного сияния остальные тебя не видят.

– Это иное.

Кай прибавил шаг, и Ледяница осталась позади. Здесь, вблизи, почти не используя свою силу, она выглядела слишком юной. Если бы не глаза – холодные, острые, глубокие, – Кай мог бы забыть, с кем имеет дело.

За его спиной сверкнуло. На мгновение тень Кая, лежащая на дороге перед ним, вытянулась на несколько десятков футов.

Он задумался: *«Неужели и этот свет тоже видим остальным?»*

– Ты слишком беспечна. Неудивительно, что в городе о тебе знают. – Неприкрытое осуждение прозвучало в его голосе.

– А я не думала, что у меня появилась нянька. Быстро меняешь роли, – с насмешкой заметила она.

– Может, ты меня вынуждаешь ею стать? – сказал он, удивляясь своей дерзости и откровенности. Его поражали собственные речи, но, несмотря на колкие слова, ему было комфортно. Кай чувствовал себя в своей тарелке.

– Совсем меня не боишься... – Дева оказалась прямо перед ним так внезапно, что Кай застыл, задержав дыхание. Уголок ее губ приподнялся, глаза блестели. Холодное дыхание, вырывающееся из ее рта, задевало его скулы. – Готова ли картина?

– Нет, еще слишком рано, – нахмурился он, выдерживая ее взгляд. Вся она была соткана из противоречий – нечеловеческая красота, надменная и смертельная, но неминуемо манящая к себе. Как оружие с драгоценными камнями и перламутром, что не утратило свою способность убивать.

– Рано? Сколько тебе понадобится времени? – Белые брови Девы сошлись на переносице.

– Мне надо пару месяцев, чтобы создать что-то стоящее.

– Нет, столько у тебя нет... – тихо изрекла она, на ее лице не осталось места для улыбки.

Кай шумно выдохнул, вновь пятясь от нее и едва различая свои ноги в сгустившейся тьме.

– Отчего же? Все еще собираешься меня убить? – спросил он, как и в былые разы, не ощутив тревоги, когда ответом ему стала тишина.

Не глядя на Деву, он обошел ее. Взгляд зацепился за ледяные туфли, которые покрывали мертвые цветы с острыми, словно лезвия, лепестками, и белые ленты, оплетающие щиколотки. Она не проваливалась в снег, словно парила над ним, оставляя лишь едва заметные следы.

– Сколько времени тебе необходимо, чтобы уйти без сожалений? – раздался позади голос с глубокими бархатистыми нотками.

– Может быть, год? Да, года было бы достаточно, – решил он, останавливаясь и убирая руки в карманы.

– Нет, это слишком долго, – категорично отозвалась Ледяница.

– Почему? – На губах Кая появилась неуместная улыбка. – Разве ты не великая и всевластная королева снегов и льда?

Дева Льда сощурилась, смотря на него.

– Пустая бравада. – Ее глаза сверкнули, ладонь легла на его плечо, и даже сквозь одежду Кай почувствовал сковывающий холод. Она улыбалась, шепча ему: – Я убью тебя, Кай. Внутри тебя то, что принадлежит мне.

– Так забери, – сказал он совершенно искренне.

– Пока ты жив, не могу.

– Тогда дай год. Мне нужен год, чтобы оставить хоть что-то после себя. Всего год. Позволь не остаться ничем. И тогда я смирюсь со смертью, – замороженно шептал Кай, сам шагнув навстречу ей. Встав так близко, что уже во взгляде Девы Льда мелькнуло что-то странное, и она отступила, когда он произнес: – От твоей руки смерть даже покажется мне благородной.

Его голубые глаза блестели. А Дева Льда молчала. Она застыла, словно обратилась в ледяную скульптуру. Только складка между бровей выдавала в ней жизнь.

«Откуда это у такой, как она?» – в который раз спросил себя Кай, рассматривая короткий шрам, пересекающий край левой брови. Единственный изъян на идеальной коже. У него должна быть история.

Кто-то окликнул Кая по имени – это Йон нес на плече тушку лисы. Видимо, вновь ходил на охоту в Малервег.

– Я подумаю, – донеслось до Кая тихо.

Он не обернулся, не отвел взора от друга, но уголок его губ дернулся.

«Все прямо как тогда», – промелькнула мысль, прежде чем он сделал первый шаг навстречу Йону.

– Ты над фреской... – заговорил Йон, приблизившись, и тут же оборвал сам себя: – Ого, как у тебя ресницы заледенели. На улице же не так холодно.

Кай поднял руку, касаясь глаз, а когда отвел ее, на пальцах его быстро таяли мелкие снежинки.

Карман. Измерение Зеркала разума Йенни

Лилово-голубой небосвод распростерся над созданным измерением. Казалось, время здесь застыло. В человеческом мире кипела жизнь, а в пределах Кармана она угасала. Существа, лишённые силы, не могли долго здесь продержаться. Ведь все это измерение было соткано благодаря магии, и, чтобы здесь находиться, необходимо было являться его частью.

Йенни прикрыла глаза, шумно выдыхая. Она могла бы обойтись без дыхания и в своей ледяной форме так и поступала, но смертному телу требовался воздух, чтобы оно продолжало жить и чувствовать. Чтобы сердце, пусть и редко, продолжало биться. Именно ее существование в этой форме отличало Йенни от бездушных ледников на вершине гор.

Дева зацокала языком и заложила руки за голову, устроившись поудобнее на лиловом лугу, припорошенном снегом. Не прошло и минуты, как она поджала губы и перевернулась на бок.

– Хватит маяться. – Соманн оторвал взгляд от пазла – он вновь собирал осколки. С последней их встречи летом прошло больше четырех месяцев. И в прошлый раз после собранной головоломки Йенни пришлось немало помучиться с одним из отпрысков славянских божков, с которым Соманн имел несчастье поспорить.

– Почему... я... не хочу... его убивать?

Сеятель косо взглянул на нее.

– Ну, он неплохие картины рисует, – заметил он. – Не выдающиеся, но неплохие. Проживи он дольше... – Соманн опустил голову, передвигая одну из льдинок.

– Лучше избавиться от проблемы сразу. Вырвать с корнем. Когда я смотрю на него, то сразу вижу Осколок. Раньше мне надо было приглядеться.

– Полагаю, здесь дело в тебе.

– Почему?

– Сообразительности тебе порой не хватает, Йенни. Прямая, как ель, – укорил Сеятель ее. – Если я правильно понимаю, у него в сердце

Осколок Зеркала разума. Этот Карман, и в особенности ты сама, связаны с силой твоего озера. Мальчик вырос с этой силой в сердце. Неудивительно, что вы резонируете. Ты воспринимаешь его творения, возможно, куда острее. Может быть, вы даже смотрите на мир одинаково.

– Он человек... – бросила она, словно вынося приговор.

– И что?

– Это невозможно.

Соманн лишь усмехнулся.

– Хочешь сказать, я оставила его в живых, потому что он похож на меня?

– Не то чтобы похож, я лишь предполагаю, что между вами есть что-то общее, – уклончиво отозвался божок.

Дева смерила его хмурым взглядом.

– Ой, еще один подошел! – воскликнул Соманн, радостно захлопав. По его золотым доспехам перламутровыми переливами прошла быстрая волна света, что мимолетно коснулась лица Йенни. – Ты ведь можешь следить за человеком. Летом Осколок спит, а зимой пока незаметен. Если поймешь, что времени не осталось, тогда и убьешь его.

– Ты предлагаешь мне проводить дни с человеком? – Дева фыркнула.

Отвернувшись, Йенни вновь обратила взор к безоблачному застывшему небу и продолжила обдумывать ситуацию. Сила Осколка в сердце Кая неминуемо прорвется наружу – она чувствовала это. И за этой силой придут. Первыми ощутят его могущество мелкие зимние альвы, находящиеся поблизости. Инстинкт приведет их к человеку. Осколок Зеркала разума – одна из немногих вещей на свете, что позволяет пройти перерождение, обрести разумную форму.

И как бы сильна Йенни ни была, против всех ей не выстоять.

Она охраняла силу озера уже много веков, ведь именно для этого Ледяная Дева появилась. Его мощь не могла принадлежать всем, иначе начался бы хаос. Мир людей и так извечно раскачивался, словно маятник, порою оказываясь на краю гибели.

При мысли о сражении на лице Девы появилась кривоватая предвкушающая улыбка. А вокруг по лиловому полю, словно цветы в

мире людей, стали расти ледяные сталагмиты, устремляя свои острия к небу.

Соманну пришлось уворачиваться, чтобы отыскать себе кусочек свободного пространства. Вреда бы они ему не нанесли – все же о легендарных золотых доспехах Сеятеля не зря ходило множество историй, – но неудобств бы доставили.

– Все же я убью его. Но, возможно... в твоих словах есть доля истины, – протянула Йенни, вспоминая встречу с Каем в тот зимний день, восемь лет назад. Мальчик был добр, а она давно не видела добра от людей. – Я не хочу быть к нему жестокой. Не хочу, чтобы он страдал.

Соманн несколько секунд смотрел на нее стеклянным взором, уносясь далеко в свои мысли, прежде чем предложить:

– Так создай из него ледяную скульптуру. У тебя тут пустовато, не находишь? – оглядел он окружающие просторы. – По левую сторону – лес, по правую – гора, в центре – поле.

– Нет, Осколок мне не позволит, – пропуская мимо ушей вторую часть его рассуждений, сразу же отвергла предложение Йенни.

Вдруг сталагмиты прекратили свой рост.

– Я знаю, как поступить! – Дева стремительно поднялась, застав тот момент, когда Соманн все же застрял между сосулк: лед скрипел, а доспехи разбрасывали во все стороны золотые искры. Йенни на миг прикрыла глаза, и сталагмиты беззвучно рассеялись, лишь, серебрясь, зависли в воздухе миллионы мельчайших частичек снега.

План оказался совершенно прост – убить Кая во сне. Сеятель был способен погрузить человека в настолько глубокое сновидение, что даже боль раненой плоти не заставит того проснуться. Йенни не будет видеть глаз Кая, а Соманн сделает последние секунды его жизни прекрасными. Разве не все люди мечтают об исполнении своих желаний? В мире грез было возможно все.

– Идем, – позвала Йенни, не терпя возражений. В ее голосе зазвучали низкие угрожающие нотки. Вспыхнув, ее тело поменяло форму, обратившись льдом. Она поторопила Сеятеля, уничтожая льдинки на ледяной плите так же, как сталагмиты – обратив их в едва различимые в воздухе частички.

– Никакого терпения, – недовольно заворчал божок. – Почему нельзя подождать до завтра?

– Я ненавижу ждать, – медленно процедила она. Но Соманн и так прекрасно это знал. За века в ожидании зимы многие познали бы смирение, но с Йенни получилось наоборот – она стала опасна. Слишком быстро выходила из себя, и нередко случалось, что в гневе она сначала делала, а после думала. По опыту Сеятеля, у людей тоже так бывало, но они не обладали той силой, что несла в себе Ледяная Дева.

– Кстати, а как же тот камень, который попал в твое измерение из реального мира? Ты поняла как?

– Даже если бы поняла, то тебе бы не сказала, – отозвалась Йенни. В ее руке выросла ледяная игла, а через мгновение лед начал осыпаться, пока не приобрел форму острого кинжала – прозрачного, словно созданного из стекла, переливающегося лиловым и желтым, основными оттенками измерения. Дева перевернула оружие острием вниз, держа рукоять кончиками пальцев. Спустя минуту отпустила, лезвие упало, войдя в землю, и, рассыпавшись искрами, растворилось в ней.

И когда это случилось, темно-фиолетовая почва разверзлась, а из ее недр на поверхность поднялся широкий колодец, сложенный из древнего, покрытого тонким слоем морозных узоров камня.

Внутри колодца чернела бездна, словно он и вовсе не имел дна. Хотя так это и было.

Ведь когда оба – сначала Соманн под следящим взглядом Йенни, а после и она сама – прыгнули в его жерло, последним звуком, проникшим в измерение, стал обрывок фразы, сказанной предвкушающим тоном:

– Какое же насладить сновидение? Юноши в его возрасте часто имеют определенные желания...

Голос оборвался, и вокруг воцарилась мертвая тишина, в следующую секунду нарушившаяся хлопаньем крыльев белого кречета с ледяными перьями, вспорхнувшего с высокого, устремленного к лиловому небу дерева, и колодцем, который с чавкающим звуком вновь ушел под землю.

Кай полночи провел за работой в комнате, практически превращенной в мастерскую. Камин словно делил помещение пополам – на место, где Кай спал, и на пространство у окна, где писал картины. Когда солнце садилось за горизонт, источником света ему служили керосиновая лампа и огонь камина, который пару раз за вечер едва не потух, потому что Кай о нем забывал.

Рука кружила над полотном, ложились мазки. Он создавал краски, мешая драгоценные пигменты с маслом. И вскоре под его рукой стали проступать первые очертания будущей картины, над которой предстояло еще много работы.

Задумка была до безобразия простой – Хальштатт. Именно город будет на полотне. Но главная особенность заключалась в угле обзора – словно человек смотрел в небо на берегу тихого озера. Поэтому почти весь холст захватывало небо с молодой луной, и лишь края полотна, словно клыки в пасти волка, прорезали горы и особняк на другом берегу, теряющийся в тени ночи.

Кай собирался создать парные картины – одну с зимним небом, другую с летним. Ведь в разное время года и звезды на небе иные, созвездия сменяли друг друга, как жара и стужа.

Временами выглядывая в окно, он наносил мазок за мазком до поздней ночи. А когда прилег, без сил, так и не раздевшись, в сорочке и темных брюках, но босой, то сон поглотил его, словно Кай опустился в ледяную воду, после соприкосновения с которой так и не смог проснуться. Нынешнее сновидение начиналось иначе, чем другие, – он лежал на снегу. Белая ткань его рубашки сливалась с окружающим снежным миром.

Но стоило Каю приподняться, как он заметил, что в нескольких метрах от него сквозь снег пробивались изящные золотые цветы. Их нераскрывшиеся, но имеющие слегка заостренные, как наконечники стрел, бутоны набухли, налились жизнью, будто готовые вот-вот распуснуться. Цветы росли рядами, а между ними бродил человек в золотых доспехах, на которых были выгравированы точно такие же цветы. На шее незнакомца висела открытая сумка, от которой исходило яркое сияние, будто там лежало маленькое солнце.

Мужчина неспешно шел по полю между цветами и, опуская в сумку руку, рассыпал золотую пыльцу. Касаясь растений, она

заставляла их вспыхивать и сиять еще ярче. Он словно кормил рыб в водоеме.

– Что вы делаете? – спросил Кай, шагая ему навстречу.

– Не приближайся, стой на месте. – Незнакомец выставил ладонь вперед, даже не поднимая взора.

– Почему?

– Осколок Зеркала разума в твоём сердце...

– Осколок чего?

– Йенни не говорила? Хотя она учтивостью не отличается, верно? – Он улыбнулся, словно смеясь над прекрасной шуткой, и вновь рассыпал золотую пыльцу. Кай заметил, что распустившиеся цветы вмиг исчезали и на их месте начинали расти уже другие.

– Кто такая Йенни? – Кай смотрел на незнакомца, прекрасно ощущая течение сна. Но в то же время все здесь словно тянулось к нему. Будто он был центром этого мира.

– Видимо, ты совсем запутался, – развеселился мужчина.

– Вы не пытаетесь внести ясность.

– Верно. – Он продолжил посыпать цветы пыльцой. – Дело в том, что изначально я не планировал, что ты окажешься здесь.

Встряхнув руками, он поднял голову и широко улыбнулся. Глаза, залитые золотом, сверкнули. Они были настолько яркими и выразительными, что делали его похожим на безумца. Словно его постоянно обуревали сильные эмоции, придающие радужкам маниакальный блеск.

– Я растил твой цветок, но он не расцвел... – быстро проговорил он, захваченный своим же рассказом. – Прежде чем он расцвел, его задушили! Его задушила роза! – Он показал на белые лепестки, которые терялись среди золотого великолепия, но стоило Каю ее заметить, как она стала для него ярче всех бутонов. – Убери ее, она портит мой цветник. Сны вокруг нее блекнут.

– Почему вы сами ее не вырвете? – спросил Кай. Бутон одной из тех роз, что росли в его снах, словно живой, тянулся головкой к нему, будто прося прикоснуться.

– Вырвал бы, если бы мог.

Цветок затрепетал, лепестки дрожали под его взором, вот-вот готовые распуститься. Кай отвел взгляд.

– Кто вы?

– Сеятель.

Кай нахмурился, вспоминая, где он слышал это имя.

– Тот, кто насыляет сны? – наугад предположил он, припомнив сказки.

– Верно-верно. Великий Сеятель, посылающий сны, – пришел в восторг мужчина.

– И за мои сны тоже вы отвечаете? – спросил Кай, сам не заметив, как ладонь сжимается в кулак.

Хруст костяшек заставил Сеятеля дернуться и замереть, скосив взгляд на Кая. По миру, поделенному пополам серебром снега и золотом цветов, пронесся порыв ветра.

– Нет, сюжет твоих снов не моя заслуга. Увы. Я ведь даже желал дать тебе крупицу счастья перед смертью. Но видишь, что вышло? – посетовало божество, взглянув на бутон розы. – Этот цветок словно выпивает сны других людей. Они становятся блеклыми и нестабильными. Это вредно. Сны влияют на сознание. – Сеятель покачал головой, опускаясь на корточки, его доспехи звонко звякнули. – А он еще и вот-вот распуснется.

Бутон уже трепетал, готовый в любую секунду выпустить наружу мотылька, – так всегда происходило в снах Кая, цветы вырастали и распускались, лишь чтобы породить тех белых тварей.

На Сеятеля легла тень – Кай все же шагнул в золотой сад и безжалостно вырвал с корнем розу. Ее лепестки вяли прямо на глазах, опадали, обращались снегом и уже серебром посыпали поле, дарующее сны. По пальцам Кая стекала алая кровь.

– Я вам помог. А теперь не могли бы вы помочь мне? Расскажите про Осколок в сердце и... Йенни. Я ведь правильно вспомнил это имя? – сказал Кай, смотря на мужчину.

– Осколок Зеркала... Ты бы видел, как он только что сверкнул, – замороженно проговорил Сеятель, распахивая шире глаза. Блеск глаз усилился, делая его похожим на безумца. В воздухе разлился пьянящий аромат меда. – Ты ведь чуткий и мягкий по своей натуре, верно?

Кай ничего ответить не успел, когда он продолжил:

– Но Осколок обнажает другую сторону характера. И ты всю жизнь борешься с этой стороной. От этого чувствуешь, будто тебя разрывает на части. От этого боишься быть изгнанным! Перед тобой

обнажены все стороны людской природы, но ты делаешь вид, что ничего не замечаешь. Как завораживающе и увлекательно! Ты даже не представляешь насколько! Мне так интересно, какую сторону ты все же выберешь. Или вовсе задохнешься в противоречиях? Возможно, есть малая вероятность, совершенно невозможная... Но если она все же лишит тебя жизни, мы никогда не узнаем. – Сеятель застыл. Он молчал несколько секунд, а после, решившись, сказал: – Ты просил год? Проси вновь! – Откуда-то он знал все. – И заставь дать клятву. Клятва тебя сбережет. Клятва! Не забудь, Кай! Клятва!

Сеятель вдруг схватил его за плечи и притянул к себе, и в следующую секунду Кая обжег поцелуй его медовых губ.

Кай резко распахнул глаза, отчетливо слыша бешеный стук своего сердца. Он подскочил, собираясь сесть, но столкнулся с чем-то твердым и холодным, едва вновь не упав на подушку. Он был не один в ночной темноте.

– Дрянь! – раздалось у его лица. Чужие льдистые глаза сверкали во тьме, словно у кошки. От неожиданности Ледяница обхватила его за плечи и теперь будто обнимала, сидя на краю его кровати. Кай ощущал спиной, что в ее руке лежит что-то твердое и холодное. – Ты почему проснулся?

– Кошмар приснился? – прошептал Кай со странной вопросительной интонацией, все еще тяжело дыша. По телу юноши пробежали мурашки, когда то, что держала за спиной Дева, коснулось его спины и, вспоров ткань сорочки, пронзило кожу холодом.

– Кошмар? – повторила она за ним с недоумением. – Вот же...

– Почему ты в моем доме? – задал он вопрос, заставивший ее замолчать. – Для чего пришла?

В комнате похолодало. Температура понизилась настолько, что Кай видел, как его дыхание обращается паром.

– Мне надо было подумать. – Отпустив его плечи, Дева поднялась, и когда Кай опустил взгляд на ее руки, в них уже ничего не было. Лишь линии, рисующие морды волков, светились на ее алебастровой коже и серебристая пыльца шлейфом слетала с тонких пальцев, которые мгновение назад держали клинок.

– Для этого понадобился мой дом? – Взгляд Кая скользнул к окну – ручка на створке покрылась толстой коркой льда. Дева прошла к креслу неподалеку от стоящего на мольберте холста, села, закинув ногу на ногу, и, выпрямив спину, ответила:

– Мне редко приходится так много думать. И... Я решила, что смогу покончить со своими сомнениями здесь. – Ее нога раздраженно дергалась в такт словам.

– Забавный способ, – едко заметил Кай. Естественно, не было ничего забавного в том, что пару минут назад его собирались убить.

Он поднялся, проводя рукой по волосам и убирая их назад. На носочках направился к камину, ощущая голой кожей холод ледяного пола. Дева внимательно следила за каждым его движением, а после сосредоточилась на белых ступнях, отчетливо видневшихся на темном деревянном полу.

– Что именно тебе снилось? – с подозрением проговорила она.

– То, чего я не ожидал увидеть, – отозвался Кай, вороша кочергой потухшие, едва сохранившие тепло угли. Оторвав взор от камина, он посмотрел на Йенни. – Меня поцеловали.

Прямо на его глазах подлокотник кресла покрывался льдом.

– Понравилось? – изгибая бровь, бесцветно спросила она.

Кай тихо рассмеялся. Эта ночь норовила лишить его рассудка.

– Ну как сказать... Это было весьма неожиданно, – абсолютно искренне признался он и, укладывая дрова на расчищенное от золы место, мрачно продолжил: – Почти так же, как Дева, сидящая на краю моей кровати с кинжалом в руке.

Если бы молчание могло убивать, Кай был бы уже мертв.

– Почему же у могущественной Девы Льда рассечена бровь? – внезапно поинтересовался он. Кай мог бы задать вопросы и поважнее – о себе и событиях шестнадцатилетней давности, – но его заинтересовали призраки прошлого Ледяницы, которая пришла к нему этой ночью.

Она скупно усмехнулась, склонила голову, нащупывая тонкими пальцами свой шрам.

– Люди оставили, – выплюнула Йенни. – Об обстоятельствах не спрашивай. Все равно не расскажу.

– Ты за это нас ненавидишь? – вновь спросил Кай, выбивая искры огнивом.

– Людей я не ненавижу. Мне все равно, что с ними происходит, пока их дела не касаются моих.

– Хм, а говорят, ты многих убила.

– Боишься?

– А мне стоит?

– Определенно, – прозвучало едва ли не шепотом.

– Тогда боюсь, – покорно согласился Кай. Присутствие Девы Льда напрочь выстудило помещение. – Скажи, такие, как ты, чувствуют хоть что-то? – поинтересовался он.

– Конечно. Я не бездушный кусок льда.

Кай кивнул, принимая к сведению. Но ответ вызвал улыбку.

– Знаешь, а ведь когда-то я думал о смерти. Мне только исполнилось девять, когда я пошел в лес, собираясь больше не вернуться, – поделился он, подкладывая дрова в пока еще несмело трепетавший огонь. – Мой поступок был малодушным и эгоистичным, но в тот момент я думал, что не выдержу. Либо сам убьюсь, либо кого-то лишу жизни.

Кай говорил таким спокойным тоном, словно разговаривал о погоде. Ему самому была странна его откровенность. Даже с самим собой он таким искренним не был.

– Это не похоже на те мысли, которые должны приходить в голову ребенку, – заметила Дева Льда, вдруг проявив чуткость. Она недвижимо сидела в кресле, застыв, словно статуя.

– Да. Согласен. И я никогда об этом никому не рассказывал. – Кай вновь улыбнулся. – И никто никогда не подумает, что у меня могли возникнуть мысли о смерти. Это ведь ненормально.

– У каждого свои понятия ненормальности. Все весьма субъективно. Одному солнце в радость, а другому находиться под ним невыносимо, – невозмутимо отозвалась Йенни, подпирая ладонью подбородок и не мигая смотря на Кая. На ее пальце заблестело изящное кольцо – верхушка в форме дамской шляпки состояла из множества мелких деталей, тонкие элементы металла изгибались, рисуя узоры.

– Верно, – согласился Кай с ней. – Но в девять лет я был то ли слишком смел, то ли несмышлен, раз так легко готов был расстаться с жизнью... А ныне боюсь бесследно исчезнуть, так ничего не оставив после себя.

Он опустил взор, задумчиво посмотрев на свои пальцы – длинные, с выступающими костяшками.

– Что ты пишешь? – спустя несколько секунд молчания прорезал тишину ее вопрос. Ледяница смотрела на холст, на котором уже виднелся слой краски.

– Звезды, – обернувшись, выдохнул Кай, и из его рта вырвалось облачко пара, несмотря на близость огня, который согревал жаром заледеневшие руки.

– Для меня?

– Да. – Отвернувшись, он распрямился, смотря на осмелевшее пламя.

Дева вдруг рассмеялась, и ее завораживающий бархатистый смех словно отразился от стен.

– Думаешь, звезды способны меня удивить? – Ее голос приобрел циничные нотки.

– Не стоит сравнивать реальность и картины, – отозвался Кай, чувствуя движение за спиной. Ее ледяная ладонь с изящными пальчиками коснулась его спины, он явственно ощутил это прикосновение даже через ткань.

Кожу обожгло и закололо. Кай тяжело втянул воздух, поджимая губы, но больше ничем не выдал свою слабость. Даже не попытался отстраниться. Он знал, что если отступит и покорится хоть раз, то наскучит ей и она его точно убьет.

– Дашь мне год, и я смогу тебя убедить в этом. Никто ведь больше не сможет этого сделать. Только я. И все благодаря Осколку в сердце...

Его слова заставили Деву попятиться, всего на шаг, но это уже была маленькая победа.

Кай вдохнул, почувствовав, как вновь закололо в груди. Он привык к этому чувству, ведь оно было с ним с самого детства. Эта тихая боль отрезвляла, казалось, он начинал видеть верные решения.

– Дай мне клятву, что ты не отнимешь мою жизнь до конца следующей зимы, – продолжил Кай, оборачиваясь. Их взоры встретились – ее радужки слабо светились в полумраке. По сравнению с Девой Льда Кай был хрупок и слаб, но все же чаша весов будто бы склонялась в его сторону. – Но, если мне будет грозить смерть не по твоей воле, можешь первой отнять мою жизнь, – добавил он, понимая, что последнее условие неожиданно угодило точно в цель.

Покрытые мелкими снежинками едва розовеющие губы изогнулись.

– Пусть будет по-твоему, Кай. Я сегодня благодушна... Но я желаю раньше всех увидеть полотна, которые ты создашь.

– Хорошо, – сказал юноша.

От нахлынувшего облегчения у него перехватило дыхание. И, прежде чем Кай сумел сделать новый вдох, невесомая рука Девы коснулась его лица, крепко сжимая скулы, притягивая к себе. И в следующую секунду она властно припала к губам Кая. И время

словно остановилось, казалось, даже его сердце перестало стучать, когда ее губы прикоснулись к его.

Обжигающий лед, обратившийся пламенем. Короткое соприкосновение, словно открытая рана в груди.

– Пусть они станут самым прекрасным творением в твоей жизни, – почти ласково шепчет Дева напутствие, отстраняясь. А по его горлу стекает холод, касается ключиц, а после движется к сердцу, окружая его и сковывая. Оно вдруг перестает биться, и Кай пошатывается, опускается на колени, не в силах сделать вдоха. А после все же опадает на пол у ее ног.

Подтягивает к груди колени, ощущая, как сердце начинает биться вновь – медленно, слабо, с каждым разом ударяя чуть сильнее. Она склоняется, и ее бледные пальцы касаются его черных как смоль волос, убирая их с лица и заправляя за ухо.

– Скоро пройдет. Больно лишь в первый раз... – слышит он восторженный шепот, прежде чем потерять сознание на холодном полу.

* * *

Кай очнулся на полу. Сначала услышал слабый треск дерева, а приоткрыв глаза, увидел, что уже наступил день, заливающий комнату холодным светом.

В горле пересохло, а тело затекло. Слабая ноющая боль расплзалась по груди. Сглотнув, он шевельнулся, ощущая, как с неохотой поддаются затекшие конечности. Глубоко вдохнув, Кай наконец поднялся, с трудом вставая на колени. В голове шумело, фрагмент за фрагментом он воскрешал в памяти события прошедшей ночи.

В первую очередь ему в глаза бросился камин – огонь в нем почти потух. Но, судя по тому, как долго продержалось пламя, кто-то подбросил угля. Покачав головой, Кай через силу поднялся на ноги, заново осмотрел комнату и заметил воду на деревянном подоконнике. Ему вспомнилось, как еще ночью раму покрывал толстый слой льда.

Клятва дана... Он справился... И это было слишком просто. Ему даже не пришлось уговаривать Деву Льда.

Осознание случившегося пронеслось в его голове.

Но в самом деле ли просто? Губы до сих пор покалывало, горло словно сковывал лед, а сердце...

Он подошел к зеркалу-псише, развязывая ворот сорочки и приспуская ткань на плече. Задержал дыхание, нервно глядя на свое отражение. Начиная от ключицы, вниз тянулись серебристые линии, точно как те, что сама Ледяница носила на правой руке.

Прямо на его груди, над сердцем, кривыми ветвями и корнями мерцало дерево. В нем словно теплилась жизнь, как в настоящем растении. С осторожностью Кай дотронулся до одной из линий – подушечку пальца обдало холодом, и линия блеснула, будто реагируя на прикосновение. Ладонь заскользила чуть ниже, обводя контур рисунка.

Этот след на груди и был свидетельством договора между ним и Девой Льда? Доказательством соглашения, по которому Кай проживет еще год. Но насколько оно в самом деле способно защитить?

Кай оторвал взор от собственной кожи и отпустил ворот сорочки, но его взгляд невольно мазнул по лицу, сосредоточившись на губах. За прошедшую ночь его поцеловали дважды. Один раз мужчина и во сне. Второй – Дева Льда в реальности.

И какой поцелуй принес больше боли, даже гадать не стоило, а вот какой был лучше, он не признавался даже самому себе – лишь от одной мысли об этом болела голова. В последние дни странности происходили вокруг него и в нем самом. Кай менялся.

Он снова растопил камин, благо угли все еще были горячими и пламя поднялось быстро. Бродя по комнате, умываясь и меняя одежду, Кай пытался вычистить из памяти все мысли о прошедшей ночи. Но они, как стая разгневанных пчел, кружили в голове. Да и как он мог позабыть о своей смерти? До этого дня ему казалось, что он хотя бы достойно примет свою гибель, и вот срок, отведенный ему, стал больше, но спокойствия – гораздо меньше. Его чувства, словно холст, покрывались темными красками.

Ему требовалось время, чтобы осмыслить и прожить.

Так и не добившись успеха в усмирении мыслей, Кай вернулся к тому, что умел делать лучше всего, – к написанию картины.

Но спустя полчаса в дверь его комнаты постучала Герда – он узнал ее по ритму ударов. Герда всегда стучалась нетерпеливо, словно

за ней гнались хищники. В этом была вся ее натура.

Пока Кай вытирал ладони о кусочек ткани, прежде чем открыть дверь, быстрый стук повторился вновь.

– Почему так долго? – на ходу бросила Герда, пролетая мимо него, стягивая красные вязаные рукавицы и снимая с головы расшитый розами платок – рыжие волосы, заплетенные в небрежную косу, слегка растрепались. Ее бежевое пальто, припорошенное снегом, немного намокло у подола. Герда прошла в комнату, оставляя мокрые следы, и склонилась над камином, протянув к нему замерзшие ладони.

– Давно не спишь? – спросила она, окидывая красноречивым взором все еще смятое одеяло на кровати.

– Недавно проснулся.

– Снова полночи сидел? – почти угадала Герда.

– Да, – кивнул Кай.

А она, смотря на заалевшие на все еще блестящих антрацитовых гранях угли, вдруг произнесла:

– Твоя одержимость картинами когда-нибудь тебя погубит.

В этот момент Кай, неловко сделав шаг в сторону, задел стул, который едва не рухнул, закачавшись на ножках.

Герда удивленно обернулась. Мгновенно переключив внимание на полотно, она, вскочив, направилась к нему, совсем позабыв о своих последних словах.

– Это новая работа?

Кай, все еще придерживая спинку стула, видел, как изменилось ее лицо, когда она увидела лишь начавший проявляться на холсте пейзаж.

– Хм... Должно получиться красиво, – задумчиво протянула Герда, ненароком заметив: – Тебе всегда удавались зимние и темные полотна.

Кривая улыбка на мгновение скользнула по лицу Кая и в ту же секунду растворилась без следа.

– Спасибо. Думаю, это важно – знать свои сильные стороны, – медленно проговорил он.

Герда всегда угадывала картины, которые он сумеет продать. Если ей нравилось его творение, то Кай обязательно находил для него покупателя. Вот только не в случае этого полотна. Оно создавалось не для продажи.

– Тебе его заказали?

– Скорее нет, чем да. Пишу для себя, – отозвался он, очищая кисть от краски.

– Для себя? – недоуменно переспросила Герда. – Ты давно не создавал ничего для себя.

– Сейчас обстоятельства иные, – опустил он взгляд, сосредоточив его на своих руках. – Если выйдет, хочу, чтобы оно попало на выставку. Пусть его увидит как можно больше лю...

– Ты что-то пролил на кресло? – раздался озадаченный голос Герды. Она села в то самое кресло, куда этой ночью опускалась Ледяница, и теперь придиричиво щупала подлокотник, что «совершенно случайно» заморозила Дева.

Кай приподнял бровь.

– Снег попал, – выдал он бессмыслицу. В голове все еще царил туман. Кай будто смотрел на все со стороны. Но Герда, вновь удивленно взглянув на него, больше ничего не спросила, продолжив как ни в чем не бывало:

– Трин мне сказала, что через несколько дней на озере лед собираются чистить. Можно будет выйти покататься на коньках вечером. Предупреждаю заранее. – Герда вытянула руку, грозя Каю указательным пальцем. – Поэтому найди время. – Она поднялась на ноги и, подойдя к нему, положила руку на плечо. – Всего пару часов. Ты сможешь прожить пару часов без красок, Кай, я верю в тебя.

По сравнению с ним Герда казалась миниатюрной, хотя на самом деле это было не так, просто Кай был слишком высоким.

Он медлил с ответом.

– Ладно, – все еще колеблясь, все же согласился он.

– Не обмани. – Герда мимолетно улыбнулась и направилась к выходу. – Обманешь меня, и я прокляну твою душу, Кай Ларс! – пригрозила она напоследок, обернувшись, и рассмеялась, увидев в этом прекрасную шутку.

Но, когда дверь за ее спиной захлопнулась, в мыслях Кая будто эхом прозвучала ее последняя фраза: «... прокляну твою душу...»

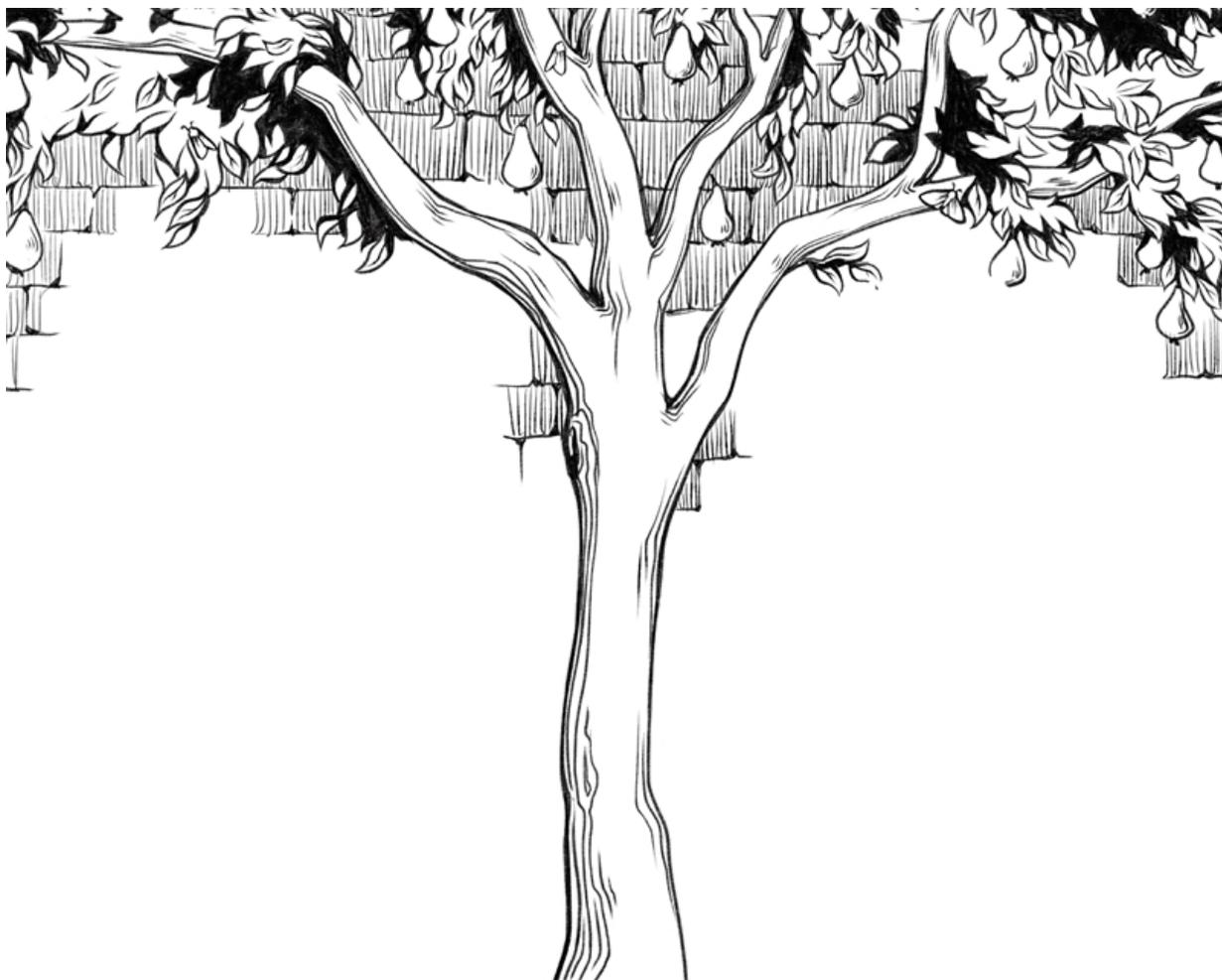
А была ли у него вообще душа? Может, и терять ему было нечего.

Минуло два дня с момента соглашения Кая и Девы Льда, а для него будто прошло всего мгновение. Это время он провел в забытьи, погрузившись в работу. Подавляя свои мысли и чувства, Кай ощущал, как окончательно истончается его спокойствие. Если раньше он считал, что горечь, поселившаяся в его душе, растворится сама собой, то теперь Кая снедала нарастающая ярость. Он стал раздражительным. Его злили любые мелочи, но в особенности люди.

Новый день начался, как и предыдущие, с помощи в булочной и чистки снега возле ее входа, который намело во время снегопада ночью. В последнее время снежных дней становилось все больше. Многие жители считали, что это дело рук Девы Льда.

Дорогу же из города уже занесло так, что лишь отчаянный глупец решился бы на путешествие из города.

Обычно на эту подработку Кай тратил несколько часов, после успевая поработать над фреской и даже заскочить напоследок в таверну, что зимой особенно полнилась людьми. В питейное заведение он зачастую заглядывал тоже по работе. Находилось оно на самой верхней по пологому склону улице, возвышалось над нижними домами и было прекрасно видно с берега озера. Особенно легко его можно было найти взглядом в конце весны – из-за цветущего дерева груши, «распятого» на фасаде дома. Шпалера поддерживала молодые ветви, заставляя их лхнуть к стене и не позволяя разрастаться пышной кроной во все стороны. Но если весной и летом растение выглядело красиво, то зимой не покрытые снегом участки коры издали казались трещинами на белой стене.

Именно в этой таверне когда-то начался путь Кая как художника. Однажды летом, когда ему было одиннадцать, бабушка подарила Каю листы бумаги и его первые графитовые карандаши. Он открыл для себя новое развлечение – попытался перенести лица людей на бумагу. Поначалу рисунки совсем мало напоминали людей, но со временем обрели черты, что делали портреты узнаваемыми. Помимо этого, они выглядели смешно, словно, перенося на бумагу внешний облик того или иного человека, Кай утрировал некоторые детали. Выходило это неосознанно, поэтому Кай даже не мог предположить, что эти рисунки могут вызвать всеобщее осуждение.

Но он старался их никому не показывать, считая чем-то сокровенным. Только все тайное рано или поздно становится явным. Будучи старше Кая на пару лет и значительно крупнее, Петтер отобрал его папку с работами и разбросал их на площади, где собирающиеся летом горожане увидели их.

В то время Кай перепугался, ожидая, что его положение станет только хуже. Он боялся привлечь к себе внимание. Только хотя его и стали порицать оскорбленные своими карикатурными портретами жители, это неожиданно вылилось в более человеческое отношение. Словно он на время перестал быть существом, которое не должно было появиться на белом свете, а стал обычным ребенком.

Соседские дамы качали головами и ворчали, что за его воспитание обязательно надо взяться. Мальчишка растет несносным. Ну еще бы, без твердой отцовской руки.

Но к этому моменту Кай уже так увлекся, что рисование не бросил, а попытался сотворить более реалистичные портреты. Точнее, тогда ему даже в голову не пришло изобразить не людей, а нечто иное. На удачу, тем летом в их городке гостил художник из столицы, и, хотя выпить он любил, это не уменьшало его знаний. Увидев рисунки Кая, он поразился его таланту. «Почему бы тебе не пойти в горы? У вас же такие живописные просторы!» – сказал художник. А после Кай все лето и начало осени провел бок о бок с ним, перенимая его опыт, учась работать с краской и другими материалами.

У его учителя было три любимых занятия. Либо он рисовал в мастерской, которую обустроил в одной из комнат, арендованных у бабушки Кая, – тот дом всегда был слишком просторным для двоих; либо гулял по горам и в окрестностях Малервега, забредая во все малопроезжие места, и делал зарисовки – уже в то время Кай был отличным проводником, словно чувствовал природу, всегда знал, в какой стороне город. Последним его излюбленным времяпрепровождением было выпивать в таверне, и занимало это не так уж мало времени.

Несмотря на последнее увлечение художника, то лето все равно для Кая стало особенным. Словно один из потерянных им кусочков пазла нашелся. Даже мучившие его тогда сны на время отступили, лишь изредка нарушая его спокойствие. Будь он старше и не останься бабушка одна, возможно, Кай бы покинул город вместе с художником. Совесть и любовь не позволили ему оставить самого дорогого в его жизни человека, который души в нем не чаял, в совершенном одиночестве.

С тех пор Каю стало мало душевной комнаты, скучной, но стабильной работы и спокойной жизни. Он был мечтателем, но вовсе не

тем, кто витал в облаках. Он всегда знал, чего желал.

Даже теперь, когда его жизни отмерен срок. Хотя ему потребовалось время, чтобы примириться с этим решением.

Кай зашел в таверну и занял привычное место. Раз в несколько недель он по традиции заглядывал сюда, рисовал карикатуры, которые с некоторой поры стали развлечением для местных завсегдатаев, а после получал плату от хозяина заведения. То, что поначалу порицалось, ныне приносило ему небольшой, но все же доход.

Работа в шахте оставляет отпечаток и на лице и на характере. Добыча соли была тяжелым занятием, люди весь день проводили в недрах горы, поэтому посетители здесь всегда имелись, даже несмотря на размеры городка.

Когда сумерки расползлись по городу, принесся с собой неплотный туман, дверь в очередной раз распахнулась, и внутрь вошел Петтер. Кай, даже не оглядываясь, понял, что это он, по запаху, всегда сопровождавшему его, горьковатому аромату полыни.

Кай не понимал, откуда взялся этот аромат, но всегда ощущал его, стоило Петтеру появиться поблизости. Прошло некоторое время, прежде чем он сел напротив, шумно опустив на стол кружку с элем.

– Слышал, дочка Хэстеинов положила на тебя глаз, – сказал он, а Кай промолчал. Ему говорили это не один раз с тех пор, как он написал несколько портретов для самой богатой семьи в городе. И о чем они все думают? Наверное, «хватай, идиот, пока она на тебя смотрит».

– Они настолько богаты, что отец может послушать дочку. Да и занятие у тебя... аристократическое. Только они могут себе позволить не работать и заниматься этим, – добавил Петтер, небрежно кивая на уголь в руке Кая.

– Это не твое дело, Петтер, – произнес тот. Ему немало доставалось, пока они оба были детьми, поэтому в любом их разговоре сквозило напряжение. Петтер всегда любил его задирать. Но прошло немного времени, Кай вытянулся и, несмотря на свою работу, вырос вовсе не слабаком. Возможно, в последнем немалую роль сыграла их вражда.

Решив, что на сегодня достаточно, Кай стал собирать материалы в футляр, который когда-то сам сшил из кожи. Отделений было много, а кистей мало – он всегда носил их с собой. Раньше он любил помечтать

о том, что, когда переедет в большой город, сможет позволить себе все материалы. Но теперь он готов был признать, что его желание не исполнится.

Кай думал, что отнесся к ситуации хладнокровно, ведь у него еще было время. Но в горле встал ком, и горечь вновь заняла в сердце, сдавливая дыхание.

– Я беспокоюсь. Может, ты все же окажешься умнее, чем я думал, и воспользуешься возможностью. – Голос Петтера звучал стеклянно-чисто, будто в таверне они были одни. Он провел рукой по пшеничным волосам, ухмыльнулся, являя щербатую улыбку.

– Тебе стоит молиться, чтобы я не удивил тебя своим выбором. Иначе придется попрощаться с рабочим местом у Хэстеинов, – холодно бросил Кай, закидывая лямку сумки на плечо. Конечно, сорвавшиеся слова были ложью: даже если бы он пожелал, времени бы на выполнение угрозы не хватило.

– Думаешь, куплюсь? – не растерялся Петтер, перегнувшись через стол. – Ты всегда строишь из себя благородного. Наверняка думаешь, что такой *низкий* путь не для тебя.

Кай резко поднял сумку, так что она пролетела, лишь чудом не задев лицо собеседника.

Петтер инстинктивно отшатнулся.

– Ублюдок, – тихо прошипел он.

Кай поднялся и подошел на едва гнущихся ногах к стойке в центре заведения за обещанной платой. Несколько медных монет тепло легли в ладонь. Попрощавшись с хозяином, он направился к выходу.

Когда его пальцы сомкнулись на дверной ручке, послышался резкий треск древесины, будто он слишком крепко ее сжал. Но, не задумываясь над этим, Кай стремительно вышел на улицу, вдыхая прохладный воздух, который отрезвляюще колот щеки, но не унимал тяжесть в груди – ярость внутри его сердца продолжала нарастать, скручиваясь в тугой узел.

Кай успел пройти совсем немного, когда за его спиной раздался хлопок и донеслись стремительные шаги, захрустел снег. Улица тонула во тьме, слегка рассеянной светом окон.

Кай знал, когда Петтер сделает это. Слишком часто они сталкивались. Его мощный кулак обрушился со спины. И в этот момент время словно замедлилось. Еще мгновение назад Кай малодушно желал

принять удар, где-то внутри теплилась жалость к самому себе, которая просила сложить руки, поддаться унынию и пасть на самое дно. Все же зачем он выпросил этот год? Это все равно что медленная смерть. Он лишь оттягивает неизбежное.

Другая же его сторона, подгоняемая упрямством и верой, словно потянув на себя нити его души, заставила воспрянуть. Все для чего-то родились, и в своем появлении на свет Кай тоже был обязан видеть смысл. В искусстве он обрел себя, искусство после смерти и должен оставить. Мазок краски его рукой на полотне мировой культуры.

Кай уклонился, слыша звук рассекаемого воздуха, – так близко от его лица пролетела чужая рука. Сумка подскочила, из нее выпал спешно сложенный футляр с кистями.

– Высокомерный выродок, – выплюнул Петтер, гневно сверкая глазами, как разъяренный бык. И ринулся на Кая, занося руку для нового удара.

Кулаки у Петтера были крупными, мышцы мощными из-за работы в шахте. Кай не смог полностью увернуться, и кулак Петтера вскользь задел его плечо. Кай сразу же ощутил стреляющую боль, но, словно не замечая этого, уже занес другую руку, давая сдачи. Кулак попал в лицо, да так, что голову Петтера повело, и он попятился.

Они застыли друг напротив друга, согнувшись и тяжело дыша. Петтер держал ладонь на левой стороне лица, которое опухало прямо на глазах, а Кай прижимал к себе поврежденную руку здоровой. Плечо ныло, боль пульсирующей волной била в голову. Разгоряченное, гневное дыхание вырывалось изо рта.

– Выродок... – вновь бросил Петтер, сплюнув на землю кровь. Словно попрощавшись этим, он развернулся и направился обратно к таверне. Коридор света рассек холодную тьму, а после сразу исчез – дверь захлопнулась за Петтером.

Кай прикрыл глаза, хрипло дыша. Плечо давало о себе знать, хотя боль и стала немного тише. Он нагнулся, подбирая футляр и проверяя целостность кистей. Петтер наступил на него, и Кай не сомневался, что сделал он это специально.

– Я могу перерезать ему глотку, – раздался голос среди тишины, пронзив ту, как стрела.

Она сидела на заснеженном балкончике дома, прямо над головой Кая. Белые волосы стекали по ее плечу. Каждый раз они меняли длину,

то были слишком длинными, как сейчас, лежась на ее бедра, то едва достигали лопаток.

Кай ничего не ответил. Сегодня вечером он меньше всего желал видеть и слышать Деву Льда. Да, он жаждал встречи с ней много лет и даже теперь не мог сказать, что жалел о том, что она состоялась. Но сейчас он только начал осознавать свою участь и скорбеть по себе собиравшись в одиночку.

Положив футляр в сумку, все еще прижимая к себе руку, он пошел по дороге в направлении своего дома.

– Так мне перерезать ему глотку? – Она вновь оказалась рядом, уже на другом балконе.

– Ты можешь только убивать? – Кай остановился, мимолетно осознавая, что его сердце вдруг забилося слишком медленно, словно с расстановкой. Не дождавшись ответа и приняв молчание за согласие, он продолжил: – И поэтому тебя все ненавидят... Снежная Ведьма, – повторил он имя, которым называли ее местные при закрытых дверях.

Она спрыгнула с балкона. Когда ее ноги коснулись земли, снег всколыхнулся и словно застыл в воздухе. Похолодало стремительно. Прямо на глазах Кая окна ближайшего дома покрывались морозными узорами.

– Я предложила тебе помощь.

– Ты предложила кого-то убить, а не помощь, – процедил в ответ Кай. – Может, моей матери ты тоже предлагала помощь?

– Я не повинна в смерти твоей матери.

– Все в округе считают иначе, – с нажимом произнес он. Дева сделала к нему шаг и склонила голову. Ее глаза сияли, став еще одним источником света в окружающей их тьме.

– А ты глупец, раз слушаешь *всех*, – прошипела она, выделяя последнее слово, словно оно было ругательным. А в следующую секунду перед его глазами взметнулась стена снега. Когда та исчезла, от Девы Льда не осталось следа. Кай стоял один, все еще шумно дыша. Возможно, он был не прав, но сегодня у него не нашлось сил на понимание и любезность.

Поправив воротник, Кай зашагал к дому.

Снег на озере расчищали редко, всего несколько раз за зиму, и всегда в первые холодные месяцы, как только толщина льда становилась безопасной. Это время нередко напоминало праздник, ведь в период коротких дней и долгих ночей оставалось не так много способов для развлечения. Уже после полудня у озера собиралась едва ли не треть города. В это время работа в шахте останавливалась. Мужчины сгребали снег, перед этим разжигая на берегу высокий костер, который горел весь день, согревая в минуты отдыха. Женщины готовили еду. Временами Вигге приносил с собой аккордеон, развлекая народ, пока не замерзали пальцы. Играл что-то свое, веселое и залихватское.

Иногда он уверял, что одна из исполняемых им мелодий являлась особо популярной в столице в этот год. Когда ему кто-то возражал, то шум поднимался немалый – очень уж любил Вигге спорить и оказываться в центре внимания. В такие моменты выглядел он крайне оскорбленным, хотя сам был в столице лет десять назад и точно не мог знать о последних музыкальных веяниях.

С чисткой снега обычно заканчивали, когда солнце скрывалось за верхушками гор и наступали сумерки. Лед расчищали вплоть до Малервега, который спускался с холма к самому краю озера. Выходили кататься сразу же, а кто не надевал коньки, стоял у костра, греясь и попивая глинтвейн, что варился прямо здесь же, на огне. В эти вечера жизнь в городке кипела.

Кай сидел на каменном берегу, свесив ноги надо льдом. Левая рука, подвязанная куском ткани, висела на его груди. Плечо нельзя было тревожить, отчего он весь день проработал над картиной, непрестанно радуясь тому, что пострадала левая рука, а не правая. Но чистить снег, как и кататься, Кай не мог – слишком велик был шанс упасть и сделать еще хуже, сильнее повредив плечо. Зато щербатую издевательскую ухмылку Петтера видел издалека, впрочем, как и налившийся синяк у него под глазом.

Прохладный ветер обдувал лицо, небо затянули неплотные облака, пока не обещавшие снега.

Когда Кай в очередной раз посмотрел на Малервег, ему показалось, что он разглядел слабое белое сияние среди деревьев. От этого по телу разлилось напряжение.

Кай выискивал Деву уже несколько дней, лишь поэтому выходя на улицу, – ведь, когда схлынул гнев, пришло понимание: он не должен был говорить то, что сказал. По крайней мере, не так. Он имел право злиться, но не выплескивать свою ярость.

Так он ничего не узнает.

Кай запрокинул голову, и голой кожи шеи коснулся морозный воздух. Его окликнули, и он скосил взгляд на лед – кто-то из ребят помахал ему рукой. Трин, Йон и Герда катались вместе, хотя иногда в их компанию влетал Петтер со своей шайкой.

Сейчас он почти жалел, что не согласился на предложение Девы... Когда Петтер в очередной раз появился вблизи друзей Кая, в его сознании словно наяву пронеслись слова Ледяницы:

«Я могу перерезать ему глотку».

Он отвернулся, глянув в сторону берега.

Семья Хэстеинов, чей особняк высился на той стороне озера, недавно подошла. Стояли чинно втроем, словно были хозяевами не одной шахты, а всего города. Хотя почти так и было. Супруга Одена Хэстеина, как и их дочь Ханна, прятала ладони в муфту из лисьего меха. Из того же меха была сделаны и опушки на их пальто. К ним все время подходили поздороваться, а они величественно кивали, обменивались с говорящими парой фраз, улыбались, но не сходили с места.

Кай заметил, как взор Ханны переместился с катающихся на него и вновь на гладь озера. При этом ее лицо не выражало никаких эмоций, словно ее вовсе не интересовало происходящее – все это было следствием строгого воспитания. Дочь должна была поддерживать образ их семьи. Кай знал не понаслышке, что сама Ханна была вовсе не чопорной. Слегка наивной, но вполне приятной.

Над головой раздался высокий крик птицы. Огромный белый сокол стремительно пронесся над озером, и это заставило некоторых замереть, хмуро вглядываясь в небо.

Белый кречет. В некоторых людских историях, накопившихся за века, эта птица упоминалась вместе с Владычицей зимы. Кто помнил об этом, сразу обратил внимание на сокола.

Кай аккуратно спустился с каменного уступа, решив прогуляться в сторону леса. Он шел по льду аккуратно, хотя тот все равно был запорошен слоем снега, не позволявшим поскользнуться. Долгое время Кай смотрел себе под ноги, слыша, как похрустывает снег. Голоса людей остались позади, стали глухими, будто между Каем и озером возникла стена.

Кай продолжал идти, когда новый проблеск света среди высоких деревьев снова привлек его внимание. Он остановился в тревожной тишине, вдруг расслышав стук. Кай не сразу понял, откуда тот доносится, и даже удивленно покрутил головой, а после медленно опустил взгляд под ноги – жуткие посиневшие руки били по льду под водой. Длинные, худые, как палки, они напоминали изогнутые голые ветки. От ударов, становившихся сильнее, кожа мертвеца сминалась и слетала, словно шелуха, обнажая кости. Обглоданное рыбами лицо и взор мутных глаз был устремлен к нему, рот разинут, а в глубине глотки виднелось слабое сияние.

Кай дернулся, собираясь бежать, но не смог двинуться с места – его ноги примерзли ко льду. Он задыхался от собственного ужаса и был готов закричать, но в первый раз из горла вырвался лишь хрип, а второй попытки ему не дали. Послышался треск, и Кай провалился под лед.

Озеро Хальштеттер Йенни

– Мне, видимо, больше нечем заняться... – протянула Йенни, сидя на заснеженном берегу. Возле нее в ряд стояло несколько ледяных фигурок – миниатюрных, словно игрушки. В ее тонких и изящных пальцах они переливались, наполняясь магией Девы.

Среди них были юноша и маленький мальчик – оба один и тот же человек, только в разном возрасте. Там же находилась и человеческая девушка с пышным облаком волос, нашелся и Соманн. Ледяная фигурка Сеятеля была уже третья по счету – предыдущие Йенни по неаккуратности и несдержанности сломала.

Ведь как властитель снов не смог удержать человека во сне?

С людьми всегда было проще. Они подчинялись силе. Если бы Соманн пожелал, любой человек мог бы проспять месяцы, в итоге умерев от истощения – тела смертных удивительно слабы.

Но Сеятель выпустил Кая из сна, и результатом стало соглашение, которое она заключила с ним. Зачем она так поступила, если не желала этого? Для себя Йенни решила, что Кай прекрасно умеет убеждать.

Раздался треск, и еще одна ледяная фигурка, разбившись, осколками упала на снег.

– Идиотка, – прошипела она сама себе.

Птица крикнула, будто соглашаясь с ней.

– И что мне теперь, следить за ним? Будто и так забот мало. Еще обвинять меня в чем-то вздумал! – Дева Льда вскочила на ноги. Стоило словам Кая всплыть в памяти, она сразу начинала злиться и не могла усидеть на месте. – Варди, ты ведь понимаешь, какая это наглость?

Белый сокол, опустившийся на поваленное дерево, повернул голову.

– Это не повод обвинять меня, – гневно возразила Йенни. Сокола она понимала. Правда, каким именно образом, Деву не волновало. Как человек не задавался вопросом, каким образом возникают мысли в его голове, так и она никогда об этом не задумывалась.

Она остановилась, пальцы правой руки уперлись в лоб.

– У меня болит голова, – пожаловалась она. – Нет, это не потому, что я много размышляю. Мне просто хочется отыскать Соманна и вздернуть его. Но он знает, что сотворил, и прячется.

Белый сокол взлетел и опустился ей на плечо. Птица с блестящими полупрозрачными крыльями и заостренными, словно клинки, перьями была огромна. Вспыхнув светом, Ледяница сменила облик; послышался скрежет длинных острых когтей по льду – с такой силой лапы птицы сжимали ее плечо.

– Убила бы, если бы могла. Только смысла теперь нет. Я пообещала ему время и дала клятву. Если за ним придут, это иной разговор. А сейчас... – Йенни остановилась, хмурясь. Рассеченная бровь придавала ее облику дерзости. Впрочем, властность отпечаталась в ее чертах настолько, что одного взгляда хватало, чтобы почувствовать это. – Уже поздно. Я дала клятву, потому что его стремление показалось мне благородным. Что ж, слабоумием страдают лишь люди. У живущих вечно только одна проблема – безумие. И ни тем, ни другим я пока не больна. Но все равно раздражает безумно. – Ее глаза сверкнули, резко похолодало, и от перепада температур над

землей растелился туман. – Он еще развлекаться может. Глупая людская забава... – Слегка повернув голову, она резко спросила: – Что он там делает? К друзьям своим пошел?

Йенни находилась на самом отдаленном от города берегу озера. Человек бы никогда не разглядел ее с такого расстояния – слишком она сливалась с белизной мира вокруг, впрочем, и Дева различала лишь темные силуэты, мельтешащие вдалеке.

Но у нее был Варди, а с остротой зрения белого сокола мало что могло поспорить.

– Провалился под лед? – переспросила она неосознанно, изящно складывая руки на груди. И вдруг воскликнула, напряженно выпрямившись: – Как это провалился?!

Сокол взлетел, кружа над ее головой, когда ноги Девы спустя мгновение коснулись льда озера. Снег взметнулся, прежде чем вновь опасть на землю. Йенни подняла взгляд к небу, на котором ярко сияло ночное светило.

– Если эти люди увидят меня... то со свету его сживут, – прошептала она, и ее белые брови озабоченно сошлись на переносице. Взор Девы Льда опустился под ноги. Поразмыслив, она криво усмехнулась: – Ладно, сделаем иначе.

А в следующую секунду она наклонилась вперед и упала, прямая и будто неживая, словно опрокинутая фарфоровая статуэтка. Неуловимое мгновение – и ее тело прошло сквозь лед, который с хрустом исполосовали трещины. И лишь серебряные волосы промелькнули под ним.

Кай

Ледяные пальцы обхватили лодыжку, сдавили и потащили в глубину. Одежда Кая мгновенно превратилась в тяжелые тряпки, что лишь помогали унести его на дно.

Холод озера отрезвил Кая, и он стал бороться. Сам поплыл навстречу мертвецу, вдруг узнавая бледное лицо. Хальштеттер редко требовал жертву, но, когда кто-то тонул, по нему горевали и в то же время считали, что такова судьба. Эта мысль придавала жителям необъяснимое спокойствие. Всем, кроме родных погибшего.

Дорта захлебнулась пару лет назад – ее тело так и не нашли, сколько ни искали по берегу. Теперь же именно Кай наткнулся на ее останки.

Все время, пока он пытался разжать хватку трупа, его не покидало ощущение нереальности происходящего. Низкая температура притупила боль в плече, но легкие, наоборот, горели, словно внутри него зарождалось пламя.

В какой-то момент мертвая девушка вскинула голову, и гудящий крик вырвался из ее глотки, будто с целью испугать Кая. Даже под водой он оказался громок, словно зазвучал сразу в его голове.

И тогда кисть Дорты дернулась, увлекая его глубже. Пальцы Кая разомкнулись, и взгляд обратился вверх – прореха в гладком льду озера была далеко, а горное озеро теперь казалось и вовсе бездонным.

Эти воды все же собирались его поглотить.

«Только не так...»

С каждым днем он с удивлением осознавал, насколько отчаянно желает жить. Почему раньше не ценил отведенного ему времени? В этот миг даже оставшийся у него год показался длиною в вечность.

«Пожалуйста...»

Твердые, прозрачные в горной воде озера руки легли на его лодыжку. Он ощутил их холод и видел, с какой властностью и силой, заключенной в этих тонких пальцах, они разжали хватку мертвеца. От удивления Кай выпустил остатки воздуха, что вмиг пузырьками улетели вверх.

Волосы Девы расплылись, сверкая серебром в темной воде. Она с какой-то мучительной медлительностью отвела ладонь назад, прежде чем резко вытянуть ее, ударяя в грудь трупа. Рука Ледяницы прошла сквозь ребра Дорты, и она скривилась, видя, как расплываются в воде остатки гнилой плоти.

Наружу из спины мертвой девушки выскочил светлый огонек, и тело обмякло. Дорта стала падать, собираясь исчезнуть в бездне темных вод. На ее шее что-то сверкнуло.

Смотря в ее открытые глаза – серые и местами потемневшие, – Кай вскинул едва слушающуюся руку, словно желая удержать девушку. Ему стало ее жаль – родители до сих пор надеялись на ее возвращение, хотя все в городе знали, что это невозможно.

Белый огонек кинулся к Каю, почти коснулся его, когда ладонь Девы Льда сжалась в кулак в нескольких миллиметрах от его груди. Глаза ее кровожадно сверкнули. Она неотрывно смотрела на свою кисть, пока вспышка, прошедшая сквозь ее пальцы, не вызвала волну удовлетворения на ее вечно юном лице.

«Оно было живое», – как затухающая искра, мелькнула последняя мысль в голове Кая. Веки его сомкнулись – он больше не мог сопротивляться холоду, совсем не осталось сил. Без воздуха и тепла Кай умирал...

Он падал вслед за трупом, а в ушах словно нарастало пение. Пение вод, гор и зимы. Самой природы, царствующей в округе. В полной темноте его сознания же прорастали, извиваясь, как плющ, розы. Они были стеной, они были безумством, они были угрозой, и от них пахло смертью. Словно Кай вышагивал по полям сражений, будто...

Его поцеловали – и все исчезло. Кай распахнул веки, сталкиваясь с упрямым взором казавшихся под водой ярко-голубыми глаз. Она схватила его за ворот, целуя вновь, – яростно, зло, так что его губы закололо. Ее поцелуй напоминал сражение, нежности в нем не было и капли.

Кай должен был окончательно замерзнуть от этого прикосновения, но случилось иное – он перестал ощущать холод вовсе, его руки и ноги словно налились силой, и пусть сердце билось медленно, но каждый его удар был мощным и непреклонным.

Дева Льда отстранилась, ее большие глаза сверкали в озерной воде. А в следующую секунду, почти не меняясь в лице, она оттолкнула его вверх, ближе к месту, где он провалился. Неподалеку лед пропускал скопление желто-оранжевых огней – люди наверняка видели, как Кай ушел под лед.

Он посмотрел вниз лишь раз, чтобы увидеть сплетенные на груди руки и хмурое недовольство на ее лице. А после потребность в воздухе взяла свое, его легкие разрывались от нехватки кислорода, и Кай поплыл к поверхности, к огненным пятнам, мерцающим на водной глади с плавающими кусками льда.

Мгновение, и он с плеском выплыл из объятий смерти, с упоением глотая воздух, прежде чем вновь едва не с головой уйти под воду. Легкие болели, словно готовые порваться, как растянутый кусок ткани.

– Кай! – услышал он надрывный зов Герды.

Мир раскачивался перед его глазами.

Над головой раздался высокий крик птицы, и этот звук словно резанул по его нервам.

Ему кинули платок – белый и необычайно длинный. Кай, не думая, ухватился за него. И его потянули на лед до тех пор, пока он не выбрался из воды и не отполз от края проруби. После рухнул на спину, устремив взгляд в облачное небо, чувствуя, как вода стекает с его одежды на лед.

Сжав руку в кулак, он явственно ощутил касание холодного металла. Кольцо на цепочке лежало в его пальцах – следуя безрассудному порыву, он сорвал его с шеи Дорты. Шумно выдохнул, чувствуя резкий приступ головной боли и на миг взвившийся, а после стремительно потухший торжественный гул невидимого оркестра.

В следующий момент господин Хакон рывком поставил его на ноги, оттаскивая еще дальше от проломившегося льда. Кай едва не выронил цепочку с кольцом и быстро сунул ее в карман. Подоспевший Йон схватил Кая с другой стороны побелевшими пальцами без варежек.

Герда вместе с остальными людьми стояла чуть в отдалении. Глаза подруги блестели от влаги. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, с трудом удерживаясь на месте. Рядом, вцепившись в ее локоть, стояла Трин.

На берегу скопилось немало народу.

Кай опустил голову, отводя взор. Он слышал крики. Одни искренне беспокоились о нем, другие лишь судачили о случившемся, и он даже расслышал шепот, поражающий уверенностью, звучащей в нем:

– Белый кречет летал над озером. Это не к добру. Все ведь знают, чья это птица.

Кай не понял, кому принадлежал этот голос. Хотел посмотреть, но подавил этот порыв, заметив боковым зрением священника на некотором расстоянии от основной группы людей.

Стоило им подойти ближе, и Герда кинулась к нему, обнимая. Не волнуясь о собственной одежде, которая мгновенно напитывалась влагой.

– Я так испугалась, – проговорила она тихо на самое ухо. Так, что ее горячее дыхание обожгло кожу. Несмотря на зиму, от нее сладко пахло розами, словно они оказались в цветочном саду с белоснежными и алыми бутонами.

– Отведите скорее мальчика в тепло, – раздался повелительный голос Одена Хэстеина.

Отец Герды накинул на Кая свою широкую дубленку. И его повели в город. Шагая, принимая помощь, Кай изображал слабость и то, что его тело пронзает мороз. Но ни того, ни другого он не испытывал.

Когда они вошли в дом Герды, ее мать вскрикнула, мгновенно догадавшись о случившемся. Приказала им немедленно идти к камину, сама же побежала за сухой одеждой мужа.

– Боже, главное – не заболеть. Как же так? – суетливо причитала госпожа Летиция. А следом принесла лекарственный сбор, сильно пахнущий алкоголем.

Кай выпил всего несколько ложек, ощущая острый травяной аромат.

– Говорила я вам не идти на озеро. Но вы все равно... – всплеснула руками госпожа Летиция. Лицо ее покраснело от переживаний.

– Ты боялась, что мы заболеем, а не предсказывала, что лед треснет, – возразила ей дочь, стоя рядом.

– Все равно, если бы послушали меня и никуда не пошли, то сейчас бы Каю не грозило получить воспаление легких! Уже чудо, что он выжил! Поблагодарите озеро, что оно не забрало его жизнь! – Качнув головой, тоном, не терпящим возражений, она добавила: – Герда, идем на кухню. Ему надо переодеться.

Та кивнула, и вскоре они обе скрылись за занавеской, разделяющей комнаты.

Кай вздохнул, глянул на одежду, лежащую рядом на табурете. Немного помедлив, он стал переодеваться. А в камине плясали языки пламени, их веселые оранжевые отсветы гуляли по комнате, будто пытаясь заставить его забыть о тьме холодной бездны на дне реки, теле давно мертвой Дорты и Деве Льда, спасшей его. Его удивляло, почему тело девушки так хорошо сохранилось, будто она утонула лишь вчера. Но, возможно, причина была в том белом огне, что таился в ее груди. Мог ли он стать причиной смерти?

Достав из кармана пальто толстую цепочку из потемневшего серебра, Кай задержал взгляд на кольце – широкое и потертое, с белым мутным камнем в центре. Только сейчас он понял, зачем забрал его, – хотел отдать семье умершей. Но теперь не был уверен в правильности этого решения и с этими мыслями убрал украшение в карман сухих брюк.

Когда он переоделся, то еще долго сидел у горящего огня с чашкой чая, принесенной Гердой. Его одежду развесили здесь же, у теплого, согревающего пламени. Неподалеку висела и дубленка, накинутая на его плечи.

Герда села рядом с ним на скамейку, тоже сжимая в руке чашку.

– Я сегодня так испугалась, – прошептала она, поглаживая гладкий фарфор. – Ты провалился прямо на моих глазах. Лед словно взорвался. Это было так страшно...

– А я толком не помню, как это произошло, – соврал Кай тихим голосом, а перед его глазами стояло белое распухшее лицо с разинутым ртом. – Вот я стою, а в следующую секунду уже барахтаюсь в ледяной воде.

Вслед за первым видением в памяти вспыхнула Дева Льда. Уже не впервые она спасала его, когда он уже готовился умереть. И это вновь порождало странные меланхоличные мысли о собственной жизни. А

еще он вспомнил тот зимний день, когда в девятилетнем возрасте пошел в лес, собираясь никогда из него не вернуться.

– Как твое плечо? – удивленно спросила Герда, вырвав его из дум. Она выразительно смотрела на левую руку Кая, которой он поправлял край накинутого на плечи покрывала. – Не болит?

Кай застыл, только теперь понимая: плечо действительно не давало о себе знать.

– Пока нет. Наверное, это из-за нервов от случившегося. Еще заболит, – сказал он, зная, насколько неуклюже звучат его оправдания.

– Ладно, – отозвалась задумчиво Герда.

Кай различил отблески сомнения в ее глазах, но, сделав вид, что не замечает, вновь повернулся к огню, некоторое время еще чувствуя на себе внимательный взор Герды. Его пальцы крепче сжали кружку с горячим чаем.

В комнату вошла мама Герды, вытирая руки о фартук.

– Ужин почти готов, – сообщила она как раз в тот момент, когда раздался хлопок входной двери – вернулся господин Хакон.

Вскоре все пошли к столу. Всю трапезу главной темой для обсуждения было случившееся на озере. На памяти отца Герды последний раз проваливались под лед лет десять назад. И то потому, что один глупец вздумал пройти на тот берег, когда воду только-только сковала тонкая корка. Но чтобы вот так, в середине зимы – никогда подобного не случилось.

Время от времени Кай ловил на себе пристальный взгляд подруги, который она бросала на него с противоположной стороны стола. Когда ужин завершился, Кай попрощался, собираясь вернуться к себе. Если бы Герде не поручили вымыть посуду – он был уверен, – она бы направилась вслед за ним.

Поблагодарив за все, держа в руках все еще мокрые вещи и обещая чуть позже вернуть чужую одежду, Кай покинул их уютный дом. Вышел на темную мрачную улицу. С неба, словно кружась в воде, медленно падали на землю снежинки. Тьма укутала город, и со стороны реки не доносилось ни звука. Некоторые считали зиму унылой и опасной, но Кай всегда видел в ней девственную красоту. Даже теперь, когда его жизнь превратилась в хаос.

Кай поднялся по скрипящим ступенькам, видя, как полоска света пробивается из-под соседней двери, отпер старый замок своей

комнаты. Внутри, ожидаемо, было прохладно. Еще несколько часов назад этот мороз вызвал бы у него дрожь во всем теле.

Скинув сырые вещи прямо на пол, Кай подошел к камину. Сложив сухие дрова и хворост, он взял в руки огниво. Долгое время выбивал искры, прежде чем наконец-то зажглось пламя. Но стоило затрепетать первым языкам несмелого огня, как ставни вдруг забились, а окна затрещали.

Когда повисла тишина, Кай оглянулся.

– Спасибо.

– Это был альв озера, – холодно произнесла она, не обратив внимания на его благодарность. – Природный дух, – уточнила в ответ на непонимание во взгляде. – Он почувствовал Осколок внутри тебя, поэтому напал.

Теперь все вставало на свои места.

– Что с этим Осколком? Почему он так важен?

– Почему важен Осколок Зеркала разума? – повторила она, скептически взглянув на него, будто не веря, что Кай может быть настолько невежественен. – Все дело в его силе. Озеро способно поведать прошлое, настоящее, будущее и исцелить от всех болезней. Как думаешь, какова сила его вод? – Голос Девы Льда звучал гулко и в то же время глубоко. Она была предельно серьезна, а еще чем-то крайне обеспокоена, от этого отвечала резко и быстро. – Альвы инстинктивно стремятся получить его. Они не могут пойти против этого зова. Всего один осколок может позволить им обрести оболочку. Многие боги изначально были альвами, спустя тысячелетия накопившими силы и переродившимися.

– Ты тоже? – едва не перебив, спросил Кай.

На мгновение в ее взгляде скользнуло что-то необычное.

– Нет, я исключение... И мне пора, – с мрачной решимостью проговорила Дева Льда. – В следующий раз, когда мы увидимся, я отниму твою жизнь.

Казалось, еще мгновение, и она исчезнет, развеется вместе с ветром.

– Что? Подожди! – Кай подался вперед, хватая ее за руку.

– Желаешь смерти? – Дева опустила голову и замороженно уставилась на его руку, сжимающую ее запястье.

Кай разжал пальцы.

– Я лишь хочу поговорить, – признался он. Ему следовало поблагодарить ее, но вместо этого из его уст вырвался вопрос: – Почему ты желаешь только убивать?

Дева Льда усмехнулась, развернулась и шагнула ему навстречу. На ее лице застыла циничная и жестокая улыбка.

– Я ничего иного не умею. Людские истории ведь только об этом рассказывают? Я рождена проливать кровь, поэтому не надо обвинять меня и стыдить в моей же собственной природе.

Она словно мстила ему, с изяществом и торжеством подтверждая истории, гуляющие по городу, и гордясь ими.

– Это одна из твоих сторон, есть и иные. – Слова Кая прозвучали упрямо. – Ты можешь сочувствовать, и ты ненавидишь лгать. Ложь тебе противоестественна. И ты согласилась на уговор между нами, от которого тебе никакой пользы. Мои цели показались тебе благородными? Извини, но это не мысли той, кто знает лишь, как убивать.

– Мы решили обменяться правдивыми наблюдениями? – Голос Девы прозвучал обманчиво тихо, она выглядела оскорбленной. – Ты всю свою жизнь боялся. Раньше в тебе было достаточно смелости, чтобы принять свою гибель, но не теперь. Всегда подстраиваешься под чужие ожидания, гадаешь, как восприняли сказанное тобой и как оценили поступки... Ты так стремился стать *ничем*, что меня удивляет твое желание жить.

– Ты ничего не знаешь о людской жизни. – Голос Кая задрожал от напряжения. Как она смела говорить о том, что принесло ему страдания и оставило след, столь пренебрежительно? Легко судить с высоты вечности и силы, а когда ты слаб, мнение и поступки людей могут стать роковыми в твоей судьбе. – Иногда надо...

– Мне известно достаточно! – перебила его резким тоном Дева. – Поверь, у тебя не получится создать достойные полотна, ведь твое притворство коснется и их. – Ее рука взметнулась к его щеке, ноготь коснулся кожи. – Хоть в этот последний год стань собой, пойми, чего желаешь, и тогда ты сможешь уйти без сожалений, – сказала она, раня его лицо, оставляя кровавую дорожку. Его кровь на ее пальцах сверкала алым, вводя Кая в оцепенение. – Мальчик, которого я встретила в лесу, был в отчаянии, но он отличался от остальных. Благодаря ему взрослый ты жив. Прощай.

И Дева Льда шагнула в пустоту, оставляя его одного.

Восемь лет назад...

Кай

Все вокруг дышало удивительной безмятежностью. Снег сверкал, как может сверкать лишь в крепкий мороз. Накануне ночью температура опустилась столь низко, что никто из местных не решился выходить на улицу. Дома отапливались без остановки, а густой дым валил вверх, прорисовывая серые дороги по небу.

Даже днем город словно спал, лишь иногда короткими перебежками кто-то из людей выходил из дома, чтобы сразу исчезнуть в другом строении. И как раз в это время на одной из улочек вдруг появилась темная фигура – Кай упрямо бежал к лесу, пряча голые руки в концы вязаного шарфа, намотанного на шею. В тот день Малервег выглядел как никогда торжественно – ветви елей прогибались от тяжести снега, и любой посмотревший на эту дивную красоту забывал про дурную славу леса. Но все же, когда первый восторг исчезал, приходила истина: порою люди терялись среди тех деревьев. Случалось это и с жителями в возрасте, которые до этого сотни раз ходили в Малервег, и с теми, кто помладше. Каждый раз они вроде бы шли по знакомой тропе, но не понимали, как оказывались за несколько миль от дома в неизведанных уголках древнего леса.

Кай бежал, пока позволяла дорога, а после стал неминуемо вязнуть в глубоком снегу, и каждый шаг заставлял его захлебываться собственным дыханием. Сердце билось быстро, а глаза слезились, отчего блестели, как небесного цвета сапфир. Каждый раз, когда уставал, он останавливался на несколько секунд, упрямо смотрел на далекие деревья и вновь с волевой уверенностью продолжал свой путь.

Холод проникал под его одежду. Кай чувствовал, как постепенно немеют ноги и руки. Это ощущение приносило вовсе не страдание, а некое удовлетворение. Ведь это лишь доказывало, что он такой же, как все они. Люди могут говорить что угодно, но ведь тело не солжет. И если этот мороз превратит его в лед, то так тому и быть.

Добравшись до кромки леса, Кай побрел дальше. Он выглядел одиноко посреди зимы и вековых деревьев. Словно маленький

отважный солдат, идущий навстречу судьбе.

Устав, он вновь остановился. Снег доставал Каю едва ли не до бедра, отчего каждый шаг превращался в борьбу с царившей в их краях зимой. В этот миг перед его лицом мелькнуло что-то белоснежное, сливающееся с пейзажем, – мотылек, невесть откуда взявшийся посреди зимы. Он был огромным, но его крылья, словно присыпанные инеем, трепетали, являя всю хрупкость этого существа. Мотылек, пробыв недолго на месте, словно захваченный порывом ветра, полетел среди деревьев. Кай бросился за ним, задыхаясь, утопая в снегу, лихорадочно отыскивая взглядом похожие на шелк крылья. Так продолжалось до тех пор, пока он не упал. Споткнувшись о что-то, Кай растянулся на земле.

Повернув же голову, он опешил. Прямо на снегу лежала девушка – неподвижная, как гипсовая фигура, и словно неживая. Ее пугающие стеклянные глаза смотрели сквозь Кая, а длинные серебряные волосы разметались вокруг.

Кай поднялся, схватив лежащую неподалеку тонкую ветку, и аккуратно прикоснулся к незнакомке ее кончиком.

– Вы живы?

Девушка вдруг шевельнулась, а ее тело на мгновение замерцало, словно налившись жизнью. Взгляд запылал голубым огнем. Из рта вырвался хрип. А в следующую секунду она выругалась:

– Дрянь!

За исключением глаз и губ, вся она оставалась неподвижной.

– Не ругайтесь. Это дурно, – возмущенно поправил ее Кай.

– Дурно? Кто это тебе так сказал?

– Моя бабушка.

– Твоя бабушка, видимо, многое в этом понимает. – Неприкрытая насмешка звучала в ее голосе.

– Конечно, – уверенно подтвердил Кай, не замечая иронии.

Непоколебимость, прозвучавшая в его голосе, заставила Деву вновь взглянуть на него и фыркнуть.

– Запомни, мальчик, – выдохнув, с раздражением сказала она, – ругаться иногда полезно.

– Почему?

– Помогает выплеснуть эмоции.

– Разве это нельзя сделать иначе? – удивился Кай, приседая перед ней на корточки и рассматривая, как диковинку. Подобранный палка лежала у него на коленях.

– Конечно можно. Но тогда кто-то может пострадать.

– Вы странная, – вынес он вердикт.

– Хм... Скорее, я идиотка, – не согласилась она.

– Почему?

– Будь я чуточку умнее, то не лезла бы в дела людей.

– Но разве это плохо?

– А что хорошего в том, что во мне нет ни капли силы? Я настолько слаба, что даже человеческий ребенок споткнулся об меня, – спросила она и в следующий миг признала: – Но, с одной стороны, это даже забавно.

– Мне очень жаль, что я о вас споткнулся. Я не хотел. – Кай говорил искренне. Выглядел невинно и глупо, но все же искренне. Девушка сглотнула, ее взгляд смягчился.

– Я все равно ничего не почувствовала... Подожди. Что у тебя в груди? Оно знакомо светится.

Кай стал ощупывать свое тело, словно пытаясь отыскать, о чем говорила эта странная незнакомка.

– Глаза... Ну-ка глянь на меня, – прозвучал неожиданный приказ.

– Я не хочу, не надо смотреть в мои глаза, – рьяно воспротивился Кай, резко распрямляясь.

– Почему? – Дева Льда удивилась. Мальчик молчал. Она на мгновение прикрыла глаза, будто набираясь терпения. – Рассказывай, – потребовала девушка со вздохом. – Пользуйся возможностью, сейчас я самый благодарный слушатель. И никто об этом не узнает, уж поверь.

Кай оглянулся. Встреченная им незнакомка была грубой, вспыльчивой, но все же предельно честной. Уже тогда он понимал, что окружающие часто говорят не то, что думают. Но она не лгала, и он был в этом уверен.

– Мои глаза пугают остальных. Люди считают, что они неправильные. Мой взгляд приносит несчастье, – выпалил мальчик, а девушка внезапно заливисто рассмеялась. Так безудержно и громко, что Кай поначалу опешил, а после невольно тоже улыбнулся. Ее реакция не обидела, совсем наоборот, скорее, на сердце у него стало

легко. Он позабыл, зачем явился в лес и какая цель им двигала. Покидая дом, он сомневался, что вернется...

– Мальчик. – Дева посерьезнела, в ее взгляде словно жил огонь, холодный, но яростный. Кай вдруг понял, что ее глаза поразительно похожи на его собственные. – Цвет радужек показывает, что ты особенный. И людей пугает вовсе не их цвет, а твоя непохожесть на них. Ты такой, каким им никогда не стать. – Она говорила практически шепотом, но для Кая существовал лишь звук ее голоса. – Я наблюдала за ними веками. Они рождаются, вырастают и работают под землей, создают семью, заводят детей, чтобы было кому занять их место. А после круг начинается заново. – Она замолчала, задумавшись. – Все, что выбивается из этого круга, их пугает.

– Моя мама уехала из города и умерла... – вдруг проговорил Кай.

– Да-а, это проблема. Люди часто умирают. Но и здесь они гибнут, разве нет?

– Мой дедушка умер в шахте, – вспомнил он.

– Это лишь подтверждает мои слова, – бросила Ледяная Дева, смотря в белесое небо, – начинался снегопад. – А теперь скажи мне, что ребенок делает один в лесу зимой?

Кай побледнел.

– Заблудился? – спросила Ледяница и сама же ответила: – Нет. Сам пришел? Но зачем?

– Замерзнуть. Точнее, проверить себя. Сколько смогу выдержать.

Оставаясь неподвижной, она скосила на него взгляд льдистых глаз.

– Да? Я могу тебе помочь. – Ее взор уперся в его грудную клетку. На мгновение Каю стало жутко. – Но чуть позже. Пока я бессильна.

Возможно, ему надо было бежать от нее без оглядки. Но все же настоящего страха Кай не испытал. Скорее, он чувствовал странное восхищение.

– Может, вас чем-нибудь прикрыть? – предложил он. – Вдруг кто-нибудь на вас натолкнется.

– Не надо. – Еще час назад она бы согласилась на предложение. – Скоро занесет снегом.

Дева Льда вновь посмотрела на ребенка – покрасневшие щеки, весь в снегу, словно бежал в никуда, растрепавшиеся черные волосы

выбились из-под шапки, щуплый и слабый, но глаза сияют так ярко, повествуя о силе. У людей такого взгляда не бывает.

Осколок Зеркала разума в сердце способен изменить до неузнаваемости. Один из фрагментов пропал восемь лет назад и вот неожиданно нашелся в человеческом дитя.

«Почему он оказался именно в нем?»

Она заставила себя оторваться от сияния на месте его сердца, которое было заметно, лишь если присмотреться. Сглотнула, прежде чем низко и холодно произнести:

– Шел бы ты домой, пока можно. Умереть еще успеешь, поживи пока, может, и до старости доживешь. – В сказанном Дева не была уверена до конца. Все решит время. Если существование Осколка останется в тайне, то она сможет дождаться.

Последняя фраза разнеслась в тишине, и вскоре снег захрустел – Кай пошел прочь.

Она не посмотрела ему вслед, чтобы не подвергнуться искушению. Не стоило тратить силы попусту.

Когда Дева Льда уже почти забыла о мальчишке – ее сознание опустело, очистившись от мыслей, – рядом вновь захрустел снег и раздался звук, будто что-то волокни. Она распахнула глаза как раз в тот момент, когда тень Кая легла ей на лицо. Он суетился, укрывая ее ноги ветками.

– Я же сказала, не надо, – закатила глаза Дева.

– Вдруг не занесет? На вас может кто-то наткнуться случайно, так же, как и я, – упрямо отозвался Кай.

Дева все же промолчала, в итоге решив, что пусть он делает что пожелает. Кай копошился долго, уходил и потом вновь возвращался. Иногда она приоткрывала глаза, чтобы проверить, много ли ему еще осталось. И в очередной раз, когда почти все ее тело оказалось укрыто еловыми ветками, увидела руки Кая – покрасневшие от мороза, со свежими мозолями, появившимися, когда он ломал ветви, и исколотые иголками.

– Где твои рукавицы? – спросила она сухо.

Он встрепенулся. Глянул на свои ладони.

– Забыл, – ответил Кай. – Мне не нравится их носить, – поделился тише. – Так... Осталось лишь накрыть вашу голову.

– Ладно, – смирилась Снежная Дева.

Она относилась ко всему просто и, если не могла повлиять на обстоятельства, зачастую забывала о них. Если бы она заикливалась на мелочах, то давно потеряла бы рассудок. Ее сознание безжалостно избавлялось от бесполезных деталей. Она и прошлую зиму-то толком уже не помнила.

– Осторожно, иголки колются, – предупредил Кай.

– Как скажешь, но иголки не принесут мне вреда. – Дева прикрыла веки, а ее тело потускнело, словно лишившись силы.

Вскоре солнце скрылось среди зелени еловых иголок, в тени становящихся почти черными. Кай ушел, а снег постепенно покрывал ветки, окончательно скрывая Деву Льда от чужого взора. Когда же на следующий день он вернулся к тому месту, ее уже там не было.

Кай бежал, надеясь, что сможет задать вопросы, ведь он почти сразу догадался, кто перед ним. Днем ранее он так удивился их встрече, что обо всем на свете забыл, а ведь столь о многом хотел спросить! Но когда Кай наконец-то достиг того уголка леса, то увидел лишь раскиданные во все стороны еловые ветки. И даже ее следы ветер и снег уже успели уничтожить. Кай с надеждой вновь осмотрелся, задыхаясь от бега и студеного воздуха. Но встречала его лишь безмолвная зима.

Сложно сказать, сколько времени в тот месяц провел Кай в постели. Вставая, лишь чтобы зажечь огонь и затолкать в себя что-нибудь из еды, он вновь ложился. Его не беспокоили, только Герда и соседи с первого этажа приходили порою проведать, считая, что он болеет после того, как искупался в озере.

Может быть, он и болел, но точно не поэтому. Его не тревожили ни плечо, ни простуда, и даже привычное ощущение холода вскоре вернулось. Была слабость, но, возможно, и она стала следствием усталости и переживаний. Последнюю неделю его жизни нельзя было назвать мирной.

Но мучило его иное – мысли. Назойливые, многочисленные, как стаи насекомых.

В те дни он понял: внутренние проблемы как чертов клубок с нитками, потянешь – и он начинает разматываться весь, а нить оказывается гораздо длиннее, чем ты предполагал. Воскрешая в памяти моменты прошлого, Кай видел: Дева Льда во многом права. И ему от самого себя становилось тошно. Эти мысли придавливали, рождали злость, больше на самого себя, чем на кого-либо другого. Кай всегда находил оправдания для своих поступков. И раньше ему казалось, что поступает он умно. Но, если бы Кай хотя бы пытался что-то изменить в своей жизни, это того бы стоило. А так – всего лишь молчание и малодушие.

После злости пришло ожесточение, но в какой-то момент, когда он почувствовал желание все изменить, оно стало сменяться уверенностью и спокойствием. Каю казалось, что он наконец-то обретает самого себя. В эти дни сердце его колело все чаще. И вместе с этой слабой болью мысли становились еще яснее.

Так прошла зима, снег растаял, и первая зелень пробилась сквозь землю. Лишь тогда Кай вновь взялся за кисть, не в силах прикоснуться к ней ранее. Даже работа над фреской толком не сдвинулась с места. И картина со звездами пока была отставлена в сторону. В его комнате витал слабый дурманящий запах красок и скипидара. За прошедшие месяцы Кай обзавелся одной привычкой – замирать, задумчиво глядя в

далекое небо. В этой тишине и размышлениях рождалось вдохновение. Он начал искать замысел для полотен всей своей жизни. И в этот раз это было не преувеличением.

Пока снег лежал на земле, порой Кай чувствовал, что за ним наблюдают. Особенно в ночи, когда на небо всходила луна. С приходом тепла окончательно ушли тревоги, но все же в смерти зимы ныне таилась непередаваемая грусть. Словно что-то потеряно им, и Кай может вновь этого не отыскать. С весной исчез и знак на его груди – от серебряного дерева на коже не осталось и следа. С каждым днем, когда распускались листья на ветках, просыпались фруктовые деревья и оживали кусты роз, Кая все чаще посещало чувство нереальности случившегося. Словно все пережитое этой зимой – лишь его грезы. И как бы странно это ни было, единственным доказательством правдивости произошедшего было серебряное потертое кольцо, подвешенное на цепочке, что он сорвал с тела мертвой Дорты. Поэтому Кай не мог от него избавиться и семье отдавать не желал, но уже по другой причине. Дорта была единственным ребенком, и, наблюдая за ее родителями, Кай понял, что лишь надежда на ее возвращение держала престарелую пару на ногах. Пока что он не был уверен, что желает вмешаться в их судьбу. Если после его действий они окажутся на кладбище Хальштатта...

Иногда незнание лучше знания.

Наконец, когда земля окончательно просохла, а дни начали радовать теплом, Кай отправился в соседний Линц с господином Хаконом и Гердой. В большом городе можно было купить редкие товары. Для Кая в первую очередь были важны пигменты – его запас красок истощился, да и не имелось нужных ему цветов – и ткань для холстов.

Долгое время они почти не разговаривали с Гердой. После случая на озере между ними словно появилась стена. Кай же был слишком занят собой, чтобы сразу заметить ситуацию, отчего отчуждение лишьросло между ними, будто дерево, пустив корни. А после Кай не увидел причины, чтобы первым сделать шаг навстречу, как поступал всегда. Если Герда пожелает, они поговорят.

Отправлялись в Линц на телеге с настилом, запряженной двумя лошадьми. Господин Хакон занимал место возницы, иногда его сменял

Кай. Все время, пока они ехали мимо зеленеющих полей и гор, он зарисовывал сменяющиеся пейзажи.

– Мне казалось, ты не любишь рисовать розы, – вдруг заметила Герда. От тряски из папки с зарисовками, которая лежала у ног Кая, выбилося несколько листов.

– Не люблю, – подтвердил он и потянулся к бумагам. Замер на мгновение, зацепившись взором за крылья мотылька, видимые лишь наполовину, а после аккуратно спрятал эскизы обратно под картон.

Герда кивнула, задумавшись.

– Но на самом деле я не люблю розы не из-за их яркого цвета. А потому что мне не нравятся эти цветы. – Голос Кая звучал мягко.

– Ты не любишь розы? – удивленно нахмурилась Герда, взглянув на него так, будто впервые видит.

Казалось, не произошло ничего серьезного, но только что Кай развенчал один из самых старых своих обманов.

– Верно. Извини, что не сказал раньше, – отозвался он.

– Но ты же столько раз помогал мне в саду...

– Пусть они мне не нравятся, это вовсе не означает, что я не желал тебе помочь. – Он улыбнулся.

– Но все равно. Я теперь чувствую себя так... словно все это время принуждала тебя.

«Принуждал я сам себя. Лишь я один».

– Это не так.

В этот момент телега подскочила на ухабе, отчего Кая и Герду подкинуло, – дорога пошла неровная.

– Вы как? Не ушиблись? – обернулся господин Хакон.

– Все хорошо, – бросил Кай, ища выпавший из ладони карандаш.

– Над чем ты там все работаешь? – поинтересовался отец Герды, кинув взгляд на папку с листами.

– Хочу создать работы для выставки.

– Ты собираешься уехать из Хальштатта? – В его голосе звучало неодобрение.

– Я бы хотел. Но вряд ли у меня выйдет.

– Каждый человек для чего-то предназначен, Кай. И то, что мы родились на своей земле, тоже судьба. Не думай, что что-то чужое принесет тебе счастье, – поделился своими мыслями господин

Хакон. – Лучше приглядишься, и тогда увидишь, что все нужное тебе уже рядом.

Он вновь обернулся, окинув сидящих взглядом, и добродушно улыбнулся.

– Как ты собираешься попасть на выставку? – когда отец отвернулся, тихо спросила Герда.

– Напишу учителю, у меня остался его адрес.

Кай знал адрес мужчины, обучавшего его в детстве, но ему было неизвестно, пустился ли он в очередное путешествие или находился дома. Но, даже если послание попадет в его руки спустя год или два и Кай окажется уже мертв, в этом не будет ничего страшного. Главное, чтобы художник прибыл в Хальштатт за полотнами. А он обязательно появится, Кай не сомневался, хотя бы из любопытства. Такова была его натура.

В воздухе висел аромат разнотравья – богатый и заполняющий собой все легкие. В нем чувствовалась свежесть, в отличие от запаха роз, цветущих в Хальштатте, отчего Кай время от времени прикрывал глаза, чтобы сполна насладиться царившим в округе спокойствием.

Заехали в город к вечеру. Предполагалось, что они переночуют, утром купят все необходимое и сразу же отправятся обратно. Необходимо было вернуться до того, как солнце спрячется за горами. Постоялый двор, в котором остановились путники, находился неподалеку от центральной части города в хорошем районе. Уже на протяжении многих лет жители Хальштатта останавливались именно там во время редких путешествий.

Лишь солнце встало, как все трое отправились на торговую улицу. Господин Хакон постоянно сверялся со списком – помимо своих покупок надо было купить кое-что и для соседей. Всегда, когда кто-то выбирался из города, он ехал с заказами едва ли не для половины семей Хальштатта. Отчасти чтобы помочь, с ним отправились Кай с Гердой. И лишь расправившись с большей частью перечня, Кай смог зайти в лавку художника.

В помещении горело несколько керосиновых ламп, чей свет разгонял полутьму. День выдался на редкость облачным. Стены оказались обшиты потемневшим от времени деревом. Всю боковую стену закрывал собой шкаф, одну половину которого занимали десятки

мелких ящичков, а другую – полки, на которых лежали кисти всех размеров с различным ворсом.

Каждый раз Кай замороженно рассматривал хранимое здесь богатство. Еще зимой, заключив сделку, он понял, что именно краски станут для него одним из препятствий. Свинцовые белила, охра и «Кость» – черная краска из пережженной кости – были относительно доступны. Отчасти по этой причине зимних пейзажей Кай создавал больше, ведь они требовали мало цвета, а значит, и дорогостоящих пигментов. Добавь в белила совсем немного ультрамарина и киновари – для живописи снегов достаточно. Хотя с последней краской Кай работал всегда неумело. Но с летними полотнами дело обстояло совсем иначе. Яркие, плотные, сочные оттенки всегда были самыми дорогими. Некоторые из них стоили раз в двадцать дороже белил.

Последние пару лет Кай откладывал деньги, когда получалось. Понемногу, но за несколько месяцев сумма скопилась достаточная, чтобы использовать ее теперь.

Тем более семья Хэстеинов собиралась заказать для своего особняка еще одну работу. И к концу лета Кай закончит с фреской в церкви, по завершении которой ему выплатят остатки обещанной суммы.

Последний год складывался удачно.

Герда следовала за ним молчаливой тенью. Вскоре из глубины помещения вышел хозяин – мужчина с пышной бородой и в фартуке. Судя по испачканным рукам, он сам был художником и в лавке у него имелась мастерская.

Помня о том, сколько монет у него в кармане, Кай в первую очередь купил желтого хрома, а после изумрудно-зеленый пигмент и ализарину малиновую, которой решил заменить киноварь. Брал понемногу, но, если расходувать экономно, этого запаса должно было хватить на несколько полотен.

Герда не впервые приходила с ним в лавку, пусть и без такого живого интереса рассматривала ассортимент, в ее взгляде все равно было любопытство. Но теперь ее вниманием завладели именно покупки Кая. Когда они вышли на улицу, Герда долго смотрела на аккуратный сверток в его руках, прежде чем спросить:

– Это краски для картин, о которых ты говорил в дороге?

Ее голос едва не потонул в крике ближайшего зазывалы.

Кай кивнул.

– В этот раз ты взял не те пигменты, что покупаешь обычно, – заметила она и добавила себе под нос: – Они еще и стоили так дорого.

В городе было шумно и грязно. Всюду слышались крики торговцев, что продолжали звучать, пока они не свернули на одну из улочек, которая привела их к небольшому скверу. В центре его журчал фонтан, а по аккуратным дорожкам проходились аристократического вида дамы и господа.

Решив, что они выбиваются из общей идиллии, Кай с Гердой пошли ближе к домам, свернув на ближайшую узенькую улицу, пока не наткнулись на старый книжный. Вывеска в виде книги поскрипывала, и издаваемый ею звук эхом разносился в проулке. Кай наклонил голову, приглашающе кивая на вход: «Зайдем?» После улыбнулся и первым толкнул дверь.

Его встретили корешки фолиантов разной высоты и ширины, расставленные на полках без какой-либо логики. Стоили книги прилично, и у Кая практически не осталось денег, отчего ему оставалось разглядывать лишь названия. На его губах по-прежнему гуляла легкая улыбка. В последнее время все новое воспринималось им как приключение. В чужом городе незнакомых мест было гораздо больше, и поэтому его настроение предсказуемо поднялось.

Сборники сочинений, поэмы и пьесы – тома занимали почти все полки. Но Кай нашел и пересказы мифов, греческих и скандинавских. Больше его интересовали фольклорные персонажи. Существование Девы Льда для многих жителей Хальштатта не было секретом, но вот что Сеятель тоже не плод людского воображения, он никогда бы и представить не мог.

От своего учителя Кай слышал, что лет двадцать назад во всех академиях художеств крупных городов большинство художников рисовали исключительно сюжеты мифов, раз за разом переосмысливая описанные в истории человечества сцены. Уже позже юные мастера воспротивились сложившимся традициям, не позволив одной привилегированной группе художников решать, что является искусством, а что нет, и вышли за их рамки, создавая и вводя в моду новые идеи и стили.

– Поначалу их осуждали, а после воспевали, – с неким восторгом говорил учитель Кая, звонко смеясь и отпивая вина из бокала.

– Но им, наверное, понадобилось собрать всю свою храбрость, чтобы пойти против устоев, – в то время возразил Кай.

– Не храбрость, а веру. Искренняя вера в свое дело может заменить храбрость.

В прошлом Кай не придавал значения его словам, но ныне возвращался к ним не раз. Возможно, с возрастом пришло понимание. Обретая веру, обретаешь себя. И, раздумывая о том, что мир открылся ему с новой, совершенно неожиданной для многих стороны, он видел в этом закономерность.

– Сначала покупаете, а после читаете. – Голос продавца вырвал из мыслей, заставил встрепенуться. Герда громко чихнула – в лавке было весьма пыльно.

Кай кивнул, кидая последний взор на понравившийся фолиант. Все его деньги были потрачены на краски, а книги тоже стоили недешево.

– Я куплю себе и дам тебе почитать. – Подруга выхватила издание из его рук. На переплете книги позади Кай увидел оттиск печатной фабрики столицы.

Расплатившись, Герда вернулась, рассматривая книгу.

– У нее маленький тираж, видимо, не очень популярна, – сказала она.

– Конечно, это ведь записки путешественника. Собранный им фольклор, – отозвался Кай.

За дверью лавки их вновь встретила тишина переулка, разбавляемая приглушенным шумом с соседней улицы.

– Ты раньше интересовался Снежной Ведьмой, но сейчас, кажется, тебе стали любопытны истории не только о ней, – отметила Герда, пряча том в сумку. Одно упоминание Девы заставило сердце Кая забиться неровно.

– Это лишь книга, Герда. Одна из многих наподобие тех, что стоят у меня на пол...

– Ты в последнее время стал каким-то другим, – вдруг перебила она его. Герда остановилась на границе тени и света, не спеша выйти на освещенную улицу. Ее рыжие волосы, заплетенные в небрежную косу, как обычно, были перевязаны красной лентой. Взгляд Герды переместился с оживленной дороги на Кая. – Что случилось? Ты можешь рассказать мне.

Он вздохнул, не спеша давать ответ. Его никто не просил молчать, но интуитивно Кай понимал, что о таком не стоило болтать. Он умел хранить секреты, у него в этом было много опыта, ведь он слишком долго скрывал от других свои кошмары. Но во взгляде Герды читалась надежда, а он не желал, чтобы она превратилась в разочарование.

– Ничего не случилось, – все же отозвался Кай, зачесывая пятерней назад растрепавшиеся волосы. – Если у меня появилась цель, вовсе не значит, что со мной что-то не так.

Он видел, как она хмурится, как растет, словно разгораясь из искры в пламя, ее обида. Но Кай был вправе хранить свои тайны, а еще не сообщать о том, что следующей зимой его не станет.

Так или иначе, Герда бы не успокоилась, а сейчас обида заставит ее обозлиться на него и оттолкнуть. Но она поступила иначе, совсем не как Кай ожидал.

– Цель, на которую ты истратил все свои деньги, – процедила она раздраженно. А потом, словно усмирив эмоции, коснулась его плеча. – Извини. Я буду очень рада за тебя, Кай, если все выйдет, как ты задумал. – Опустив взгляд к свертку в его руках, она добавила: – Но я считаю, тебе надо было брать другие краски.

Герда

Герда знала Кая сколько себя помнила. Они жили по соседству, и все в городке болтали о мальчике, выжившем в снегах. К довершению всего их окна были расположены напротив. Но, что удивительно, в то время Кай никогда не смотрел в сторону ее дома, тогда как она не могла оторвать взгляда от его окон. Герда стала свидетелем его совершенно обычной жизни, понимая, что если чудовища и существуют, то точно выглядят не так, как этот соседский мальчишка.

Но все же от других он отличался своим молчанием. Смотря на мир своими глазами, имевшими нечеловеческий оттенок, Кай жадно впитывал все детали вокруг себя. Уже ребенком он выглядел как ангел, сошедший с одной из фресок их церкви. Его манера двигаться только усиливала это впечатление.

И дети, дразнившие его, возможно, поначалу пытались даже с ним сблизиться. Они ожидали, что после Кай сам придет к ним и попытается стать частью их компании. У детей свои способы подружиться. Но, как Герда поняла позже, Каю и в голову не пришло поступить так, и именно поэтому совсем скоро он обзавелся настоящими врагами.

Когда Кай с Гердой познакомились, она удивилась его робости. Но окончательно покорило ее совсем иное... То, как он на нее смотрел. С благодарностью и благоговением, как на спасительницу. Казалось, в то время Кай был готов сделать для нее все что угодно, последовал бы любому ее приказу. С тех пор дети злословили о них двоих, но уже тогда Герда чувствовала в тех словах зависть. И эта зависть рождала в ней гордость.

Но ныне все изменилось... Смотря на Кая, сидящего под палящими лучами солнца чуть дальше по берегу, Герда не могла отделаться от ощущения ревности, злости и обиды. Она не сразу осознала свои чувства – поначалу страх, непонимание, и лишь после ярость, будто теряет что-то свое, по праву ей принадлежащее. Ее эмоции были не тем, чем стоило гордиться, но все же они были частью

Герды, и сколько она ни пыталась отыскать в себе благородную причину для них, так и не находила.

Середина этого лета выдалась донельзя жаркой, отчего даже воды горного озера были не столь прохладны и манили к себе. Герда наблюдала, как крона раскидистых ив, под которыми они с Трин прятались от солнца, едва заметно раскачивалась. Ивы эти были уже старыми, потому высокими, с крупными ветвями, с которых свисали мелкие веточки.

На коленях Герды лежал почти законченный венок из диких роз, которые они нарвали с подругой по пути сюда. Бледно-красные лепестки трепетали, но вот пальцы Герды были все исколоты, отчего покраснели и выглядели даже алее бутонов.

Трин вышивала на платке, зажав ткань в пальцах. Ее брат этим летом реже проводил с ними время, то отправляясь на охоту, то уже полноценно работая в кузнечной мастерской отца. Они чинили инструменты для работы в шахте, домашнюю утварь, подковывали лошадей и делали все, что было связано с металлом. Но этот день стал одним из исключений – Йон с удочкой в руках сидел на берегу, соломенная шляпа не спасала его от жары, отчего он постоянно утирал капельки пота.

Кай же вновь был занят зарисовками – в последнее время он либо запирался у себя, либо бродил в лесу, либо поднимался в горы. Герда знала, что он уходил так далеко от города, как бы не отважился ни один житель. Даже дурная слава Малервега его не пугала, и Кай неизменно возвращался домой.

«*Удивительное везение...*» – пронеслось в ее голове, пока она смотрела на него.

Темные пряди спускались до плеч – волосы Кая за минувшие месяцы отросли и блестели на солнце, как вороново крыло. Через пару месяцев ему исполнялось восемнадцать, и его тело словно готовилось заранее к этому событию. Он стал выше и шире в плечах, налет юношеской невинности стал не столь ярок, проявились резкие и в то же время мужественные черты. Но, поверни он голову, и сразу бы стали заметны необычайно голубые глаза, так выделявшиеся на его лице и приковывавшие взгляд. Каждый раз, глядя на него, Герда ожидала, что он почувствует ее внимание и вот-вот поднимет на нее взор. Но этого так и не происходило.

Используя папку с листами как опору, Кай, склонившись над работой, делал легкие карандашные зарисовки.

– Кай Ларс будто стал еще красивее, – вдруг ляпнула Трин, словно услышав мысли подруги.

– Такой же, как всегда, – прошептала себе под нос Герда.

– Нет, точно красивее. Жаль, что беден. Твои родители не против этого?

– Против чего?

– Ну же... Не глупи. Еще скажи, что не задумывалась об этом. Вы уже много лет рядом.

Щеки Герды стали алень.

– Задумывалась, конечно.

– Ну, вот ее отсутствие денег точно не пугает, – внезапно вымолвила Трин.

Герда напряженно проследила за ее взглядом – та смотрела на замок Хэстеинов.

– Давай прекратим этот разговор. Кай больше всего любит свои картины, и ни до чего другого ему дела нет, – жестким тоном произнесла она, с двойным усердием вернувшись к плетению венка.

День продолжался, Кай несколько раз ходил по берегу в поисках нового ракурса, а они успели опустошить свои корзины для пикника, собранные этим утром. День был ясным, но ближе к вечеру над горами показались грозовые тучи, которые стремительно приближались. Впереди них, словно глашатай, несся порывистый ветер, который заколыхал ветви деревьев и заставил Кая и остальных начать собираться домой.

Вот только они ушли столь далеко, что преодолели лишь половину пути, когда ливень обрушился на землю. Тяжелые струи дождя не оставляли и шанса на то, чтобы остаться сухим, даже под сенью дерева, под которым они отыскивали укрытие.

Кай прижимал к груди папку, надеясь уберечь свои наброски. Как всегда, он меньше всего волновался о себе. Герда искоса бросала на него взгляды, чувствуя тяжесть собственных волос, облепивших щеки, шею и плечи, и, смотря на его рисунки, вновь испытывала раздражение.

Она уважала его талант. Видела его в творениях Кая и даже считала это прекрасным, но вовсе не понимала этой трепетной

одержимости. И не понимала попытки ухватить то, что ему было недоступно. Начавшаяся зимой, его отчужденность ныне достигла апогея.

Порой он был так сосредоточен на полотнах, что его бесполезно было отвлекать, – все равно мысли Кая витали где-то далеко, отчего в такие моменты порой случались казусы. Месяц назад он так задумался, что, оступившись на узком мосту, упал прямо в быструю горную реку с ледяной водой. Мостик был старым и деревянным, а подгнившие перила не выдержали его веса.

Эта его увлеченность и в прежние годы вызывала у Герды противоречивые чувства вплоть до зависти и недовольства. Ей казалось, что Кай стремительно шел вперед, оставляя ее позади. Что-то подсказывало Герде, что стоит ему покинуть их маленький городок и отправиться в центр страны, и Кай обязательно добьется успеха и признания. Ее пугала мысль, что она так и останется никем для мира и для него самого.

Любила ли Герда его в ином смысле? Как женщина любит мужчину? Или привязалась так, что сама не могла понять своих эмоций?

Дать уверенный ответ она не могла даже самой себе.

Но, стараясь, как и прежде, поддерживать его, Герда и не заметила, как втайне стала желать, чтобы Кай потерпел крах. Ведь тогда он всегда будет рядом... До самой их смерти. И умрут они вместе, как любят писать в сказках, видя в этом прекрасный финал. Пусть рассуждения о смерти вовсе не выглядели соблазнительно, но все же.

Герда слишком долго смотрела на Кая, и он, заметив ее внимание, поднял голову. Приветливо улыбнулся, вопросительно изгибая бровь, беззвучно спрашивая: «*Что-то не так?*» или «*Ты хочешь мне что-то сказать?*».

Герда покачала головой и отвернулась. Небо над ними стало проясняться. Клонившееся к земле солнце окрашивало просветлевшие на горизонте облака в розоватые и шафрановые оттенки. Темные тучи контрастировали с облаками посветлее. Над потемневшим от влаги склоном, покрытым ковром деревьев, куполом растянулась радуга, а за ней еще одна. Менее яркая, но все же прекрасно угадывающаяся.

– Смотрите, двойная радуга! – воскликнула Трин, показывая в небо.

– Я вижу третью, – вмешался Йон. И правда, под первыми двумя появилось размытое очертание третьей.

Герда вновь глянула на Кая. Она еще не знала, что скажет, но увиденная красота природы словно сделала ей легче на душе, чудом прогнав все темные мысли.

Но в следующую секунду Герда замерла, так и не произнеся ни слова. Все трепетные ощущения, возникшие в ее сердце, разом пропали. Герда не сразу осознала, почему ее так взволновал его вид. Кай застыл, а его глаза сверкали, как сверкают звезды в темнейшую из ночей. Ослепительный, завораживающий взгляд, больше всего поражающий своей необъятностью. Даже если пожелаешь – всех звезд на небе не считаешь. Вот и в его зоре сквозило что-то необъятное, то, что Герде никогда не понять.

Она отвернулась и по-новому посмотрела на облака. Больше радуга ее не восхищала.

Герда вернулась домой, когда на улице уже почти стемнело. В летней теплой ночи слышалось стрекотание сверчков, и всюду царил сладкий аромат роз, росших ровными рядами у домов. В этом году кусты расцвели так густо, что нигде нельзя было скрыться от этого запаха.

Стоило войти в дом, как мать сразу же поинтересовалась, почему Герды не было так долго и зачем она сорвала эти бедные дикие розы, сплетенные в венок.

– Ты ведь исколола себе все пальцы! – ругалась она.

Отдельным поводом для недовольства стал испачканный подол охристого платья. Ткань наряда была дешевой, но ценность ему придавала вышивка на воротнике и на талии – все те же розы плели на них свой узор колючими ветвями. Герда сама вышила их, чтобы украсить повседневный наряд.

– Мам, я приведу платье в порядок, – лишь произнесла она. Оправдания или споры ничего бы не дали, в обоих случаях хозяйка дома лишь сильнее стала бы ее отчитывать. За свою жизнь Герда прекрасно изучила характер матери.

Она направилась к лестнице, желая скорее оказаться в своей комнате. Ступени под ногами знакомо зашуршали.

Их семье принадлежало все здание, поэтому, по меркам города, они были довольно состоятельны. На первом этаже располагалась булочная вместе со складским помещением и кухней, на втором жила вся семья, а на последнем – под самой крышей, где была лишь одна, но просторная комната, – еще с самого детства обосновалась Герда. Ее окно аккуратно выходило к окнам Кая.

Когда они только подружились, то пользовались этим и переговаривались, распахивая створки. Весной в длинных ящиках, висевших под их окнами, они сажали розы и дикий вьюнок. Последний разрастался и под конец лета полностью оплетал их окна. Два островка зелени посреди каменного фасада.

Но ныне все было иначе, пусть розы и продолжали расти под их окнами, теперь они были лишь напоминанием, и ничем больше. Следом мертвого прошлого.

Не зажигая свечи, Герда приблизилась к окну и осторожно отодвинула края льняных занавесок. В доме напротив горел свет – несколько зажженных свечей рассеивали полутьму. Кай был занят тем, что натягивал полотно на подрамник. Еще несколько больших полотен стояли, прислоненные к стене. Кай будто рисовал картины одновременно. Полотна на его мольберте сменялись слишком часто, и каждый раз он отворачивал их изображением к стене, чтобы никто не увидел написанное.

Герда еще несколько минут наблюдала за ним, пока южный ветер снаружи колыхал бутоны роз на их окнах. На прояснившемся небе уже виднелось око луны – круглое, как монета. Прямо как в тот раз, когда она проснулась зимой посреди ночи...

Стоило об этом подумать, и воспоминания словно перенесли ее обратно, в тот момент, когда она стала свидетелем того, чего видеть была не должна.

В ту ночь она проснулась от жажды, но, как назло, кувшин на столе был пуст, и Герде пришлось спуститься на второй этаж за водой. Вернувшись же, она бездумно, а может, по привычке, подошла к окну, отодвигая занавеску. В столь позднее время в доме напротив брезжило едва заметное оранжевое сияние – видимо, камин в комнате Кая еще не догорел.

Лунный свет, только что пробившийся из-за края облаков, засеребрил свежий снег, лежавший на крыше, и у самого окна Кая вдруг осветил женскую фигуру.

Герда забыла, как дышать. Она ощутила себя рыбой, выброшенной на сушу, что безуспешно открывает рот, пытаясь заглотить воздух.

В слабом сиянии, которое так сильно выделялось на фоне ночных домов, прямо на каменном выступе, там, куда летом Кай выставлял ящик с розами и посаженным плющом, сидела девушка.

Хотя не девушкой она была вовсе!

Ее волосы мерцали и переливались ярче снега, словно на них не просто попадал свет ночного светила, а будто они были посыпаны лунной пылью. Вокруг тела кружили снежинки, ниспадая на хрупкие, на первый взгляд, обнаженные плечи.

Часть сознания Герды пыталась отыскать разумное объяснение тому, что предстало ее глазам. Но она-то сразу поняла, кто перед ней. Любой житель Хальштатта узнал бы Снежную Ведьму.

Пока Ведьма смотрела в окно Кая, Герда глядела на нее. Изучала. Видела миниатюрность и хрупкость ее тела, не зная лица. Казалось, невозможно было представить, что все истории, гуляющие о ней в городе, были правдивы.

Но тут взор Герды коснулся морд волков, выведенных на руке Девы Льда, – звери скалились, даже их клыки блестели. Вдруг одна из морд повернулась к ней, и глаза существа сверкнули, словно живые.

Герда упала. Испугалась так сильно, что подогнулись колени. Сердце безумно стучало в груди. Но оно окончательно ухнуло вниз, когда до ее ушей донесся стук. Звонкий и ритмичный.

«Словно кто-то длинным ногтем бьет по стеклу...» – пронеслась мысль в голове Герды, прежде чем она смогла ее осознать. И стук превратился в высокий скрежет. Стекло тихо тряслось и дребезжало.

Герда прикрыла ладонями глаза. Молитвы, которые она едва ли помнила в обычное время, вспыхнули в голове. Но даже в мыслях она не успела их произнести, когда повисла оглушающая тишина.

Дверь в ее комнату распахнулась, а огонек дрожащей свечи осветил ее спальню.

– Герда, что с тобой? Ты почему на полу? Упала? – донесся голос матери. Она подбежала к ней, помогая подняться. – Ты в порядке?

Герда спешно закивала, все еще не в силах выдать ни слова. Она едва сдерживала слезы, что сжали горло.

– Мам...

– Что такое? – Лицо матери выглядело крайне обеспокоенно.

– Я упала. Запнулась, – пробормотала Герда, смотря на край отодвинутой шторы. На стекле, деля его надвое, была выскоблена полоса. Но снаружи никого больше не было.

Мама поверила ей и вскоре оставила. А Герда спустилась в кухню, до самого рассвета боясь вернуться в комнату. Ей понадобилась неделя, чтобы осмыслить произошедшее.

Поначалу она пыталась забыть случившееся, уговаривая себя, что ей всего лишь показалось. Но на окне в ее комнате осталось прямое доказательство обратного. После она старалась игнорировать воспоминания, не в силах объяснить пережитое в ту ночь. Но проходили дни, и страх притупился, вернув возможность здраво мыслить.

Раньше они с Каем часто разговаривали о Снежной Ведьме. Это было ритуалом, и Герда давно перестала воспринимать эти беседы всерьез. Но теперь история о Деве в самом деле ожила, и страхи жителей Хальштатта предстали в ином свете.

«Снежная Ведьма следит за Каем? – возник новый вопрос. – Нет, это невозможно... Великая Властительница Льдов и Кай? Нет, точно нет».

Что бы ни болтали люди, Герда знала Кая бо`льшую часть его жизни. И он был абсолютно таким же, как все жители Хальштатта. Остальные могли выдумывать что угодно, но она знала правду.

Но следом в памяти Герды пронеслись странные события этой зимы. Слухи о Деве Льда и неизвестном в поле. Частые метели и рассказы о том, что кто-то видел на улице человека, гуляющего по крыше столь изящно, словно был легче воздуха и его не обременяла теплая одежда.

И в завершение...

День, когда Кай провалился под лед замерзшего озера, и белый сокол, летящий в небе. Он так много времени провел под водой, но выбрался сам, когда никто этого уже не ждал.

Все указывало на то, во что она верить не желала. Кай встречался со Снежной Ведьмой. И не раз. Но зачем и почему? Продолжая раз за

разом повторять этот вопрос в своих мыслях, Герда впервые за минувшую с той ночи неделю осмелилась раздвинуть занавески и посмотреть в чужое окно. Был день, но полуденное небо, затянутое облаками, погрузило город в мрачное настроение. Отсутствие яркого солнца позволяло лучше увидеть комнату Кая – он сидел прямо на полу. Накрыв плечи одеялом, вновь рисовал карандашом что-то в своем дневнике. Проводя за этим занятием часы, он порой выглядел так, будто был не в себе.

– ...почему, Кай? – тихо произнесла Герда, не отрывая взгляда от его фигуры.

Герда очнулась от воспоминаний. Взгляд оторвался от царапины на стекле, все еще украшавшей ее окно. Герда вновь вернулась в лето, забыв о холоде зимы.

С той самой ночи она много дней думала о всей ситуации. Гадала и не знала, как ей поступить. Порывалась спросить Кая, а порой ожидала, что он сам ей поведаст о сокровенном. Но время шло, а друг молчал, и Герда все чаще злилась. От обиды все темные мысли, посещавшие ее раньше, усилились, подобно алмазам, которые, получив огранку, засияли и стали ярче. Возможно, именно поэтому она не могла выкинуть Кая из головы.

От этих чувств ее страх перед Снежной Ведьмой окончательно притупился. Герда не знала, были ли встречи Кая с той добровольны, но понимала одно: они ведут по дороге, в конце которой его ждет лишь смерть.

Но она спасет его, чего бы это ей ни стоило. Наблюдая за тем, как Кай замешивает краски, Герда, казалось, решила. Решилась обнажить тайну, которой страшилась до сих пор.

*Что я почувствую, когда завершу полотна?
Буду ли рад? Останусь ли до конца доволен
ими?*

*И смогу ли, сдержав слово, отдать добровольно
свою жизнь за подаренное мне время?*

Дневник Кая

Ближе к концу лета у Кая была готова одна из трех запланированных им картин. Вторая же – завершена наполовину. Первой его трудностью стала идея для полотен. Остатки зимних дней и начало весны он потратил на ее поиск. В то время Кай чувствовал себя путником, заблудившимся в снегах, – он будто брел вперед, пока под ногами стелилось ледяное поле, простиравшееся до самого горизонта, а над головой светило яркое, но холодное солнце, разместившееся на чистом небосводе.

Это состояние длилось долго, он словно созидал, копя внутри себя вдохновение. Ночью же в его снах вновь все чаще и чаще цвели белые розы на окрашенных в розово-гиацинтовый и местами припорошенных золотой пылью снегах. Появляющиеся из соцветий мотыльки теперь, вместо того чтобы хаотично разлетаться, льнули к нему, облепляя руки, плечи, шею и...

...И он просыпался, теряя возможность дышать.

Но когда в голове его вспыхнула идея, кровь закипела в венах. Дева Льда была права: не создашь ничего достойного, скрывая лицо под маской. Искусство рождается из сильных чувств. Из горя, захлестывающего душу счастья, отчаянной и болезненной любви. Как только уходят чувства, а жизнь наполняется уютом, делаая тебя слишком мягким, то и работы становятся такими же – слишком осторожными и ровными. Струны людской души они не трогают.

Только в полной мере осознав эту истину, Кай понял свой путь. Увидел дорогу, по которой ему следовало идти. Раз это последние полотна в его жизни, то они должны отражать ее всю. И он решил посвятить эти картины себе...

С тех пор началась его работа, которая продолжалась до сих пор. Наступил август – последний месяц лета. Чем меньше у Кая оставалось дней, тем острее он ощущал мир вокруг, запоминая каждую деталь, окружающую его. Чувствовал лучи солнца, ласкающие его кожу, свежий ветер, треплющий волосы, и утреннюю свежесть, приходящую с гор.

Кай почти завершил фреску в церкви, осталась буквально пара недель работы, отчего он старался уделять ей внимание каждый день, не пропуская даже воскресенья, когда велись основные богослужения.

Но в этот раз, войдя в церковь, Кай заметил удивительное оживление среди прихожан. Люди перешептывались, переглядывались, а некоторые дамы сидели в более нарядных платьях, чем даже те, что они обычно надевали на воскресную службу.

В городе случилось что-то из ряда вон выходящее. Свидетельства этому были заметны повсюду. Вот только мирный городок, где каждый день похож на другой, может взволновать любая непривычная вещь. Поэтому Кай не стал задумываться над причиной и повернулся к почти готовой фреске – божественные лики в центре были дописаны, остался лишь узор, который словно в раму заключал картину. Взяв кисть и миску с краской, Кай поднялся на несколько ступенек по лестнице, прислоненной к стене.

Тень от колонны скрывала его от остальных. За его спиной шла проповедь, и голос Герхарда монотонно разносился по церкви. Лишь единожды священника прервали на полуслове, когда прозвучал обычно тихий, но в этот раз удивительно громкий скрип открывшейся двери.

Минуло несколько секунд, и Герхард продолжил свою речь. Прошло некоторое время, прежде чем рука Кая замерла над фреской и он отчетливо ощутил тревогу. Она окутывала его уже некоторое время, но лишь теперь Кай понял, что именно его смущало: тон священника стал неуловимо иным, в нем чувствовалось волнение, а в молчании горожан сквозило нетерпение.

Кай нахмурился. Его кожу покалывало, и он, сглотнув, неспешно повернул голову, осматривая зал. Свет из стрельчатых окон прочерчивал золотые дорожки, падая на деревянный пол и обнажая пыль, кружащую в воздухе. Сбоку, неподалеку от колонны, что закрывала собой алтарь, виднелся стол с зажженными свечами – на первый взгляд все было как обычно. Но, уже собравшись вернуться к

работе, Кай вдруг застыл, вновь найдя взором человека, сидящего на одной из скамеек.

Мужские губы медленно растянулись в широкую лучезарную улыбку, обнажая идеально белые зубы. Если бы череп этого мужчины когда-нибудь оказался в костнице города, где хранились останки почивших жителей, то даже там он привлек бы внимание.

Вот только вряд ли земля Хальштатта удостоится подобной чести...

Глаза гостя сияли золотом. Они завораживали и были ярче любых украшений, созданных когда-либо человеком. Только людей в храме больше волновало «новое лицо». И все указывало на то, что золота его радужек они не видят.

Кай отвернулся. Его сердце быстро стучало, от волнения перед глазами запрыгали белые пятна, точно искры. Нервозность нахлынула на него, на мгновение заставив помутиться разум. А после он сделал глубокий вдох, и его грудная клетка отозвалась болью.

Кай сглотнул, ощущая, как по венам растекается холодное спокойствие.

«Что здесь делает Сеятель?»

Кай видел его лишь во сне, но он всегда запоминал сновидения так четко, будто все происходило в реальности.

Служба подходила к концу. Бежать смысла не было, да и объективных причин для бегства не имелось. Оставалось лишь дожидаться, когда магическое существо само сделает шаг к нему и обозначит свои цели.

Когда ноги Кая коснулись пола, он вновь повернулся лицом к залу, делая вид, что вытирает куском ткани испачканные краской руки. Песочный человек уже вел беседу со священнослужителем у деревянного алтаря, а в следующее мгновение Герхард показал в сторону Кая, и они вдвоем направились к нему.

– Да, вы правы. Эта фреска определенно украсит зал. Мрачная немного, но восхитительная! – едва не заплодировал Сеятель, приблизившись и рассматривая картину на стене.

Строгий черный костюм на нем не вызывал никаких нареканий, лишь привлекал внимание великолепным кроем и дороговизной ткани. Но одна-единственная деталь его гардероба заставила людей в церковном зале прийти в возбуждение и кидать на него осуждающие

взгляды – аляповатый платок, повязанный на шее. Платок был вышит красно-золотыми маками на ярко-зеленых стеблях. Кусочек яркой материи намеренно был расправлен на шее так, чтобы закрывать собой весь ворот рубашки.

И, словно отвечая заданному платком бесшабашному веселью, губы Сеятеля большую часть времени были растянуты в улыбке. Выражение на его лице сменялось гораздо реже, чем у обычного человека, отчего оно то и дело застывало, словно маска. Будто оно являлось работой скульптора, что создал и отшлифовал свое творение.

– Кай, это господин Соманн, он... – заговорил было Герхард, но прервался на полуслове, задумавшись над тем, что собирался сказать.

– Заядлый путешественник. Люблю наведываться в малоизвестные места нашей родины, – подсказал Сеятель, чуть шире распахивая глаза. – Какой талант живет в столь захолустном, но невероятно прекрасном городишке! – продолжал он, а поначалу кивавший его словам священник запнулся:

– Кхм, что вы сказали?

– Ох, не воспринимайте мои слова всерьез, дорогой друг. – Соманн положил ладонь ему на плечо. Ногти из чистого золота сверкнули в полутьме, и с его пальцев упало несколько золотых песчинок, что, паря, направились к лицу Герхарда, а после растаяли на коже. Глаза священника стали сонными, и он размяк, с трудом подавляя зевок.

А Соманн, едва скосив на Кая хитрый взор, подмигнул ему.

Кай осмотрелся. Все разворачивавшееся на глазах представление, казалось, замечал лишь он один, а окружающих беспокоил только лишь чересчур яркий платок.

«Они не видят... Слепы к их силе».

– Я пока вас оставлю. Мне надо переговорить с другими горожанами, – вяло произнес Герхард, моргая, и вскоре покинул их.

– Какой занимательный персонаж ваш священник. А его сны как полотна Гойи – мрачные и восхитительно трагичные, – обронил Соманн, смотря священнослужителю вслед.

– Ему правда снятся такие сны? – В памяти Кая предстала одна из картин, поразившая его когда-то. Он не видел остальные творения известного художника, но у его учителя среди пары десятков черно-белых снимков была фотокарточка и картины «Сатурн, пожирающий

своего сына». То полотно, даже лишённое красок, заморозило его. В той работе таилось нечто такое, что не позволяло отвести взора.

– Да. Будь с ним осторожен... – Соманн сложил руки на груди.

– Что вы здесь делаете?

– Тебя решил проведать, дорогой, как иначе? – Его глаза вспыхнули, а неестественная, словно кукольная улыбка стала шире.

– Боги не проведывают смертных, – сказал Кай, не веря, что это существо появилось здесь без цели.

– Верно. Ведь мы всегда среди вас. Бродим то тут, то там... – Сеятель взмахнул рукой, и с его ладони вновь слетел золотой порошок. – Так как поживаешь, Кай?

– Вы так разговариваете со мной, будто мы старые знакомые, – заметил тот, смотря в глаза, чистое золото которых не видели остальные.

Песочный человек вдруг шагнул к нему, хватая обеими руками ладонь и притягивая к своей груди, чуть выше сердца, если оно у него было, почти припадая губами к коже. Прошептал так тихо, что никто другой бы не расслышал:

– А кем ты хочешь меня видеть? Другом, врагом или кем-то...

– Хватит, – выдернув руку из его захвата, холодно проговорил Кай.

Но от его тона глаза Соманна лишь сильнее заблестели.

– А с Йенни ты так мягок.

Заметив выражение лица Кая, он продолжил:

– Что? Ты ведь уже должен был догадаться. Даже у Владычицы Льдов есть настоящее имя. Хотя именно она не может его не иметь.

– Почему? Почему она не может его не иметь?

– Ты не знал? Зачастую богами становятся альвы, накопившие достаточно сил. Но Йенни никогда природным духом не была... Она родилась человеком.

– Что? – Кай шумно втянул воздух, в голове пронеслись его собственные слова в тот последний вечер. Он обвинил ее в том, что она не знает, каково быть человеком.

«Мне известно достаточно!» – ответила она ему.

Так вот что означали те слова...

– Зеркало разума избрало ее для своей защиты. И знаешь, это правильный выбор. Человек лучше других подходит для этой роли,

ведь у альвов на уровне инстинктов заложено копить свою силу и искать все больше могущества. – Ладонь Сеятеля медленно потянулась к груди Кая. Замерла, дрожа, а после вновь продолжила движение. – Даже теперь. Осколок почти не чувствуется в летние месяцы, но я ведь знаю, что он там. – Маки, вышитые на его шейном платке, замерцали. – И меня тянет к нему, я хочу испытать его силы. Растворить в себе и поглотить целиком...

Кай нахмурился и сделал шаг назад, осматривая пол под ногами и размышляя о том, какими способами можно вразумить вечное существо, если до этого дойдет. Но Соманн вдруг дернул плечами, опуская ладонь с золотыми ногтями.

– Только мне нельзя, – с искренним разочарованием произнес он, запрокинул голову, обнажив дернувшийся кадык, и провел рукой по волосам. – Йенни меня убьет. Не говоря уже о нашей разрушенной дружбе. И с этим ничего не поделаешь. Кстати, у альвов с ментальной магией разум преобладает над инстинктами. Хотя даже мне сдерживаться нелегко.

– Вы знаете, как Осколок оказался во мне? – спросил Кай, не ожидая ответа. Похоже, даже Йенни не знала, как он попал в его сердце.

«Йен-ни-и...» – повторил Кай про себя, словно смакуя дорогое вино. Соманн был прав, он догадывался, что это имя принадлежит ей. Да и лишь глупец не поймет. Но то, что Дева Льда когда-то была смертной, он и предположить не мог.

Кай вспомнил ее идеальное лицо и рассеченную бровь, что можно было назвать единственным изъяном, задайся кто-то целью найти его. Возможно, тот шрам остался у нее от смертной жизни...

– Чего не знаю – того не знаю, – пожал Сеятель плечами. – Йенни тоже этого не делала. Вот так загадка, да? – Он поцокал языком.

Челюсти на лице Кая напряглись, подчеркивая контуры его лица. Кай столько раз упускал шанс расспросить ее... Теперь уж медлить он не станет.

– Ты попросил год у Йенни, чтобы создать полотна. У тебя осталось всего несколько месяцев, это чертовски мало даже по человеческим меркам. Не жалко тратить на них время? Люди ведь так неблагодарны. А ты, вместо того чтобы израсходовать отведенный срок на себя, занимаешься такими бессмысленными для многих

вещами. Думаешь, они это оценят? – Соманн кивнул на прихожан, не успевших уйти из церкви, обводя их полным сомнения взглядом,

Кай опустил голову, его взгляд коснулся красок на палитре.

– Вы сами помогли мне выжить, зная о моих намерениях.

– Но я ведь не думал, что ты в самом деле будешь лишь рисовать! – усмехнулся Песочный человек – его восторгал этот факт. – Люди принесли тебе много страданий.

– Но ведь хорошее тоже было, – отозвался Кай, в первую очередь вспоминая свою бабушку, которая его вырастила и отдавала ему всю себя до последнего дня. – Оценят или нет полотно? Это сложный вопрос. Я вкладываю свою душу в то, что делаю. Почувствует ее далеко не каждый. Многие не заметят, кто-то постарается обесценить чужой труд, а малая часть – поймет. Поймет меня и то, что я собирался донести. Ради последнего стоит творить и жить.

Его взгляд потух, сознание словно унеслось за пределы тела. Ему вспомнились вечера, когда он мучился отсутствием идей, корпел над полотнами, нанося мазок за мазком. Учитель говорил, что у Кая талант, но, несмотря на это, ему ничего не давалось легко. Едва ли не каждая картина испивала его силы до дна.

Послышались хлопки. Соманн от души ему аплодировал, привлекая и без того немалое внимание. Но на его лице было написано искреннее восхищение.

– Как поэтично! Как высокопарно! Ты никогда не хотел стать политиком? Я в последнее время люблю, развлекаясь, посещать заседания чиновников в столице. Многие там в похожей манере разговаривают, – доверительно сообщил он и добавил: – Люди по театрам ходят, а я страсть как люблю по имперскому правительству гулять. И угадай, где представления увлекательней?

– Предположу, что в правительстве, – сказал Кай, возвращаясь к фреске.

– Верно, дорогой.

Кай на мгновение прикрыл глаза. Его слух немного резало то, как Сеятель пристрастился его называть.

– Почему вы явились наяву? С вашими способностями увидеться с человеком довольно просто, – заметил Кай, двигая лестницу, прислоненную к стене, чуть вправо.

– Нет уж. – Соманн мгновенно изменился в лице – помрачнел и искоса глянул на Кая. – Мое поле золотых цветов бесценно! А твои розы ужасные. Душить невинные цветы!..

– Кажется, в тот момент вы устроили все для отвлечения, пока меня пытались убить.

– И что? Это ведь все равно не повод издеваться над моими цветами.

– Многие бы посчитали иначе.

– Хм... возможно. Но у каждого свои приоритеты.

– Розы появились из-за Осколка во мне? – спросил негромко Кай. Если их беседу подслушают, это обернется бедой, для которой было пока не время.

– Без сомнений. Иначе откуда? Позволь тебя разочаровать, если бы не Осколок, ты был бы обычным человеком. Не больше и не меньше.

Кай кивнул на его слова.

– Сколько тебе лет? – вдруг поинтересовался Соманн.

– Почти восемнадцать. Будет через пару месяцев. Но вы и так это знаете.

– Почему же, я не обладаю даром всезнания. – Сеятель сунул руки в карманы брюк. – Похоже, мне пора, я так нервирую их, что даже развлечься потянуло. Но... – он примирительно поднял раскрытую ладонь, – не буду создавать проблем. И не волнуйся, завтра они проснутся и решат, что видели меня во сне.

– Подождите, – задумчиво бросил Кай, не давая ему уйти. Золотые глаза заинтересованно блеснули.

– Да-а?

– Йенни сказала, что мы увидимся, лишь когда она придет меня убивать, – протянул Кай. На его лице пролегла тень, он склонил голову, и глаза из голубого оттенка потемнели до яркого ультрамарина. – Как мне вынудить прийти ее раньше? До дня моей смерти.

Широкая улыбка вновь украсила губы Соманна.

– Даже так?.. – сказал он с прежним безумным восхищением, что так часто сквозило в его голосе. – Не переживай на сей счет. Тебе ничего не надо делать, она сама придет.

– Почему?

– Наверняка Йенни сейчас не в настроении. Представляешь, этим летом она совсем не спит. Готов поспорить, ее мучает бессонница, – добавил невпопад Соманн, поднимая взгляд к потолку, а после снова устремляя его на Кая. – Знаешь, *вы* слишком похожи. От этого ты интересуешься ею, а она так же заинтригована тобой. Йенни родилась человеком, и это ей из себя не вытравить, а весь ваш род плохо переносит одиночество, – сказал он так, будто это было недостатком. Virtuозно крутанувшись на каблуке начищенных до блеска туфель, он направился к алтарю, в самую гущу стоящих там людей, а за ним в воздухе тянулся шлейф золотого песка.

Кай следил за тем, как он болтает с прихожанами, вводя их в мечтательное спокойствие, как долгожданный полуденный сон, а после так же, как сновидение, развеиваясь и незаметно покидая их. Большинство жителей даже не заметило ухода Соманна, возвращаясь к своим привычным делам.

А Кай, все еще прокручивая их разговор в памяти, стал собираться, зная, что прямо сейчас уже не сможет вернуться к фреске.

– О чем вы так долго разговаривали, Кай? – вдруг раздался голос Герхарда, который стоял прямо у него за спиной. Он успел прийти в себя и теперь вовсе не выглядел одурманенным.

– Ему понравились мои работы.

Священник кивнул, не ожидая услышать иного ответа. Без препятствий Кай покинул неф, направившись во внутренние помещения церкви. Его взгляд, как всегда, коснулся лестницы, ведущей на самый верх башни. Он полагал, что, пока будет работать над фреской, сможет хоть раз подняться по ней, но возможности так и не представилось – ее слишком бдительно охраняли. Герхард не позволял юноше даже приблизиться к лестнице. И поэтому, если Кай желал увидеть записи о деяниях Ледяницы, ему следовало наведаться сюда ночью.

Герда

Герде было четырнадцать, когда она отыскала книгу, спрятанную под половицей в тайнике на крыше. На ее обложке из старой кожи по одну сторону были вытиснены соцветия мелких цветов, а по другую – гроздь ягод в окружении густой листвы. Герда сразу узнала реликвию своей семьи, которую хранила еще ее бабушка. Герда часто видела эту книгу в ее руках, и та обещала передать фолиант внучке, лишь прося держать это в секрете от госпожи Летиции. В то время ее рассказы и хранимая тайна были подобны увлекательной игре, которая принадлежала только им двоим. Но бабушка умерла до того, как Герда повзрослела. Реликвия пропала, а она сама благополучно позабыла о ней.

Поэтому, когда Герда вновь увидела ее спустя несколько лет, то едва узнала книгу, с удивлением рассматривая искусно выполненную обложку. Судя по мягкости и гладкости переплета, об изделии заботились и регулярно смазывали кожу маслом, желая сохранить ее нынешний вид.

На первых страницах Герду встретили местами выцветшие чернила, которые тем не менее можно было прочесть. Первая запись датировалась периодом больше двух веков назад, но стояла свежая пометка о переписывании, с момента которой прошло два десятка лет.

В то время Герда, заинтригованная увиденным, быстро перелистывая страницу за страницей, смотрела на даты и имена. Поначалу они ни о чем ей не говорили, пока она не наткнулась на имя своей прабабушки, о которой слышала еще в детстве, после следовали записи рукой ее бабушки и, наконец, страницы от лица матери. Но была еще одна деталь, которая заставила Герду начать читать дневник именно с конца, – дата последней записи. Ее мать оставила в день рождения Герды...

Строки прыгали, а предложения являлись потоком льющихся мыслей, сразу перенесенных на бумагу. Герда с трудом узнавала в этих строчках свою всегда собранную родительницу.

У меня не осталось выбора. Я сделала это. Говорят, к ней стоит обращаться лишь в крайних случаях. Но разве я не находилась в отчаянном положении?!

Малервег хранит много тайн. Но Бузинова роща – самое странное увиденное мною место...

Надломи бузину, пролей на ветвь свою кровь, и лес приведет тебя к ней – Матери Бузине. Попроси, чего желаешь, и, заплатив цену, получишь.

Надломи ветвь бузины и пролей кровь...

После Герда встречала эти слова в каждой записи, а они тянулись в прошлое сквозь поколения. И в каждой говорилось о мольбе, исполнении желаний и взятой за это плате. В четырнадцать лет ее очень испугало увиденное. Она открыла в один миг столько тайн своей семьи, сколько не рассчитывала узнать вовсе.

Не зря книга была спрятана! Удивительно, что мать Герды в страхе не сожгла ее вовсе. Но, видимо, этот секрет стоил того, чтобы из-за него рисковать своей жизнью. В столь замкнутом городке, как их, правосудие несли жители. И оно может быть весьма скорым, если горожане решат, что их жизням грозит опасность.

Поверила ли Герда в тот день в правдивость написанного? Лишь отчасти.

Недоверие столкнулось с фактами. Ее мать была не склонна к опасным развлечениям, как и бабушка не была сумасшедшей, но они обе оставляли записи на тех страницах.

Но исполнение желаний и плата...

«Только кто в здравом рассудке в это поверит?» – подумала было Герда, пока вновь не осознала, что живет в городке, где невозможное возможно. Где вера в Бога соседствует со страхом перед Девой Льда, а на день рождения желают перехитрить Малервег и никогда не заплутать в его лесных тропах.

Девушка не решилась спросить у матери, зная, что та от страха начнет сердиться. Казалось, она не собиралась делиться секретом с дочерью, как когда-то посвятила в него ее собственная родительница.

Герда вернула книгу в тайник на крыше, а знание похоронила в своей памяти. По крайней мере, так оставалось до последней зимы. Мысли о дневнике стали появляться почти сразу после той ночи, когда

она увидела Снежную Ведьму у окна Кая. Поначалу они прятались на краю сознания, но время шло, и идея обрела форму, что становилась все четче день ото дня, от разговора к разговору, от возрастающей обиды и ревности. И к концу лета она окончательно обрела над Гердой власть, а навязчивое желание притупило страх.

Шагая к лесу, Герда постоянно оглядывалась. Чтобы не привлечь внимания, вскоре она свернула на извивающуюся среди камней тропу, которая вела вдоль озера Хальштаттер. Когда изгибающийся берег и пышные кусты прикрыли ее от посторонних глаз, Герда остановилась и глубоко вдохнула, набираясь смелости.

Малервег высился перед ней. Многовековые деревья тянулись к небу. Слышалось пение птиц и треск веток – лес жил, он словно дышал вместе с ней. От этой мысли у Герды закружилась голова. Но, не оставляя себе больше времени на раздумья, она зашагала вглубь, отдаляясь от зеркальной воды. Сжимая в руке корзину, накрытую салфеткой, Герда чувствовала трение красной ленты, что плотно обхватывала ее запястье. Ей нравилось, как красный смотрится на ее коже, а этот кусок атласа украшал ее, словно драгоценный браслет.

Она шла около трети часа, прежде чем наткнулась на первое дерево бузины, уже давно прошедшее пору цветения, так что гроздь маленьких, но еще зеленых ягод успели появиться на нем. Вокруг витал терпкий сладкий аромат. Он был даже ярче запаха хвойных деревьев, которые росли здесь повсюду.

Герда сглотнула, чувствуя, как от волнения немеют ноги и холодеют руки.

В конце концов она подошла к покачивающейся ветви, которая словно призывала ее к себе. Пробормотав извинения – без них никак было нельзя, иначе вместо помощи получишь лишь возмездие, – Герда переломила ветвь.

Сжимая растение в руках, она присела, опустив корзину на землю. Откинув салфетку в сторону, из-под свертка с хлебом достала нож – мутный исцарапанный клинок тускло блеснул в ее руке. Облизав пересохшие губы, Герда вновь набрала воздух в легкие и, дрожа от напряжения, поднесла нож к открытой ладони.

Зажмурился один глаз, Герда провела лезвием – в первый раз слишком слабо, а во второй, наоборот, глубоко прорезав плоть. Тихо

всхлипнув, она стиснула челюсти, видя, как кровь стекает по слегка загорелой коже, наполняя линии на ее руке, обнажая их рисунок.

Отложив нож, Герда откупорила бутылку с чистой водой и, перехватив заранее подготовленный кусок чистой ткани, сжала раненую ладонь в кулак, заноса его над отломленной веточкой бузины, которая лежала перед ней на земле. Несколько алых капель сначала упало на землю, после – на зеленые листики и лишь затем на тонкую кору. Удостоверившись, что кровь попала куда надо, Герда, забыв промыть водой рану, стала обматывать ее куском ткани, неотрывно смотря на блестящие багровые капли.

«*Помоги мне*», – безмолвно взмолилась она, боясь, что ничего не произойдет. Лес и правда оставался безмятежен, молчалив, но не бездушен. Уже почти утратив надежду, Герда вдруг расслышала журчание реки, достаточно громкое для того, чтобы понять: раньше его не было.

На лице ее отразилось смутение. Оставив корзину и нож на земле, но схватив отломанную ветвь, Герда пошла на звук. Чем дальше она двигалась, тем меньше росло елей вокруг, тем больше света разливалось повсюду, лаская землю. Малервег изменился, выходя совершенно иным. Тропинка впереди резко уходила вниз, и Герда остановилась на краю лощины, на дне которой тек узкий ручей, а вокруг него плотно росли деревья – молодые и старые, все увенчанные гроздьями зеленых ягод.

«*Это... бузина*», – прошептала Герда, затаив дыхание, прежде чем начать спуск. Подойдя к ручью, она с опаской приблизилась к деревьям.

– Что же ты медлишь? Проходи давай. – Голос – словно скрип древесины со всех сторон, слившийся воедино. В нем почти не звучало ничего человеческого – слишком сухой и в то же время гулкой, словно не принадлежащий этому миру. То, что Герда первоначально приняла за один из кустов, зашевелилось. Она поняла, что видит темный старый плащ, покрытый ветками, – листва и гроздья не зеленых, а уже черных ягод местами вырастали из тяжелой ткани.

Старуха повернулась к ней. Первым бросилась в глаза морщинистая рука, сжимающая клюку из древесного корня, которая изгибалась, как старая и толстая виноградная лоза. Лишь после внимание привлекло лицо, испещренное глубокими морщинами, как

яблоко с пожухлой кожурой, и пугающие глаза с иссиня-черными радужками. Голову ее прикрывал капюшон, из-под которого виднелись седые волосы. Но самым удивительным было другое – ягоды бузины и листья местами виднелись на ее шее, вырастая прямо на коже.

Герда застыла, рассматривая престарелую женщину, а в следующую секунду ее вдруг настиг кашель – терпкий аромат ягоды был слишком силен. Он словно застревал в горле, отчего рождалось отвратительное чувство тошноты.

Без сомнения, Герда отыскала ее. Перед ней стояла Мать Бузина.

– Дочь Лети... – сказала старуха, безошибочно определив, кто она. – Ты знаешь, почему женщины твоего рода уже несколько веков рождаются с рыжими волосами? Этот цвет ведь совсем не свойственен для ваших краев.

Договорив, она скрипуче рассмеялась.

Герда повернула голову, подцепляя свою прядь и разглядывая так, словно увидела впервые. Она никогда всерьез не задумывалась над этим, но определенно замечала странность. В Хальштатте не было никого с рыжими волосами, кроме Герды, ее матери и людей из еще одной семьи, в которой имелись обладатели как рыжего, так и черного оттенка.

Она нахмурилась.

– Когда человек взаимодействует с существами, обладающими силой, духами, такими как я, – Мать Бузина сделала шаг к ней, и листва деревьев вокруг нее зашелестела, – остатки нашего колдовства накапливаются в его крови, оставляя след на следующих поколениях.

– Это значит, что если кто-то еще в нашем городе имеет рыжие волосы, то он тоже сталкивался с духами?

– Не обязательно он. Могли и его предки. След в крови еще остался. – Мать протянула ладонь – кожа на ее руке выглядела суше и морщинистой, еще больше напоминая древесную кору, – и потребовала: – Ветвь. Дай мне ее.

Герда, не смея перечить, передала ветку бузины. Капли ее крови расплылись по растению, словно по воде. Даже зеленые листья изменили цвет, приобретя грязно-бордовый оттенок. Словно она пролила не несколько капель, а гораздо больше.

Старуха улыбнулась, и темные зубы – вовсе не гнилые, просто имевшие оттенок ближе к древесному, – показались Герде слишком острыми, словно принадлежали зверю, а не человекоподобному существу.

– Итак, раз ты пришла, то у тебя есть желание?

Герда кивнула, осознавая, что ее руки начинают трястись. Страх сжимал сердце, но в то же время крепнувшая уверенность в правильности своих поступков не позволяла отступить. Да и было уже поздно отступать. Только не теперь.

– Я хочу... хочу спасти своего друга. Ему угрожает опасность.

– О, ты даже не представляешь какая...

– Что? – Голос Герды дрогнул.

– Его жизнь висит на волоске. Еще немного – и оборвется. – Мать Бузина вышла из зарослей, безжалостно расчищая клюкой землю от других растений, вспарывая почву.

– Так вы знаете Кая?

– Юношу с Осколком Зеркала разума в сердце? Не сводила с него глаз все эти годы.

– Осколком Зеркала? – Герда сглотнула. Она запуталась, совершенно ничего не понимая, но чувствуя, что наткнулась на что-то важное.

– Осколок, который спас его в младенчестве. – Взглянув на лицо Герды, старуха рассмеялась. – Неужели ты правда верила, что он сам спасся? Ни один смертный бы не выжил в том морозе. Когда сильные духи зимы беснуются, человеку не спастись.

– Значит, это все же Снежная Ведьма наслала ту метель?

При упоминании Девы Льда рука старухи застыла, клюка дернулась.

– Нет. Я имела в виду не ее. Эта девка предпочитает разбираться с людьми лично, чтобы они точно знали, от чьей руки погибнут, и понимали, по какой причине лишаются жизни.

– Причины?

– Да, причина для убийства, – вкрадчиво подтвердила старуха.

– И каковы же они могут быть? Что может стать причиной для убийства? – возмущенно спросила Герда.

– Самые разные. Не будем вдаваться в подробности. Все это неважно, – отмахнулась Матушка Бузина, а у Герды закружилась

голова.

«Убийство людей – и неважно?»

– Ты желаешь спасти его? А что, если он не желает быть спасённым?

Перед глазами Герды пронеслись воспоминания из детства, в которых они с Каем разговаривали о Снежной Ведьме. В те моменты в его глазах горел интерес. Слишком живой, чтобы это можно было игнорировать. Но этот интерес, без сомнения, был связан с детством Кая. Он желал знать истину, эта тайна манила его, как и загадка, окружающая Деву. Как Кай бродил по горам в поисках необычных мест, так и Ведьма привлекала его лишь секретом, что ее окружал. Кай всегда, как одержимый, гнался за вдохновением...

– Он ошибается, – прежде чем мысль оформилась, уверенно заявила Герда.

– Надо же... Ты даже готова принимать решение за него?

– Кай способен умереть ради своих картин, но я ему не позволю.

– Хм... Похоже, ты правда о нем заботишься, – сказала Старуха, устремив на Герду пронзительный взгляд исподлобья. – Что ж, мы можем попробовать стереть ему память. Что, если он, скажем, утратит все воспоминания о ней? Даже упоминания, услышанные от людей. Он забудет о ней все.

– Но... какой в этом смысл? В городе все равно все знают о Ведьме. Кай услышит рано или поздно.

– Ты недооцениваешь связь, возникшую за годы. Юноша – человек. Пока он рос, эта связь укреплялась. Мыслями, разговорами и, наконец, встречами... Если он ее забудет, то все изменения, случившиеся в нем благодаря ее влиянию, исчезнут. Но твоя значимость вырастет, и он вновь будет смотреть лишь на тебя.

– Вы не так все по...

– Прояви уважение, не оскорбляй меня ложью, – оборвала ее Мать Бузина.

В месте, которое она расчистила от травы, теперь появился росток. Он становился выше прямо на глазах, каждую секунду распускались зеленые листики.

– Хорошо, – испуганно отозвалась Герда. – Но какова будет плата за вашу помощь?

Она видела, как растянулись в улыбке губы старой женщины. Ягоды бузины в ее коже, казалось, еще больше налились соком.

– У Кая ведь длинные волосы?

Герда кивнула, уточнив:

– По плечи.

– Замечательно. Чем длиннее, тем лучше. Короткие никуда не годятся, – покачала Мать Бузина головой. – Подойди ближе, – сказала старуха. А Герда меньше всего желала сокращать расстояние между ними – ее до сих пор пугала как сама Мать Бузина, так и острые нечеловеческие зубы в ее рту.

Но она глубоко вдохнула, набираясь смелости и напоминая себе, что все до нее оставались живы, так что бояться нечего. Один шаг. Второй. Третий. И вот она уже совсем близко. Иссиня-черные глаза словно высасывали из нее силу, но несмотря ни на что, Герда склонилась, ожидая узнать ответ на свой вопрос и надеясь, что сможет заплатить соответствующую цену за помощь.

– От тебя потребуется лишь одна мелочь. – Зубы злоеще щелкнули у самого уха Герды. – После того, как Кай все позабудет, ты должна будешь принести мой гребень обратно.

– Гребень? – попятившись, переспросила Герда.

А старуха, ухмыляясь, выставила перед собой ладонь, и вдруг ветвь бузины будто бы случайно выпала из ее руки. Притянутая неведомой силой, ветвь, словно нож, воткнулась в землю и зацвела. Бутоны стремительно набухали, а сердцевина становилась толще.

Глаза Герды заслезились от аромата ягоды, который уже становился невыносим. Многочисленные бутоны стали распускаться, окрашивая кустик в белоснежный цвет лепестков.

– Воспоминания не отнимаются бесследно, – проговорила Мать Бузина, склоняясь к своему детищу. – Иногда их, правда, решают спрятать в глубине сознания... но это ведь так ненадежно. В большинстве случаев они возвращаются, достаточно лишь дернуть за правильную нить. Но отнятое не возродить. Оно ушло, утекло, как вода. Оно принадлежит другому. – Ее морщинистая рука коснулась куста и, преодолев белоснежное облако, скользнула дальше, а многочисленные мелкие соцветия стали вянуть и опадать. – Но воспоминания – часть души. Все испытанное при жизни укрепляет ее и заставляет расти. Поэтому отнять воспоминания – это все равно что

отщипнуть от души кусочек. А чем сильнее воспоминания повлияли на человека, тем болезненнее будут последствия.

Куст бузины высыхал прямо на глазах, даже его корни покинули землю, извиваясь и подтягиваясь к сияющей нефритовым светом ладони старухи. Магия творилась на глазах Герды.

Все закончилось, лишь когда в руке престарелой женщины остался гребень. Деревянный, с острыми длинными зубьями, на основании которого виднелась искусная резьба – многочисленные веточки изгибались, сплетались друг с другом, листья с мельчайшими прожилками тянулись вверх, все в одну сторону, а между ними терялись мелкие соцветия бузины.

– Вы хотите сказать, Кай страдает? – Герда сглотнула, ее сердце билось хаотично – страх вновь овладел ею.

– Лишиться части души нелегко. Юноша определенно станет другим.

Голос старухи эхом прозвучал в ушах Герды. Она не желала причинять Каю вред, но созданный гребень все равно лег в ее ладонь.

– Если решишься, то расчеши этим гребнем волосы Каю. Когда цветы нальются силой и побелеют, это будет означать, что все закончено. После принесешь этот гребень мне. Даже если будет лежать снег, ты отыщешь дорогу, – наставляла старуха, зажимая пальцы Герды вокруг острых зубьев.

– Зачем вам нужно, чтобы я вернула гребень? – прошептала Герда. Она смотрела на изделие и пыталась поклясться самой себе, что никогда им не воспользуется.

– Вместе с воспоминаниями он впитает в себя немного силы Осколка в его теле. И именно эта сила будет платой мне. – Мать Бузина шагнула ближе к своей роще. – Прими решение до того, как упадет первый снег. В холоде моя сила слабеет, а ее и Осколка, наоборот, крепнет. Поэтому с приходом снега гребень утратит волшебство.

Герда кивнула, чувствуя ком в горле. Она неотрывно смотрела на гребень в своих дрожащих руках.

– Но так же силу можно будет и вернуть, – уклончиво добавила старуха.

– Как? – Голос проскрипел, словно старая половица.

Мать Бузина искоса глянула на протекающий рядом ручей.

– Силой собственной жизни... Не пугайся. Это не так страшно. Надо лишь напитать дерево собственной кровью. Первая капля – один год жизни, и магия гребня вернется на несколько дней, но вторая капля – уже два, а третья – четыре. Каждый раз, чтобы вернуть волшебство гребня, потребуется все бóльшая плата. Это только временная мера. Но если не поддерживать его силу кровью, вскоре она вовсе исчезнет. Чем дольше будешь затягивать с решением, тем больше потеряешь. Поняла? – Когда Матерь Бузина посмотрела ей в глаза, Герда осознала, что это существо видит все сомнения, поселившиеся в ее сердце.

– Значит... – голос девушки звучал судорожно, – если я решу напитать гребень в четвертый раз, это будет стоить мне восемь лет жизни?

– Правильно, – раздалось в ответ, а в следующий миг на лощину налетел ураганный ветер, взметнувший волосы Герды и сорвавший листву с деревьев. – Поэтому я и советую не медлить, – прозвучали последние слова старухи.

Герда зажмурилась, приседая к земле, стремясь укрыться от непогоды, но ветер затих так же внезапно, как появился, а вокруг воцарилась тишина. Она открыла глаза, судорожно выдыхая. Ее обступал лишь темный лес, а Бузинная роща исчезла. От чудного места не осталось ничего, кроме магического гребня, который до сих пор держала Герда. Она бросила на гребень полный ненависти и презрения взгляд, но, услышав шорох неподалеку, вздрогнула и побежала – она желала во что бы то ни стало скорее покинуть Малервег.

«Мне не стоило сюда приходить...» – повторялась мысль в голове Герды, ну а девичьи пальцы до сих пор сжимали гребень, выдавая тень сомнения, которая поселилась в ее человеческом сердце.

С наступлением осени, когда почти всю листву объяло желто-оранжевое зарево с вкраплением малиново-красных оттенков и лишь упрямые островки травы еще зеленели местами в горах, как кедры, сосны и ели на склонах, Кай вновь подолгу бродил в одиночестве. Гуляя по лесу, снова находил тот колодец, на поверхности которого терял свой цвет и иссыхал мох.

Начало октября наступило внезапно, и пламя осени, окрасившее зелень, достигло пика. В воздухе пахло влажной листвой, свежестью и дождем, а еще душистыми яблоками, чей запах уже больше месяца, по мере созревания плодов, встречался Каю в разных частях их горodka.

Смена времен года приносила ему вдохновение. Даже несмотря на то, что отведенный ему срок истекал.

В один из сухих дней, когда тяжелые тучи не нависали над Хальштаттом, Кай и Йон отправились в Малервег. Кай, как обычно, собирался рисовать, Йон взял ружье для охоты.

Дичи в это время становилось меньше, близость зимы заставляла жизнь в лесу если не замирать, то становиться более размеренной и тихой.

– Ты ходишь в лес чаще всех других. Удивительно, как до сих пор ни разу не заблудился, – заметил Йон, поправляя ружье на плече. Они только вошли в тень деревьев, и пока можно было не соблюдать тишину. – Дитя гор? – посмеялся он.

– В детстве я любил бывать в одиночестве, поэтому часто гулял здесь. Это всего лишь опыт, – усмехнулся Кай.

«Наверное... Я только знаю, куда ходить не следует».

Малервег был разным, в некоторых местах ощущался как чистый свет, а в иных было темно настолько, что день можно было спутать с ночью. И воздух там казался тяжелым и угнетающим.

Йон лишь хмыкнул, снимая с плеча ружье. Он стал ступать осторожнее, и его шаги было почти не слышно. Осенью изобилие опавшей листвы оставляло меньше шансов скрыть свое присутствие и слиться с окружающим миром. Кай направился следом, подстраиваясь под ритм ходьбы друга.

Йон часто звал Кая в лес с собой. Охота была необходимостью, но, когда Кай был рядом, Йон будто чувствовал себя спокойнее. В Малервеге и правда часто терялись.

Деревья покачивались, алые листья пятнами виднелись на расстелившемся повсюду желтом ковре.

– Ты знаешь, мой дед часто интересуется, как у тебя дела.

– Да? – удивился Кай. В последнюю их встречу около недели назад, когда он зашел в гости к другу, господин Йенсенн ворчал, что Кай запустил холод в их дом. А ему лишь открыли дверь на несколько секунд.

– Вот и я поражен. Мой старик вообще мало интересуется другими людьми.

– Чудаковатый он у тебя, – заметил Кай, хотя ему показалось весьма ироничным, что эти слова произносит он сам.

– Да. Госпожу Ларс все вспоминает. – Йон остановился, слегка нахмурившись и вглядываясь в кроны деревьев. – Мне уже начинает казаться, что в юности между твоей бабушкой и ним было что-то.

Он стремительно вскинул ружье натренированным за несколько лет охоты движением. Послышалось хлопанье крыльев – какая-то птица вылетела из-за кустов. Выстрел прогремел оглушающе, ударил по ушам, поразил своей уродливостью, которая была совершенно противоестественна атмосфере и красоте Малервега.

Птица упала на землю, пронеслась черной угольной точкой. Йон трусцой побежал к добыче. Не прошло и минуты, как Кай увидел его руку с поднятой вверх птицей. Темное оперение тетерева блестело от крови.

Раскрыв холщовый мешок, Йон положил в него тушку.

Йон никогда не наслаждался охотой, воспринимал ее скорее как необходимость и, несмотря на ружье в руках, как соревнование. Ведь даже с оружием тяжело выследить и застать живность леса врасплох.

– Не с пустыми руками, уже хорошо, – сказал он, на ходу продолжая оценивать вес убитой птицы. Холщовая ткань вся была покрыта темно-коричневыми пятнами крови прошлых трофеев.

Кай оторвал взгляд от испятнанной смертью мешка и осмотрелся. Он узнал деревья вокруг них – они с Йоном находились недалеко от старого колодца.

– Что-то не так?

– Все нормально. Здесь недалеко колодец, давай пройдемся до него, – предложил Кай, уже выискивая подходящий камешек под ногами.

– Ла-адно, – с недолгим промедлением согласился Йон, идя следом. – Но я не помню, чтобы неподалеку было что-то подобное... – многозначительно добавил он.

– Заметил, что реже вижу тебя с Гердой, – спустя несколько минут вновь заговорил Йон, раздвигая руками заросли давно отцветшего рододендрона, чьи листья были едва ли не единственной каплей зелени в пламенном царстве.

– Я много работаю в мастерской, – отозвался Кай, не желая затрагивать слишком глубоко эту тему.

Но Йон решил иначе.

– Я не лезу в ваши дела, но Герда любит быть в центре, чтобы все остальные кружили возле нее. В детстве это было даже мило, но теперь... – Он нахмурился, в задумчивости отпустив ветку, которая тут же хлестнула его по лицу. – Это стало немного раздражать. И она прекрасно осознает, что ты не любишь красный, но ждет, что ты будешь носить ту чертову ленту в своих волосах...

– Я уже несколько месяцев не использую ее. – Кай понимал, что в словах Йона было зерно истины, ведь Герда, зная то, как он относился к алым оттенкам, предпочитала игнорировать этот факт. Вот только это все выглядело мелочами, которые отыщешь в любом человеке. По крайней мере, ему осталось жить всего несколько месяцев, и омрачать их осуждением подруги детства Кай не собирался.

В этот момент он увидел колодец – монументальный и древний. Он был настолько широк, что издали казался основанием башни, которая вот-вот вырастет, встав вровень с деревьями. Но, лишь подойдя ближе, с удивлением можно было понять, что строение не тянется к небу, а уходит под землю. По темному камню полз мох. То ли из-за тени деревьев, то ли из-за подземных вод камень постоянно был влажным.

Хальштатт – старый город, а соляной рудник в горе Зальцберг был еще древнее. Говорили, что его начали разрабатывать еще задолго до появления самого Хальштатта, когда человеческая цивилизация находилась на более ранней ступени развития, чем теперь. Около века назад на горе даже проводились раскопки, когда один из рабочих

наткнулся на останки древних людей, которые, покрывшись солью, сохранились на века. Но именно этот колодец для Кая дышал историей. Было в нем что-то завораживающее. Возможно, отсутствие человеческого влияния?.. Его давно не касалась людская рука. За исключением самого Кая, конечно.

Пальцы его дотронулись до холодной поверхности, сердце кольнуло, Кай сглотнул. Он глубоко дышал, чувствуя, как пересохло горло.

Йон окликнул его. Кай вздрогнул, совсем позабыв о его присутствии. Было что-то странное в том, чтобы прийти сюда не одному. Он обернулся.

И замер, едва сделав шаг, словно ледяная фигура, запечатленная в движении.

– Йон? – позвал он друга, видя отпечаток непонимания и страха на его лице.

– Скажи мне, что ты делаешь? – медленно проговорил друг, держась на расстоянии.

– Мы пришли к колодцу. Я... Я просто прикоснулся к нему.

Теперь уже Кай ощущал легкую панику и растерянность. Йон сглотнул, крепче затягивая легкий шарф, словно желая себя задушить.

– Но Кай... Там ведь ничего нет.

– Что?

– Здесь нет никакого колодца, Кай. Лишь пустырь, поросший травой, – сипло сказал Йон и повторил, будто был не уверен, что друг его понял: – Никакого чертового колодца.

– Ты уверен? – Кай перевел озадаченный взгляд с темнеющего жерла на побледневшее лицо друга.

– Нет, я дурачком прикидываюсь, – вспылил Йон.

Теперь их взгляды встретились. Если подумать, то Кай ничего ни от кого из жителей города не слышал о колодце и практически никому о нем не рассказывал. Лишь Герде несколько лет назад, когда впервые наткнулся на него.

Но тогда это было сказано мимоходом, и она не обратила внимания.

Кай сходит с ума?

Нет. Если бы сходил, то понял бы это уже давно. Напрашивался один вывод: колодец сотворен магией. Силой, которую людям увидеть

не дано. Возможно, только на закате солнца или при ярком лунном свете.

Взор Кая прикипел к Йону, а тело напряглось, как натянутая струна. Он наконец-то осознал, что это значило и какую опасность представляло для него. Они с Йоном долго смотрели друг на друга, между ними словно пронеслась вечность. Вечность из опасений и растерянности.

Когда не знаешь, чего ожидать, все вокруг наполняется страхом... А Кай ведь еще не завершил свои картины. Еще было слишком рано раскрывать себя.

Прежде чем Йон прервал молчание, сотни мыслей пронеслись в голове Кая.

– Знаешь... – Голос друга звучал ужасно сухо. – Лучше об этом никому не знать. – Его взгляд стал мягче. – Ты ведь тоже так считаешь?

Кай, помедлив, кивнул, ощущая странное облегчение. Чувство, возникшее в груди, потрясло Кая больше, чем он мог предположить. И это была вовсе не радость спасения. Нет, другое. Куда более глубокая эмоция – ощущение благодарности и признательности судьбе.

Кай направился к другу. Йон уже облегченно улыбался, качая головой.

– Даже не представляешь, я сначала решил, что ты шутишь надо мной. Потом подумал, может, я чего-то не понимаю. Хотя верно... не понимаю. – Он похлопал Кая по плечу. – Но какая разница? Главное, я в своем уме, и ладно. Забыли. Идем.

Йон стал продираться напролом сквозь ели, раздвигая перед собой игольчатые ветки. Йон все еще выглядел немного не в своей тарелке. Кай некоторое время смотрел в его удаляющуюся спину и не мог поверить. Поначалу не осмеливался, а после не получалось окончательно примириться с мыслью. Кто-то из людей готов принять его таким, какой он есть. Не полностью, но закрыть глаза на странности и смотреть без страха и презрения ему вслед.

Это было поразительно и опьяняюще. Происходящее кружило голову.

Кай улыбнулся, опустив взгляд под ноги. Внезапно он увидел камушек у ботинка – гладкий, словно его обточила вода. Улыбка исчезла, он нагнулся, задумчиво поднимая его. В следующую секунду

Кай уже избавился от находки, кинув через плечо и не глядя попав в жерло колодца. Дождавшись же, когда камень с плеском достигнет воды, Кай бросился догонять друга, который успел уйти достаточно далеко.

Они уже направлялись в сторону города, когда столкнулись с Петтером, – по склону горы пролегало две тропы, поэтому нередко идущие навстречу люди встречались друг с другом. Позади топала его брат Эджилл – на пять лет младше самого Петтера – и Рубен, один из их многочисленных двоюродных братьев.

За спинами двух старших юношей виднелись ружья, а на свободных плечах висели мешки с добычей. Около получаса назад Кай с Йоном слышали выстрел в лесу, должно быть, он исходил от них.

– Как охота? – сухо поздоровавшись, поинтересовался Петтер.

– Удачная. Любая охота, где есть добыча, удачна, – ответил Йон, намекая на то, что и мешок в руках их оппонентов тоже не пуст.

Петтер резко кивнул, кидая косо взгляд на Кая, и пошел дальше, собираясь идти впереди них. Тяжелые хмурые тучи стали затягивать небо над ними. Облака висели низко над землей и обнимали верхушки гор вдалеке. Вскоре задул холодный ветер, и Рубен, обратив задумчивый взор к небу, отметил:

– Глядишь, и снег, может, пойдет.

– Еще рано, – недовольно возразил Петтер.

– Как думаете, в этом году Снежную Ведьму тоже заметят в наших краях? – раздался неожиданный вопрос. Он заставил Кая выскользнуть из мыслей и посмотреть на говорившего – младшего брата Петтера.

Йон запнулся о камень, едва не упав.

– Это все сказки, – все с тем же недовольством выплюнул Петтер.

– Но прошлой зимой... Говорят, ее видели несколько раз, – заметил Эджилл. – Говорят, Дева Льда выглядит как юная дева, прекрасная, что глаз не отвести. Ай! – Он схватился за лоб, получив щелбан от старшего брата.

– Не пересказывай сплетни, – укорил его Петтер.

– Но ты ведь сам... Эй! – Паренек чуть не получил второй щелбан.

– Даже если она явится, то люди ее не интересуют, – убежденно сказал Рубен. – Мы для нее лишь забава. Мы для нее ничто. Ей нравится насыпать метели и мороз.

Они пошли было дальше, когда Кай возразил:

– Не все из сказанного правда. Дева Льда – не сама зима. Холод приходит естественно, как лето следует за весной. Она может подчинять себе снег и ветер, вот только это не значит, что каждый снегопад и метель принесены ею.

Рубен развернулся, несколько секунд серьезно смотря на него, а после рассмеялся, пожимая плечами:

– Ну, наверное, тебе лучше известно.

*Когда-нибудь она меня убьет.
Даже не специально.
Это будет досадная случайность.*

Дневник Кая

Кай до конца не понимал, с какими чувствами ждал зиму. Порой настигавшее его нетерпение наводило на мысли о собственной ненормальности. Но к началу октября, в день своего восемнадцатого дня рождения, Кай нанес на картину последний мазок, поставив ее на просушку. Он был доволен результатом, хотя изображенное рождало в нем сложные чувства. Оно словно подталкивало его к краю пропасти. Пропасти внутри него самого. Кай понимал, что третья полотно заставит его посмотреть в эту пропасть, вытащить на свет все то, что он так долго прятал во тьме.

Через пару дней после завершения картины Кай покинул город с отцом Герды, который предложил ему съездить в Линц, перед тем как снег занесет дороги и скроет Хальштатт от всего мира.

Близился день рождения госпожи Летиции, и отец Герды хотел приобрести большой отрез ткани для нового платья. Об этом он рассказал Каю по пути.

Кай же поехал, чтобы выбраться из городка и посмотреть новые пигменты в лавке художника. Как обычно, они добрались до города к вечеру. Дома выстроились рядом, словно клавиши клавесина – несколько строений вырастало над землей на два этажа, а после вдруг ровный строй прерывало трехэтажное здание. И эта особенность регулярно повторялась. Чем ближе к оживленной части города, тем чаще попадались дома с высокими крышами из красной глиняной черепицы. Самую верхушку венчал металлический заборчик и дымоходы, от которых вился сизый дымок, – ночами уже было так прохладно, что в домах топили печи.

Прибыв в город, они первым делом отправились в гостиный дом недалеко от центра, в котором останавливались в прошлое путешествие и все разы до него. Но в этот раз случилось

непредвиденное – все номера оказались сданы. Хозяин пожимал плечами, ссылаясь на военный полк, остановившийся в их городке.

– Как неудобно... – покачал головой господин Хакон. – Может, вы что-то посоветуете? Куда можно обратиться?

– В центре все занято, лучше вам пойти на окраину.

Отец Герды пожевал губу и, мрачно выдохнув, направился к выходу. Дело в том, что чем дальше от центра, тем небезопаснее считались районы. Уже темнело, и благоразумнее было бы скорее найти место для ночевки.

Они побрели по улице мимо лавок с яркими вывесками. По краям дороги стояли люди с рекламными листовками. Но чем дальше, тем менее цивилизованно все становилось. Перейдя каменный мост, соединяющий два берега реки, Кай сразу понял, что они попали в жилой квартал с доходными домами, – одинакового вида строения без каких-либо украшающих элементов на фасаде выстроились в ряд. Помимо нескольких широких улиц, по которым мог проехать дилижанс, эта часть города была испещрена узкими хаотичными переулками, в которых уже царилась полутьма из-за клонящегося к закату солнца. В одном из переулков, который они проходили, доносился звук скрипки и, помимо газовых уличных фонарей, горели светильники на стенах у входных дверей. Улица, полнившаяся питейными заведениями, начинала оживать.

Господин Хакон бросил хмурый взгляд на группку хохочущих, сжимающих курительные мундштуки женщин – их одежда была слишком вульгарной, чтобы принять их за приличных дам.

Вскоре Каю и отцу Герды повезло – они наткнулись на скромный гостиный двор, на первом этаже которого расположилась таверна. Не радовавшая чистотой, с грязью на пороге, отчетливыми следами на полу и сырым холодом внутри, но выбора не оставалось, поэтому приходилось довольствоваться малым.

Так прошел вечер, они поужинали дешевой едой и вскоре легли спать, сняв две узкие комнатухи в разных концах темного коридора.

На рассвете разыгралась буря. Кай проснулся от сильного ветра, что свистел между домами. Поднялся, сунув ноги в стоявшие у кровати ботинки, и, подойдя к окну, выглянул наружу через мутное стекло, за которым моросил дождь. Он с трудом разглядел флигель, крутящийся на соседнем доме.

Отойдя от окна, Кай присел на край койки, натужно скрипнувшей под ним. А после забрался на нее вновь босыми ногами, прижимаясь спиной к холодной стене. Он откинул голову, вытянул руки, сложив их на согнутых коленях, и обратил свой взор сквозь окно.

Небо было слишком темным, тяжелые тучи зависли над городом, делая утро похожим на вечер.

«*Будто вот-вот пойдет снег...*» – пронеслась мысль в голове Кая. Для снега было еще рано, обычно в их краях он выпадал месяцем позже, но от этого предположения Кая охватил странный трепет.

Он сглотнул и нашел рукой на груди место, где прятался знак его соглашения с Девой Льда. Рисунок вернулся месяц назад, как только задули холодные ветра. Поначалу едва различимый, он становился отчетливее с каждым днем. И Кай готов был поклясться: дерево на его коже выросло. Корни и крона стали пышнее и ветвистее, рисуя неровный круг над его сердцем, скрытым плотью и ребрами.

И вновь Кай думал о событиях минувшей зимы. Прокручивал их в памяти, размышляя над собственными эмоциями. Особенно теми, что испытывал после случая на озере. Ему следовало опасаться и радоваться, что встреч с Девой Льда не стало. Но ведь это было ложью. Истина заключалась в том, что она следила за ним, скрываясь в тени, а он всегда знал, когда она рядом, – ощущал всем нутром ее взгляд. То время родило привязанность, которая не исчезла и поныне...

Наконец Кай поднялся с постели и, скрипя половицами, прошел в дальний угол комнаты. Умылся ледяной водой и спустился в таверну. Осмотрев незанятые столы, выбрал тот, что находился у самого окна. Здесь дуло, но открывался вид на ненастное небо.

– Эх, где моя молодость? Не своя кровать, и уже ноет спина, – пожаловался господин Хакон, упав на стул рядом.

– Думаю, дело в старом твердом матрасе, а не в вашем возрасте, – отозвался Кай, сам ощущавший ломоту в конечностях.

Пока они завтракали, дождь за окном прекратился и даже немного распогодилось, темные тучи сменились тонким слоем облаков. Расплатившись, Кай с господином Хаконем вышли на улицу и вновь отправились в сердце города, где можно было отыскать все необходимые им товары.

Строения в центре отличались отделкой фасада и высокими крышами. Почти с любого уголка главных улиц были видны стены отстраиваемого собора, который возводили уже больше трех десятков лет. Готические шпили-стрелы, витражные стекла – все элементы здания, которые успели появиться, состояли из острых углов, уже сейчас поражая своим драматизмом и величием.

День пролетел в заботах, и, когда стало смеркаться, путники поспешили обратно в гостевой дом – из-за холодных ночей было решено переночевать в Линце, а уже наутро пуститься в обратную дорогу.

Перейдя на другой берег реки по каменному мосту, они вновь шли по сумрачным улочкам. Газовые фонари с трудом рассеивали неожиданно накрывший город туман. Кай осматривал дома, господин Хакон шел в приподнятом расположении духа, его горячее дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Ему удалось купить прекрасный отрез ткани, чем он теперь и гордился.

Несмотря на неприветливую погоду, с приходом темноты эта часть города ожила, словно у района открылось второе дыхание. У набережной вдоль реки играли музыканты, слышалась веселая музыка, чужое пение и резко контрастировавшая с царившей атмосферой пронзительная игра скрипки. На улице прогуливались дамы в ярких платьях и накинутых на плечи пальто. Их волосы были забраны в высокие прически, которые венчались цветными шляпками. Но больше всего здесь было офицеров, что разгуливали в своих красно-золотых мундирах.

Несмотря на яркость одежд и на первый взгляд невинность происходящего, в воздухе витало ощущение порока – горячей страсти, приправленной влечением и ощущением сиюминутности происходящего. Чем дальше они шли, тем, казалось, сильнее в это погружались.

Несмотря на хаос и откровенность человеческих грехов, происходящее привлекло внимание Кая – во всем этом чувствовалось дыхание жизни, она словно бурлила в воздухе.

Бедняков видно было сразу – по потрепанной заштопанной одежде и темным лицам. Он даже разглядел в толпе куртизанок, которые столь откровенно прижимались к своим спутникам. И лишь после, бросив взор в проулок, понял, что все эти люди пришли сюда

выпить, и игра их практически не интересовала, – улица, освещенная множеством газовых фонарей, была переполнена. Дамы тут улыбались, и веселье их выглядело каким-то странным, словно неосознанным. Они громко хохотали. Порою и мужчины рядом с ними вели себя так же.

Господин Хакон ускорил шаг, обходя по широкой дуге шумный проулок, что, словно вулкан, извергал гуляк.

– Идем скорее, – сказал он, как тут же раздался взрыв смеха и из крайнего заведения на улицу высыпала компания напыщенных юношей в черных утепленных сюртуках. Все они были примерно одного возраста с Каем и явно происходили из богатых семей.

Возникла толчея, и один из этих юношей налетел на Кая, едва не упав на его руки. Незнакомец поднял голову, и в его глазах Кай увидел блаженное, слегка сонливое веселье.

– Ох, спасибо. И извини, я не специально, – произнес он шутливо, твердо вставая на ноги, но не переставая вглядываться в лицо Кая.

– Ничего, я пойду, – бросил тот, хмуро оглядываясь. Господин Хакон исчез, а сам он находился в центре толпы, так что даже невозможно было рассмотреть реку, что текла рядом.

– Подожди! Выпей вместе с нами. – Незнакомец потянул Кая, схватив за плечо, словно они были давно знакомы, а после подался к нему, склонившись вплотную. Кай ощутил запах алкоголя и лосьона для кожи, отдающего травами. – Какие чудные глаза. Вы только посмотрите! – обратился парень к своей компании.

Кай чувствовал опасность, исходящую от них, но в это время она влекла его – его сердце жаждало чего-то необычного. Он прикрыл на мгновение глаза, понимая, что внутри пробуждается интерес.

– Мне надо идти, – все же твердо проговорил Кай, бесцеремонно скидывая чужую руку со своего плеча, и развернулся. В спину ему понеслись ругательства, сказанные таким веселым тоном, словно то были не грязные оскорбления, а пожелания удачного пути.

Выбравшись из гущи толпы, Кай понял, что неведомым образом его отнесло к одному из проулков по другую сторону улицы. Но вернуться тем же путем Кай не рискнул, запоздало поняв, что больше всего его смутило в тех людях – их осоловевшие глаза. Да, они были пьяны. Вот только вряд ли от алкоголя.

«Морфий», – выскользнуло из глубины памяти. Впервые Кай услышал о нем от своего учителя, который рассказывал о жизни столичной богемы.

В то время его учитель писал картину древнегреческого божества Морфея – юноши с пышными золотыми кудрями. В кудрях его утопал венец из маков, чьи алые лепестки походили на красные кораллы, так почитаемые в свое время греками, а на черном одеянии можно было отыскать целые созвездия.

– Кто бы ни предложил, никогда не соглашайся, – наставлял мужчину Кая. – Радость, даваемая им, мимолетна, а вот гибель мучительна. Я видел, как лучшие из моих друзей были сгублены этой гадостью.

– Почему же они принимали его, если это опасно?

Художник пожал плечами, его лицо стало мрачным и задумчивым.

– Одно время это было модно, – безмятежно вымолвил он. – И, думаешь, люди благоразумны? О нет, далеко не все. Многие не видят ничего страшного в том, чтобы попробовать разок. Им любопытно. Или они не могут отказать. Или им своя жизнь кажется настолько скучной и безрадостной, что они находят в морфии спасение. Так или иначе, начав, многие не могут остановиться. Помяни мое слово, скоро эта отравка докатится до всех уголков Земли.

Кай запомнил его слова, и ныне они прозвучали в его голове словно наяву.

– Любопытство... Верно. Оно способно толкнуть на многое, – прошептал он себе под нос, чувствуя тяжелый взгляд незнакомца, что упал на него и все еще следил за ним сквозь толпу.

Кай прибавил шагу, чтобы скорее убраться из этого места. Он решил пойти другим путем. Еще утром, перед тем как отправиться по делам, они договорились с господином Законом: если кто-то из них потеряется, то они встретятся уже в гостинном дворе.

Кай свернул в проулок. По его предположениям, необходимо было лишь перейти на другую дорогу и вернуться на ту широкую улицу, которой они шли. Но проулок не был пустынным, ему попадались люди, одетые уже куда менее броско и занимавшиеся куда менее приличными делами, которые требовали большего уединения, чем давал легко просматриваемый узкий дворик.

До ушей Кая донеслось копошение и частое дыхание. Совсем не смутившись, он недовольно поморщился, продолжая идти дальше. Пройдя еще один закуток, Кай запоздало услышал шаги позади себя. Думал бежать, но в следующую секунду получил удар по голове, и в его сознании воцарилась тьма.

Каю показалось, он прикрыл глаза лишь на миг, но когда вновь увидел мир, то оказался в каком-то темном переулке. Стены домов смыкались, образуя тупик и являя лишь один выход за спиной двух незнакомцев и девицы, кутавшейся в куцый полушубок.

Руки одного из юношей, того, что зазывал Кая с собой, лихорадочно шарили по его карманам. Второй сжимал обеими руками длинный черный зонт с изогнутой ручкой. Кай ощутил холод – казалось, за время его забытья на улице стало еще прохладнее. Между домов вновь загулял ветер, а облака неслись по небу словно безумные, будто за ними кто-то гнался, – ненастье, царившее минувшей ночью в городе, вернулось.

– У него ничего с собой нет! – воскликнул парень, обшарив карманы и выпотрошив сумку. По камню рассыпалось все то, что Кай купил сегодня в лавке художника.

– Да быть не может! Ни монеты? – подошел второй. Кай еще боролся с головокружением, кажется, он даже почувствовал струйки крови, стекавшей по виску. Вместе с запахом крови его не отпускал сладкий аромат роз, которых рядом не было и в помине. Шатаясь, юноша поднялся на ноги. Мешать ему никто не стал.

– Лишь его красивое личико, – протянула куртизанка.

Взгляд Кая приковал к себе высокий зонт, похожий на трость, который сжимал аристократично одетый парень. Даже после того, как они не отыскали у него денег, этот человек вдруг рассмеялся. Мимолетное недовольство вновь сменилось благодушием.

– Ну что же, раз личико хорошее, то можно и повторить приглашение, – проронил он, когда его друг, обыскавший Кая, попятился, уступив место. – Ну, что скаже...

Договорить он не смог. Одной рукой нанося быстрый удар в живот, другой Кай выхватил тот самый зонт. От удара незнакомец согнулся со сдавленным хрипом, и Кай выставил перед собой сверкнувший металлическим наконечником зонт. Голубые глаза его

яростно сверкали, будто став ярче. Очередной порыв ветра взметнул чернильные волосы, подчеркнув белизну кожи и черту острых скул.

Кай следил за ними, медленно продвигаясь вдоль стены здания и держа нападших на расстоянии. Наблюдал напряженным взором, думая, что его ждет, если он не выберется из этого переулочка. Все тело покалывало, а мир перед глазами кружился – видимо, он все еще не оправился от удара по голове.

В момент, когда окружающая юношу улица вновь покачнулась, один из парней внезапно бросился на него, словно бык, врезаясь, впечатываясь с ним в стену противоположного дома так сильно, что у Кая занял позвоночник.

– Когда сила не на твоей стороне... то надо молчать и слушаться, – процедил нападавший, полусогнувшись и все еще прижимая его своим корпусом к стене. – Тогда...

Он захрипел, ругнувшись, когда кулак Кая, пусть и под неудобным углом, ударил его в голову, задевая ухо.

– Ты хоть понимаешь, кто я? – сплевывая, спросил незнакомец. Нет, Кай не знал и не имел ни малейшего желания развеивать свое незнание.

Кай был стройнее, жилистее и легче. Все детство ему приходилось отбиваться от Петтера, который нападал на него с численным перевесом в виде своих друзей. Да, в итоге именно Кай всегда был побитым, но это закаляло его. Вскоре он даже почти не чувствовал ударов, всегда давал сдачи, а родителям так надоели постоянные синяки на других детях, что они стали наказывать тех за драки.

Вот только жизнь каждый раз раскладывала карты так, что удача была не на стороне Кая. Да и всерьез он не дрался давно. Парень пришел в себя прежде, чем Кай рассчитывал. Морфий... Он наверняка притуплял боль от ударов, а губы награждал блаженной, но опасной улыбкой. Глаза-стекляшки свидетельствовали, что наркотик до сих пор гулял по их венам.

– Вот же щенок, – выругался он, сжимая ладонь в кулак так сильно, что послышался треск костяшек.

Раздался женский хохот – резкий, хриловатый, срывающийся на высокие ноты. Девица в полушубке наслаждалась представлением.

– Только не бейте его сильно, мальчики. А то, кто знает, может, он передумает, – бросила она, копясь в сумочке. На ее шляпку, кружа, упали несколько снежинок.

– Не обещаю... – отозвался один из них. Кай глянул в сторону арки, отделявшей закоулок от остального мира. Шумно дыша, он чувствовал, как морозный воздух покалывает кожу.

Когда оба парня кинулись на Кая с двух сторон, он почти уклонился, проскочив между ними, но один из них ухватился за ремень его сумки, дернул, и Кай поскользнулся на обледенелом камне, вновь упав, так что искры посыпались из глаз, и небо, распростершееся перед ним, заволочло белой пеленой.

В воздухе разлилась трепетная тишина, казалось, время замедлило свой ход. Над ним нависла мрачная тень одного из нападавших. Он опустил на корточки перед Каем, небрежно, но сильно хлопая его по щекам.

– Ну и что ты хотел сделать? У меня до сих пор ухо болит из-за тебя. Как ты будешь мне это возмещать?

А Кай неожиданно осознал, что белая пелена перед его глазами была не чем иным, как завесой снега, накрывавшей город. И всюду преследовавший его аромат роз словно уничтожил все остальные запахи. Это напоминало ему сны, в которых растения разрастались и опутывали его настолько, что Кай не мог дышать.

Кривоватая и насмешливая улыбка коснулась его губ.

– Смотри, да он еще улыбается! – возмутился парень над ним.

– Скажите... А как же вы загладите свою вину передо мной?

– Чего...

Договорить он не сумел – женский крик оборвал его вопрос. Раздался треск камня, будто что-то обрушилось с небес на землю. Кай видел, как вытягивается от удивления лицо парня, перед тем как его оторвало от земли и отбросило прочь.

Вокруг стало белым-бело. Перед глазами Кая был лишь снег, который яростно колот холодом лицо. Сильный ветер в паре с ледяным камнем дороги лишил его тело последнего тепла. Мир словно утонул в зиме. Кай так замерз, что казалось, будто его сердце, перестав биться, обратилось в камень. Но несмотря на это, улыбка не покинула его губ, став лишь немного мягче.

Вдруг его щеки коснулись – тонкие женские пальцы чертили дорожки по коже, подбираясь к скулам. Они скользили по его лицу, словно лаская, но на самом деле приносили крупицы боли от ледяной формы, в которой пребывала Дева. В следующее мгновение вспышка озарила переулочек, и Дева Льда уже в образе человека склонилась над ним.

Ее волосы стекали вниз, ложась на живот и руку, отдельные пряди запутались в пальцах Кая, заставляя ощутить их бархат и прохладу. Пристальный взор ее ледяных глаз был яростен и не потух ни на миг. Она едва приподняла руку, и ее пальцы коснулись краешка его губы. Алая влага засияла на ее коже. Кай прежде никогда в жизни не видел более красного оттенка, чем цвет его собственной крови.

– И как так вышло, человек?.. – протянула она. Кровь была на ее руке, и жажда чужой крови полыхала в глазах.

Не желая звать его по имени, она словно проводила черту. Кай хмыкнул.

– Как так вышло, что Великую Властительницу Зимы волнует моя жизнь? – уточнил он. На него напали люди, не альвы и не черт еще знает какие магические существа, о которых ему было неизвестно. – Сам не знаю.

Сеятель был прав. Кай сам догадывался, что их связь куда глубже и не он один чувствует эту нерациональную потребность во встречах. Ведь зачем ей было следить за ним остаток всей прошлой зимы?

– Наглый. – Она раздраженно сощурилась, а после ее взгляд коснулся губ Кая, посиневших от холода. – Замерз?

– Немного, – явно преуменьшил он и поспешно добавил: – Не надо.

Лицо Девы застыло в опасной близости от его. Оно ничего не выражало, и казалось, она вот-вот отстранится.

– Будто я спрашивала... – фыркнула она, опускаясь рядом с ним.

Ее рука со сверкающими от самого запястья до плеча линиями уперлась в брусчатку возле его лица, а вторая обхватила подбородок, заставляя смотреть на нее. Вновь ее губы коснулись его, и вновь Кай ощутил, как наливается силой его тело, а холод отступает.

Метель пошла на убыль, и всюду сверкал свежесвыпавший снег.

– Скоро вернусь, – уронила Дева, отстраняясь и поднимаясь на ноги.

Кай почувствовал какую-то неправильность происходящего.

– И кто из вас посмел покуситься на мое? – спросили низким угрожающим тоном.

Кай нахмурился и резко поднялся, принимая сидячее положение. Заметил, как белеют лица незнакомцев, и даже морфий, играющий в их крови, не помогал им сохранить самообладание. Все трое видели Деву, но если на лицах парней вместе с настороженностью проступала какая-то одурманенная заинтересованность, то на лице их спутницы читался только ужас.

В следующий миг она рванулась, побежала в сторону арки, но мимо со свистом пролетел клинок из льда, который лишь чудом не пришил голову девушки к стене. По каменной кладке пошли трещины. Незнакомка всхлипывала, а Кай видел, как по ее щеке медленно катилась слеза. Она замерла, боясь шевельнуться.

– Никого не убивай, – раздался хриплый голос Кая. Он поднялся на ноги, слегка пошатываясь.

– Я подумаю, – сказала Дева, улыбнувшись и рассматривая, словно изучая людские тела.

– Пожалуйста.

Дева Льда тяжело вздохнула, закатив глаза.

– Кто ты? Прекрасное создание... – тем временем замороженно промолвил один из нападавших. В его карих глазах отражался ее строгий властный силуэт. Он шагнул к ней, словно и правда заколдованный.

Ледяница лишь холодно усмехнулась. Уголок рта приподнялся, а линии на руке вспыхнули, словно вырываясь наружу, разрастаясь, вбирая в себя окружающий снег и обретая объем.

Мгновение, и у ног властительницы стояло три волка – крупных, с вздыбившейся белоснежной шерстью, которая местами менялась, сияя прожилками золота, тем же металлом сверкали и пасти животных. Их глаза светились холодным огнем, а под мощными лапами трещал лед, расплывшийся по камню, на котором оставались следы от когтей. От колдовских зверей исходил мороз, так что даже влага в воздухе обращалась кристалликами льда.

– По-прежнему желаешь знать, кто я? – Дева Льда склонила голову, и ее глаза ярко сверкнули. Так, как блестели у Сеятеля, когда он приходил в восторг. – Ну же... Не разочаруй меня, ответь «да».

– Д-да, – вопреки ожиданиям, заикаясь проговорил незнакомец.

– Прекрасно... Я великая богиня, которая готова исполнить все твои желания, – сладко пообещала она.

– Правда?

– Конечно нет, – возразила Дева, растеряв все благодушие. Теперь она больше пугала. – Идиот.

Парень попятился, но рухнул на спину, запутавшись в собственных ногах. Позади него появился размытый огонек в окне второго этажа – стекло оказалось покрыто морозными узорами, не позволявшими рассмотреть происходящее в темном переулке.

Дева Льда вновь повернулась к Каю.

– И ты предлагаешь мне никого не убивать? Эти люди покусились на твое лицо!

– И что? – Бровь Кая изогнулась, его взор оставался тверд. – Из-за этой мелочи не стоит никого лишать жизни.

Их взгляды скрестились – немая борьба, пронизанная яростью с одной стороны и спокойствием – с другой. Волки скалились за спиной, реагируя на жажду крови хозяйки, но один из них, самый большой, подошел к Каю.

– Ладно, твоя взяла! – всплеснула Дева Льда руками и прикрикнула на волка: – Льетольв! Хватит ластиться к нему!

Она смотрела на него как на предателя.

Большая морда волка ткнулась в ладонь Кая, обдавая ее холодом. Это было все равно что сунуть руку в сугроб – ничуть не приятно, но бодряще. В глазах сотканного из снега существа светился разум.

– Рунольв, Гуннульв и... Льетольв, – протянула Ледяница, словно пропевала строку из песни. И если эта песня существовала, то она была древней, как льды Скандинавии, возможно даже и написана была людьми того времени.

Звери прекратили скалиться, а небесный огонь в их глазах стал чуть слабее. Волк, стоявший возле Кая, повернул морду, укоризненно смотря на хозяйку, но вниманием Ледяницы уже завладели люди. Дева Льда шагнула к арке, медленно склоняясь над перепуганными грабителями. Ни следа былой самоуверенности в них не осталось. Что они собирались сделать с Каем?

Невольно Кай соприкоснулся с ночными пороками этого города. Вот что отличает маленькие селения и большие. В крупных городах

самостоятельности больше, но и жестокости не меньше. Вокруг ничем не прикрытые желания и жадность вкупе с попытками сделать жизнь менее обыденной.

Кай видел, как ноги одного из парней в буквальном смысле приросли к земле – слой льда на обуви и камне не позволял ему сдвинуться с места.

– Если кому-то расскажете обо мне, я за вами приду, – тихо пригрозила Ледяница без тени эмоций на лице. – Поняли? – Она хмыкнула. – Можете кивнуть. Отлично...

– Тебя это тоже касается, – обратилась Дева к куртизанке. – Следи за собой и держи язык за зубами. – Девушка тряслась и судорожно сжимала полшубок на своих плечах. – Бегите, – взмахнула Дева рукой, словно отпускала на свободу испуганных зайцев из клетки.

Дважды просить их не пришлось, девушка, всхлипывая, бросилась к арке, парни, постоянно оборачиваясь, пятились, и один из них даже вновь упал. Но, пробежав несколько метров, убежать они стали не столь рьяно, хотя продолжали, словно по инерции, продвигаться вперед.

Дева Льда повернулась к Каю – он стоял, склонив голову, открывал глаза и вновь замуривался, будто пытаясь избавиться от мучившей его головной боли. Он совершенно не мерз, и даже следы ударов исчезали с его тела после поцелуя Девы. Но мир перед глазами крутился, как украшенная огнями карусель, и он чувствовал себя так, будто сидел на одном из деревянных пони, а вокруг него все мелькало, отливая оранжево-лиловым. Возможно, он гораздо сильнее приложился головой, чем решил поначалу.

– Выглядишь жалко.

– Да? А я даже не догадывался, – беззлобно бросил он, с облегчением понимая, что мир перед ним перестает двоиться.

Кай поднял голову. Один из волков – не тот, который к нему уже подходил, – подозрительно смотрел на него, открыв пасть. Золотая пасть поблескивала. Казалось, это было испытанием, Кай вдруг ясно ощутил, что не по душе этому существу. Это заметила и их хозяйка.

– Странно. Мой волк тебя боится.

Стоило ей произнести это, как волк перестал скалиться и вовсе отвернулся, пригнув голову к земле и двинувшись прочь.

– Это неожиданно.

– Это невозможно. Мои звери никогда никого не боятся, – чеканя каждое слово, сказала Дева. И, кинув еще один внимательный взгляд на волков, проговорила: – *Вы свободны!*

Слова, произнесенные тихо, но с силой, от которой затряслась даже черепица на крышах домов, резанули пространство. Вместе с ними волки перестали существовать – их тела обратились вновь снегом, который тут же подхватил ветер. А там, где раньше находились звери, в воздухе мерцали огни, похожие на звезды и распространяющие волны холода. Сила, сосредоточенная в этих крошечных сферах, поражала. Кай видел, во что она могла превратиться. Подобное могущество может вскружить голову.

Как бы поступили другие люди, обретя его?

«Они бы определенно под горячую руку стерли несколько людских городов с лица Земли. С возрастом человек становится циничнее».

Кай посмотрел на Деву Льда иначе – не осуждая, как прошедшей зимой, скорее, силясь до конца понять.

Три огня-звезды метнулись к ней, скользнули на ее правую руку и погасли, отпечатываясь символами на коже от плеча и до запястья. Напоследок, перед тем как вновь обратиться светлыми линиями на коже, глаза волков сверкнули золотом.

С исчезновением волков стало темнее. Кай оглядел проулок.

И, увидев свою сумку у стены дома, направился к ней. Снег уже успел припорошить брусчатку, спрятав под собой выпавшие вещи.

– Спасибо за помощь, – произнес Кай, стараясь скорее разыскать все потерянное.

Дева в ответ лишь вновь тихо хмыкнула, держась за его спиной. Оглядев переулок, она приблизилась и подняла с земли неподалеку от Кая лист с видневшимися на нем чернилами. Бумага была дешевой, а потому плотной, и лишь благодаря этому не пострадала от снега. Даже написанное на ней все еще можно было разглядеть.

Вытянув руку перед собой и держа лист за уголок кончиками пальцев, Дева хмуρο вглядывалась в буквы.

– Это важно?

Кай обернулся.

– Нет. Лишь список покупок. Все, что нас просили привезти из Линца.

Мгновенно откинув бумагу и позабыв о ее существовании, Дева вновь осмотрела переулок. Ее лицо выглядело крайне сосредоточенно.

– Ты не умеешь читать? – поинтересовался Кай, подбирая сверток с пигментом для краски.

– Я умею читать! – будто оскорбившись, резко ответила она. – Но не на этом языке. Знаешь, сколько языков и наречий в нашем мире? Поначалу училась, а после надоело. Даже с учетом того, что я все запоминаю быстро, это не имеет смысла. Тем более с письменностью все сложнее. Устный язык можно перенять у людей, интуитивно понимая, о чем они говорят, а с письменностью... Это лишь строки. Да и, разозлившись, я порчу бумагу. А меня непременно начинает раздражать то, что ни черта не понятно, и сидеть подолгу на одном месте я не люблю. – В процессе речи ее лицо осветилось – Дева нашла один из свертков с пигментом краски. – Держи, – протянула она его, уже вновь обыскивая взглядом переулок.

– Интересно. Тебе, должно быть, много лет.

– Да, несколько в...

– Нет, не говори.

– И почему же? – Дева Льда вскинула голову, и их взгляды встретились.

– Пусть лучше пока останется в тайне, – отозвался Кай, проверяя содержимое сумки – кажется, они отыскали все, что выпало.

– Почему они напали на тебя? – тем временем спросила Дева.

– Предполагаю, из-за денег.

– У тебя есть деньги? – искренне удивилась она.

– Знаешь, это немного оскорбительно, – заметил Кай, на что Ледяница лишь развела руками.

– Так они отобрали у тебя деньги?

– Нет. Как раз сегодня у меня с собой ничего не было, – медленно протянул Кай, прикрывая на мгновение глаза. – Я все потратил на краску. И... почему они вообще тебя увидели? Луна ведь за облаками.

Кай, успев сделать несколько шагов к арке, остановился вслед за Девой.

– Мне по силам сделать так, чтобы меня увидели. Хотя это бессмысленно, как и просить их о молчании.

– Почему?

– Большинство людей забывает увиденное, когда встречается с принадлежащими к миру Силы. – И, предрекая дальнейшие расспросы, она добавила, следя за замерзшим окном, в котором недавно виднелись отсветы свечи: – Живущих в Хальштатте это не касается. Та земля изначально людям не принадлежала.

Пламенное сияние успело исчезнуть, но теперь появилось вновь, а вместе с тем кто-то скоблил лед на стекле, чтобы осмотреть переулок. Но Ледяница щелкнула пальцами, и морозные узоры на мгновение затрепетали, а слой наледи стал толще, еще сильнее размывая колебание огня.

Заметив внимание Кая на своей руке, Дева Льда изрекла:

– Мне не надо щелкать пальцами, чтобы колдовать. Это так... во имя репутации. Ведь занятно смотрится, верно?

– Сразу понятно, что это ты сотворила магию, – подтвердил Кай, хотя обсуждаемая тема показалась ему невероятно нелепой. Ему вообще был удивителен их разговор – слишком легкий, как у старых знакомых.

Он скосил на Деву Льда взгляд и неожиданно подумал: *«По словам Сеятеля, этим летом ее мучила бессонница. Она не проспала летние месяцы. Но чем тогда занималась Ледяница? Неужели все время оставалась одна?»*

– Да-да, в этом и суть. – Голос Девы звучал оживленно, отражая ее благодушное настроение. – Но больше обычные люди меня не увидят, а тебе лучше скорее убраться отсюда.

Кай кивнул, молча заходя под арку и оказываясь на узкой улочке. Он продолжил идти, надеясь, что напавшие не успели утащить его далеко. Кай плохо знал Линц, особенно этот район.

Стоило пройти несколько метров и завернуть за угол дома, ему попался прохожий. Мужчина, поравнявшись с ним, немного ссутулился, подняв плечи, и сильнее натянул шапку. Кай хотел спросить у него дорогу, но мгновенно передумал. А Дева Льда, шагавшая рядом и пребывавшая в удивительно прекрасном расположении духа, даже не заметила, как едва не заморозила человека.

Решив, что его цель выйти на одну из широких улиц, которая непременно приведет к реке, что делила город пополам, Кай перешел сразу к делу:

– Раз ты помогла мне... то явилась не убивать.

– Наступили холода, и я передумала, – сообщила Дева Льда, едва касаясь рукой стены ближайшего дома. По камню за ее пальцами потянулся морозный след. – Осколок в твоём сердце сияет еще ярче. Гораздо ярче, чем в прошлом году.

– Ты удивлена, – констатировал факт Кай – беспечная фраза, чтобы скрыть собственное беспокойство. Он сам чувствовал, что с Осколком в его сердце что-то происходит, ему чаще снились *те* сны, но и спал он теперь будто меньше на час или два. Только совершенно не ощущал нехватку этого времени.

– Произошедшее в прошлом году на озере Хальштеттер может показаться тебе мелочью, Кай. Там был лишь один альв. Что будешь делать, когда на тебя набросятся сотни? Когда они будут разрывать твою плоть, перемалывать кости, чтобы добраться до сердца... – На мгновение затихнув, она повторила вопрос: – Что ты будешь делать тогда?

Кай остановился.

«Разрывать плоть и перемалывать кости?» Эти слова должны были вызывать в нем гораздо больше тревоги, но они не рождали и малой доли страха. Ныне он едва ли не каждую ночь ощущал смерть в своих снах.

– Прежде чем это случится, я отдам свое сердце тебе. – Его ответ был беспредельно прост и откровенен. – Как мы и договорились.

Дева Льда окинула его взглядом с ног до головы. Что-то странное промелькнуло в ее взоре – то ли просто растерянность, то ли сожаление. Она кивнула, отвернулась и зашагала дальше. Под шлейфом иногда поднимавшегося платья, ткань которого стекала по ее фигуре точно вода, мелькали ледяные туфли.

– Сколько мне осталось? – спросил Кай.

– Лучше заверши картины поскорее. Я буду защищать тебя, сколько смогу. Но и мои силы не вечны.

Отдаленный звук скрипки достиг их ушей.

– Ты многое успел сделать? – добавила Дева.

– Две из трех завершены. Осталась одна.

– Как думаешь, у тебя получилось? – поинтересовалась она, бросая на него мимолетный взор. – Ты доволен своими полотнами?

– Да, – без раздумий произнес Кай, рассматривая дома, – кажется, он узнавал эту улочку. Ему надо было скорее вернуться в гостинный дом, господин Хакон наверняка переживал и ждал его там. Но вместо того чтобы поторопиться, Кай, наоборот, оттягивал этот момент.

– Ты удивительно самоуверен.

– Я знаю, что не мог бы сделать лучше, – возразил он.

– Даже если бы видел красный цвет? – словно гром в небе, прозвучал вопрос.

Кай остановился, и она замерла вместе с ним – на губах Девы Льда была кривая улыбка, а рассеченная бровь вопросительно изогнулась. Юноша привык, что о его особенности люди предпочитали молчать. Они намекали и укоряли его в том, что он выбрал путь художника. Но никто из жителей Хальштатта напрямую не говорил о главном, по их мнению, недостатке Кая – о том, что он смотрел на мир иначе, нежели остальные.

Но Йенни спросила об этом открыто. Может, в силу своего характера, а может, потому что сама обладала такой же особенностью.

– Мои глаза искажают не только красный.

– Верно. Но ведь именно этот цвет ты совершенно не видишь. Я вот о чем думала... – Она шагнула ближе. – Учитывая твой недостаток, тебе никогда не говорили, что ты занимаешься не тем, чем надо? Наверняка ведь это случалось.

Заведя руки за спину, Дева склонилась, так что ее голова оказалась справа от лица Кая, а белоснежные волосы коснулись ткани его одежды. Несмотря на недавний поцелуй, рука Кая онемела от холода.

– Постоянно, – выдавил он, неожиданно для самого себя начиная злиться.

– И что же ты? – с предвкушением, словно добралась до чего-то интересного, продолжила она.

По лицу Кая пробежала тень, но глаза блестели так ярко, будто в них плескалась вода, озаренная лунным светом.

– Я никогда их не слушал, – с нажимом процедил он. Его голос звенел от ярости, и Кай не понимал, на кого именно и за что злится. На мир? На Деву Льда? Или, может... на себя самого, на то, что лишь теперь понял очевидное?

Каю было шесть, когда он по-настоящему осознал, что смотрит на мир иначе, чем остальные люди. Оттенки искажались, красный цвет в зависимости от освещения виделся совершенно по-разному – от темно-фиолетового до ярко-желтого. Но каждый раз эти оттенки отличались от настоящих цветов, они были слишком яркими, слепящими и одновременно с этим грязными. На «красные» предметы было совершенно неприятно смотреть. Если долго не отводить взгляда, они вызывали у Кая резь и усталость в глазах, которые вскоре начинали слезиться.

– Но все же ответу на твой вопрос... – Голос Кая вновь зазвучал спокойно и непривычно низко. – Даже если бы я все же видел все оттенки, то это бы мне только помешало. – Его взгляд опустился ниже лица Девы, коснулся изгиба ее шеи – обнаженная кожа была неестественно бела, но несмотря на это, безусловно, идеальна, маня своей бархатистостью. – То, как я вижу, отличает меня от остальных людей. И мои полотна непременно стали бы каплей в море подобия. Моя индивидуальность – это то, чем стоит гордиться, а не стыдиться. Ты ведь хотела, чтобы я это понял, верно? – На последнем слове он вновь поднял взор к ее глазам.

– И ты прекрасно усвоил урок, – похвалила она, растягивая губы в улыбке. Дева хлопнула его по плечу. – Надеюсь, больше не будешь разочаровывать меня своей унылостью.

Она двинулась дальше, сворачивая на более широкую улицу, где располагался гостиный двор, в котором остановился Кай. Неизвестно каким образом, но они с самого начала двигались в верном направлении. Дева Льда словно провожала его, пока высоко над крышами домов летала белая птица, которую Кай то и дело замечал краем глаза.

– И какова будет моя награда? – озвучил он в какой-то степени наглый вопрос.

Похоже, и Дева считала так же, но вместо того чтобы высказать свои мысли, обернувшись, она насмешливо спросила:

– А чего ты желаешь?

Ее будто забавлял сам факт того, что он хотел что-то от нее. И, зная это, Кай попросил о другом, не о том, что жаждал больше всего:

– Хочу узнать твое имя.

Он уже слышал его, но, возможно, Деве Льда лучше этого не знать. Кай заметил: чем больше она себя раскрывала, тем больше привязывалась к нему. Впрочем, и он ощущал эту связь.

– Имя?

– Верно, – подтвердил Кай, внимательно следя за ее лицом, которое приобрело слегка задумчивое выражение.

– Мое имя Йенни.

– Йен-ни... Звучит красиво, – медленно повторил Кай вслух, будто чтобы лучше запомнить. – Тебе дали его родители?

Невинный вопрос заставил ее лицо ожесточиться.

– Тебя это не касается.

– Как скажешь, – покорно согласился он. – Йенни.

Каю казалось, что имя очень подходило его хозяйке.

Дева Льда вдруг остановилась, и ее рука сжалась в кулак. Так сильно, что костяшки пальцев стали видны, как никогда, отчетливо.

– Что-то произошло, – не спросил, а понял Кай.

– Ничего.

– Тогда почему...

– Теплеет, – резко оборвала его Йенни. Она смотрела в небо, где белой точкой парил кречет. Его раскинутые крылья порой поблескивали, словно были выполнены из металла.

– Мне надо идти. И не отыщи себе новых проблем, пока меня не будет.

– Постараюсь. Меня искренне восхищает путь, который мы проделали.

– Что? О чем ты? – Ее выражение лица и взгляд прямо говорили: *«Хватит нести чушь»*.

– Спасение, попытки убить, вновь спасение, злость и даже... *преследование*, – объяснил Кай, последним словом продолжая их немой диалог. *«Я знаю, что ты приглядывала за мной всю оставшуюся зиму»*.

Йенни фыркнула:

– Как понял?

– Почувствовал.

– Да? – Дева удивилась, будто была уверена в совершенно ином ответе. – Теперь мне точно пора.

С этими словами Йенни немедля сменила человеческую форму на ледяную. Неожиданная вспышка на мгновение ослепила Кая. Когда же зрение вернулось, Йенни рядом уже не было, и даже крик исчез с темного неба.

Он некоторое время еще вглядывался в облака, а после направился к гостининому дому. Снег же вокруг таял едва ли не на глазах – от обуви Кая на камне оставались мокрые следы. На губах его бродила легкая улыбка, а мелодию той самой скрипки со злополучной улицы он напевал себе под нос.

Когда Кай вернулся в гостининый дом, то с облегчением увидел господина Хакона, который сидел за одним из столов ближе к выходу и явно нервничал. Когда отец Герды увидел Кая, на его лице отразилось небывалое облегчение.

Он кинулся к нему, расспрашивая о случившемся. Чтобы не беспокоить мужчину, Кай сказал ему, что затерялся в толпе. Отчасти он не соврал, ведь так и было в самом начале. Если он и получил какие-то раны в драке, то они исчезли, а одежду он привел в порядок до того, как войти в здание.

Господин Хакон вроде бы успокоился, но весь ужин сохранял хмурый вид, будто чувствуя, что рассказали ему не все. А за окном снег обратился вновь дождем, мгновенно смыв с улиц и крыш из красной черепицы следы нагретой раньше срока зимы.

Делать больше ничего не оставалось, и Кай вместе с господином Хаконем разошлись по комнатам, собираясь, как только солнце встанет, отправиться в путь. Отперев дверь тяжелым ключом, Кай остановился на пороге своей узкой комнаты. По одну сторону стояла скрипучая кровать, по другую – комод с тазом и кувшином воды для умывания, а в стене напротив двери темнело маленькое мутное оконце.

Жалкое зрелище. В домах Хальштатта даже подвалы выглядели лучше. Соль стоила немало, и соляные копи прокармливали весь городок.

Затворив дверь и разложив содержимое сумки на стуле, Кай налил в таз воды из кувшина. Зачерпнув руками ледяную воду, он плеснул ею в лицо.

– Забавный день, Кай Ларс, – сказал он самому себе, не желая даже думать о том, как бы выкручивался, если бы не явилась Йенни.

Удача склонила чашу весов в его сторону, и этому стоило порадоваться.

Умывшись, он забрался в холодную постель, прикрывая глаза и вспоминая события вечера. В основном их разговор с Девой, пока они бродили по улочкам. Он запечатлелся в его памяти фрагментами: вот Йенни останавливается, вот идет вновь, в следующий миг замирает и иронично улыбается, а ледяные глаза опасно блестят. Было в этом что-то завораживающее. Она была словно клинок, способный восхищать и ранить. И беседы с ней были такие же, вот только Кай никогда еще не ощущал себя таким живым и целостным.

Он заснул, мгновенно провалившись в сновидение.

Розы цвели вновь. Они оплетали пальцы, колючки впивались в его кожу и обагрялись кровью. И если капля алой влаги падала на снег, то белые бутоны вспыхивали и росли еще быстрее, словно звери, делавшие прыжок.

Кай сидел прямо на снегу, скрестив ноги и прикрыв веки, но все равно зная, что происходит вокруг. Он ощущал их, чувствовал каждую розу, расцветшую на этом снежном лугу, словно они были продолжением его самого. Они серебром и золотом рисовались в его сознании. И с каждым сновидением бутонов расцветало все больше – на один, на два, порой на десятки, как сегодня.

А в его груди сверкал Осколок – лишь ему могла принадлежать эта сила. Кай ощущал боль во сне, но не просыпался, какой бы сильной она ни была...

На следующее утро у Кая нещадно болела голова. Несмотря на снег и сменивший его вчера дождь, утром следующего дня погода выдалась донельзя приятной – наступил едва ли не самый теплый день этого октября. Даже птицы пели, словно приветствуя весну, до которой было слишком далеко.

Дорогу вблизи Линца развезло. Стоило каменному покрытию закончиться, как их встретила грязь. Пару раз телега едва не вязла, каждый раз господин Хакон переживал, что они застрянут. Но стоило им свернуть с часто используемых путей, и путешествие стало легче.

Как и по пути туда, они ехали мимо лесов и полей, пока на горизонте вздымались вершины гор. Кай невольно вспоминал о прошлой поездке, которая состоялась весной. В этот раз луговые травы не распускались, а угасали и иссыхали. Местами растения превратились в сухостой, но и зелень встречалась, упрямо покрывая землю, несмотря на прошедшие заморозки.

Они вернулись в Хальштатт, когда обеденное время уже давно прошло и солнце вновь медленно клонилось к горизонту, уже начиная окрашивать голубое небо оттенками светлой охры. Подъехав к нужному дому, Кай помог выгрузить покупки. Неподалеку, по-прежнему огороженный низким забором, отживал свои последние дни крохотный садик. Ветви роз стояли практически голые – Герда уже срезала с них листву.

Кай помнил, как ее отец трудился над созданием этого пятка зелени, расчищая его от рухляди. А после, когда приготовления были завершены, он увидел уже соседскую девочку, возившуюся там в земле вместе с матерью. Каю в то время было шесть или семь. Тогда его очень смущало, что окна их спален расположены напротив, и он из приличия избегал смотреть на дом Герды, даже когда ему было очень любопытно.

– Дорогой, ты вернулся, – кинулась к мужу госпожа Летиция, когда они вместе с Каем занесли внутрь свертки. В доме пахло свежеиспеченным хлебом, запах которого даже у сытого человека мог

пробудить чувство голода. Но после событий прошлого вечера аппетит у Кая отсутствовал.

Каждый раз, когда сила Йенни проникала в его тело, оно наполнялось силой, исцелялось и будто бы избавлялось от ощущения холода. На самом деле мороз словно делался терпимее и порой даже приятнее, будто представления Кая о холоде и тепле меняли местами, при этом не изменяя сути этих явлений. Вместе с этим исчезал и голод – в нем уже было слишком много энергии, и ее не надо было восполнять. Но это вовсе не означало, что Кай терял вкус к еде.

– Да, наконец-то. – Господин Хакон покачал головой, сетуя: – Сложная поездка выдалась. После дождя дорогу около Линца развезло, еле проехали.

Кай заметил Герду, которая сидела и что-то читала. Приглядевшись, он узнал книгу в ее руках – та самая, что они купили почти полгода назад в книжной лавке.

Она приветливо улыбнулась ему и поднялась навстречу.

– В Линце вчера снег был, – тем временем рассказывал хозяин дома. – У нас не выпадал?

Раздался глухой стук – Герда выронила книгу, которая, раскрывшись, упала обложкой вверх у ее ног. Она застыла, выражение лица стало испуганным. Она выглядела так, словно ее застали за преступлением и собираются призвать к ответу. Руки слегка подрагивали. Все это длилось буквально пару секунд, и на мгновение, когда их с Каем взгляды встретились, паника Герды взвилась до небывалых высот. Словно волна в море, покорив новую вершину.

Кай нахмурился. Он прекрасно все видел – слишком хорошо ее знал.

– Я к себе, – бледными губами проговорила Герда.

– Герда! Напой хотя бы Кая чаем, – укорила ее мать.

Она же, успев сделать несколько шагов к лестнице, вновь застыла, глядя перед собой, а после опустив голову.

– Не надо, не беспокойтесь, – остановил госпожу Летицию Кай. – Так устал, что, кроме как выспаться, больше ничего не хочу.

– Ты уверен?

– Конечно. До свидания, – попрощался он. Герда же вновь бросилась к лестнице, стремительно поднимаясь по ступенькам.

Кай вышел в коридор, обдумывая увиденное.

«Что ее так взволновало? Хотя нет... Она была испугана. – Именно последнее заставляло насторожиться. Герда никогда не смотрела на него с таким страхом. – Может, она узнала что-то обо мне?»

Мысли скользнули к Йону и тому, чему друг стал свидетелем в лесу, но Кай сразу отмел эту идею.

«Нет, дело в другом. Поначалу ведь Герда вела себя как обычно...»

Когда он вышел на улицу, подобные мысли продолжали крутиться в его голове. Кай пересек улицу и, пройдя вдоль стены своего дома, достиг второго входа. Поднявшись к себе на третий этаж, первым делом подошел к окну, но занавески в комнате Герды были непривычно закрыты, а светлая ткань еще колыхалась, намекая на то, что задернули их совсем недавно.

Герда

Дыхание Герды сбилось и звучало так хрипло и надрывно, что казалось, вот-вот и вовсе затихнет. Сердце стучало хаотично, и Герда, пытаясь взять себя в руки, вернулась к входу в комнату, прикрыв дверь, а после прислонившись лбом к деревянной поверхности.

– Дыши глубоко, – приказала она самой себе, пытаясь справиться с внезапно накотившей паникой.

«Прими решение до того, как упадет первый снег...»

– Кто бы мог подумать, – прошептала себе под нос Герда, медленно переведя взгляд на окно – яркое солнце золотило видневшуюся с этого ракурса стену соседнего дома.

Сглотнув, Герда оттолкнулась от двери и бросилась к окну, потянув занавеску. Ткань затрещала, едва не порвавшись. Резкий звук, вспоровший тишину, немного привел ее в чувство. Герда остановилась посреди спальни и прислушалась: голосов родителей не было слышно, возможно, они спустились в лавку, которую следовало открыть к вечеру.

Герда подошла к комоду, дернув за ручку ящичка. Тот со скрежетом выдвинулся. Внутри под всеми вещами, завернутый в платок, лежал гребень. Убрав ткань, Герда увидела перемены – дерево потемнело и будто рассохлось. По основанию гребня ползли мелкие трещинки.

До того, как увидеть его, Герда еще надеялась, что снег, выпавший не в самом Хальштатте, никак не повлияет на волшебный гребень. Но

надежды оказались напрасны. Сейчас он мало напоминал ту прекрасную вещицу, какой он был изначально.

Получив его в тот день в Малервеге, Герда пообещала себе, что не воспользуется даром. Уже то, что она обратилась к Матери Бузине, считалось грехом. Но нет греха тяжелее, чем попытаться отнять часть чужой души. Ведь когда душа чиста и цела, и смерть не страшна.

Но, даже дав себе обещание, в тот же день Герда испытывала сомнение, которое когда-то толкнуло ее пойти в лес и которое теперь вновь разъедало ее сердце. Ведь если этим гребнем она причинит вред Каю, то как сможет жить с этим? Как сможет спать по ночам?

Герда громко сглотнула. Ее руки дрожали.

Прошло больше двух месяцев с ее похода в Бузинную рощу... Поначалу Герда решила, что такой способ решения проблемы не по ней. Но чем ближе становилась зима, тем чаще перед ее глазами представала та картина – ночь, луна и Снежная Ведьма у окна Кая. Ведьма приведет его к гибели, в этом Герда была уверена. Может, она уже его заколдовала? Наслала свои чары, и от этого Кай переменялся.

Эти мысли беспрерывно кружились в голове Герды. Ей нужно было время, чтобы подумать еще. Герда вновь взглянула на гребень, до боли прикусив нижнюю губу и ощутив металлический привкус крови во рту.

– Одна капля – один год. Две капли – два. Но три капли – это уже четыре года, – прошептала она, понимая, как зловеще звучит последняя цифра. Чтобы гребень вернул всю свою силу, она должна пожертвовать отведенным ей временем, иначе он не подействует. Чем холоднее будет, тем большая жертва от нее потребуется.

Чувствуя ком в горле, Герда положила гребень на комод, а сама быстро подошла к стоящему у противоположной стены шкафу. Открыла дверцы – внутри лежало все для рукоделия, а в самом уголке притаилась игольница. Ткань, из которой она была выполнена, Герда когда-то расшила сама.

Вытащив иголку, она задумчиво вернулась к комоду. Вновь посмотрела на дар Матери Бузины. Казалось, еще немного, и трещина в центре переломит его пополам.

«*Это всего лишь год...*» – набираясь смелости, подумала Герда и уколола указательный палец. На котором тут же выступила алая капля крови. Герда надавила – прокол был маленьким, и кровь шла неохотно.

– Ну же, давай. Падай уже! – прошипела она себе под нос.

Капля наконец-то сорвалась и упала на один из листиков, вырезанных в основании гребня. Кровь, на мгновение застыв, стремительно впиталась в дерево, которое будто ожило – по волшебному предмету прокатилась волна алого света. Трещины исчезали прямо на глазах Герды, а зубцы вновь стали ровными и тревожно острыми – гребень вернул себе свою первоначальную зловещую красоту.

Герда протянула не уколотую руку. Когда подушечки ее пальцев коснулись дерева, она вздрогнула. Но ничего не случилось, и Герда расслабилась, напоследок дотронувшись до одного из вырезанных в основании маленьких цветков бузины. Сглотнув, она отдернула руку и быстро завернула гребень обратно в платок. Вновь спрятав магическую вещь, захлопнула ящик так, что даже тяжелый комод пошатнулся.

Кай

Замок Груб виднелся на той стороне озера, примостившийся на каменном берегу. Главное здание высилось на три этажа, а его башни – три круглых и четвертая, имевшая квадратную форму, – поднимались еще на один. У причала по ту сторону на воде покачивалось несколько лодок в ожидании прихода зимы. Когда температура опустится еще ниже, лодки уберут, и до тех пор, пока лед не встанет на Хальштеттере, семья Хэстеинов будет заперта в своем замке.

С этой стороны озера он выглядел одиноким. Помимо нескольких хозяйственных построек, он возвышался один среди густого леса, покрывавшего весь склон. Словно одинокий воин или дракон, который охранял свою гору украденных сокровищ.

– Ты помнишь сказку о Голубом цветке? – спросил Кай у стоящей рядом Герды.

Над водой зависла легкая белесая дымка.

– Смутно, – отозвалась она, вслед за ним посмотрев на замок.

В последние недели Герда выглядела хмурой, почти не улыбалась, много времени проводила в своей комнате, что-то читая, и будто бы избегала Кая. Даже ее мать это заметила, спросив его накануне, когда Кай подрабатывал в пекарне, какая кошка пробежала между ними.

Но он сам не имел и малейшего представления. У него была лишь одна подсказка – отношение Герды переменилось, когда она услышала

от отца про снег в Линце.

– Не ищи его, не смотри на него, не пытайся сорвать... – проговорил Кай, вспоминая то, что говорила им его бабушка. Запреты выглядели странно для сказки, но в то время Каю с Гердой нравилась их таинственность. В те годы они были гораздо ближе... Но, когда вырастешь, отношения усложняются. Ты сам становишься сложнее, появляется больше мыслей, интересов и обязанностей. И от этого никуда не деться.

– Иначе Голубой цветок отравит твой взор своим великолепием, – продолжила Герда, стаскивая с руки красную варежку. Снега еще не было, но у нее часто мерзли пальцы.

– А после одержимостью. И не спрячешься от него даже во снах, – закончил Кай, вновь устремляя взгляд к замку.

Несмотря на зловещие слова, значили они то, что Голубой цветок настолько тебя восхитит, что ты не сможешь думать ни о чем ином. И мысли твои будут полны фантазиями, а не тем, о чем на самом деле стоит думать взрослому человеку.

– Герда... – тихо позвал Кай, оборачиваясь к ней и всматриваясь в лицо. – Ты в обиде на меня? Мне показалось, что в последнее время ты чем-то сильно расстроена. Хотя нет, не только... В последние полгода наши отношения стали иными.

Ее выражение лица почти не изменилось, стало только напряженнее, и девичья рука крепче сжала варежку.

«Она ожидала этих вопросов...»

– Холод... – спустя несколько секунд молчания бросила Герда, смотря невидящим взглядом на озеро. – Не люблю зиму и снег, ты ведь знаешь.

– Прежде они так сильно тебя не расстраивали.

Герда пожала плечами, делая несколько шагов вдоль берега.

– Что за картины ты пишешь уже несколько месяцев?

– Я ведь говорил, когда настанет время, ты их обязательно увидишь.

– И когда оно настанет? – Голос прозвучал натянутой струной.

Кай сглотнул. Молчание – боль, но и правда еще хуже. Истина принесет хаос в последние месяцы его жизни. Герда навредит себе, пытаясь его спасти.

– Скоро, – пообещал Кай. – Мне осталось не так много...

– И ты завершишь последнюю картину? – Тон Герды стал немного теплее.

– Завершу. И ты сможешь их увидеть. Обещаю.

Герда, помедлив, кивнула. Несмотря на молчаливое согласие, Кай сомневался в его правдивости.

«Но, думаю, сейчас неподходящее время...» – решил он. Кай пытался не настаивать и не принуждать. Ему казалось неправильным самому хранить тайны, а после требовать других открыть свои. Хватало того, что чувство вины перед Гердой стало следовать за ним по пятам.

Они гуляли по берегу еще некоторое время, наблюдая за тем, как медленно, но верно озеро поглощает голодный туман. Он пришел из-за гор, первым накрыв замок Груб. Пока его стены медленно исчезали в морозной мгле, Кай смотрел на башню церкви.

«Прежним владельцам не посчастливилось столкнуться с Ней...» – вспомнил Кай сказанное ему священником Герхардом в прошлом году о предыдущей аристократической семье, которая владела соляной шахтой и которую постигло несчастье – почти все наследники по мужской линии оказались убиты.

«Должно быть, в книге наверху башни есть записи и об этом».

Кай отвел глаза от строения и наткнулся взглядом на господина Йенсенна. Дедушка Йона сидел у берега на деревянной лавке – видимо, принесенной им из дому – и кормил лебедей, что сбились парами и медленно плавали неподалеку, сохраняя горделивый вид, но все равно выжидающе посматривая на человека.

Старик, как обычно, выглядел хмурым, его трость лежала рядом, прислоненная к одному из камней на берегу. Он глядел на птиц и временами бросал им хлеб. Редкие лучи солнца, словно намеренно прорвавшись через слой облаков и туман, золотили перья птиц, лишь подчеркивая величественную красоту.

– Странно, что они еще не улетели, – прошептал Кай. Они с Гердой остановились неподалеку, наблюдая.

– На этой неделе улетят, – проскрежетал дед Йона, неотрывно следя за птицами. Обычно бодрый и энергичный старик ныне показался Каю слишком дряхлым – за год он сильно сдал.

– Откуда вы знаете? – спросила у него Герда.

– Холодает. – словно в подтверждение сказанного, из его рта вырвалось облачко пара.

Кай вновь перевел взгляд на лебедей – казалось удивительным, что они не мерзли в холодной воде. Он вгляделся в серую гладь и обомлел. Прямо в воде плавали огни, сияющие холодным пронзительным светом. По его позвоночнику прошла волна мурашек.

Они напоминали тот, что выскользнул из мертвого тела Дорты и после был уничтожен Девой Льда. Кай попятился, но вместе с тем не мог отвести взора от озера. Глядел так пристально, что вскоре в этих огнях ему стали чудиться очертания маленьких тел, имеющих отличные от человеческих пропорции – слишком длинные ноги и руки. Скорее они походили на больших насекомых, населивших воды.

В момент, когда Кай увидел их, они тоже его заметили. Вода стала беспокойной, лебеди захлопали крыльями. Сердце Кая подскочило к горлу – воспоминания о том, как он едва не утонул, оказались еще свежи. Забывшись, он нечаянно наступил Герде на ногу. Она ойкнула.

– Чего это ты побледнел? Будто черта увидел, – проворчал дедушка, бросая новую порцию хлеба в озеро. – Всех лебедей мне распугаете.

Кай остановился – его разум неожиданно прояснился.

– Если озеро их не страшит, то сомневаюсь, что они испугаются нас, – глухо отозвался он, вновь делая шаг к краю берега и сосредоточенно всматриваясь вглубь с каким-то несгибаемым упрямством.

К нему пришло осознание: эти природные духи не могли покинуть глубин озера. Они лишь кружили, будто в надежде, что сам Кай явится к ним. А его шею холодила цепочка с кольцом вместо подвески, напоминая об одной из жертв этого места. Он так и не передал эту вещь родителям Дорты. Это украшение напоминало ему о чужой смерти и о грядущей своей, а еще служило связующей нитью, заставляющей всегда помнить о дорогих Каю людях.

Кай больше года работал над созданием фрески на одной из стен зала церкви. В первые месяцы каждый прихожанин и служитель обращал на него взор, спустя некоторое время стали появляться единицы, наблюдавшие за его работой, а спустя год к нему окончательно привыкли. Привыкли как к элементу интерьера, словно к одной из колонн, поддерживающей потолок. Кая попросту не замечали. Лишь Герхард временами следил за ним и благодаря высшим силам или попросту интуиции понимал, что Кая очень интересовали верхние этажи башни, куда вход посторонним был воспрещен.

С самого начала осознав, что при свете дня желаемое не получить, Кай стал искать иной способ – забраться в церковь ночью, пока она будет пуста. Не опасаясь быть застигнутым врасплох, Кай будет располагать достаточным количеством времени, чтобы ознакомиться со всеми записями.

Осень истрачивала последние дни, и снег обещал вот-вот лечь на землю, в этот раз окончательно и бесповоротно. У Кая оставалось не так много времени, чтобы осуществить желание, над которым он раздумывал столь долго. Это было все равно что поставить последнюю галочку в списке дел перед смертью. Эта цель пусть не была самой важной, но обязательной. И в следующий раз он точно спросит Йенни – его одолевало предчувствие, что теперь время пришло. Дева Льда ответит ему, а не промолчит.

Главная проблема заключалась в том, чтобы попасть на верх башни. Ключи имелись лишь у семьи священника, которая заведовала приходом. Значит, отпирать двери могли лишь отец Герхарда и он сам. Ключи они никому не передавали и даже носили рядом с крестиком, у сердца, поэтому не шло и речи о том, чтобы на время взять их, а после вернуть. Простыми словами, красть Кай не собирался. Не считая сложностей, о пропаже ключа станет известно очень быстро, это привлечет внимание и загубит все планы на корню.

Кай стал осматривать окна, но отказался от этой затеи быстро, стоило ему лишь вспомнить, насколько высоко находились те над

землей. Потребовалась бы лестница, чтобы хотя бы просто дотронуться до стекол первого этажа.

В итоге решение лежало на поверхности и оказалось донельзя простым – спрятаться в церкви до того, как уйдет священник, а после дожидаться его возвращения утром и так же покинуть ее.

Хоть уже и решился, Кай даже не желал думать, что будет, если его поймают. Каждый житель в городке узнает о его проступке, на нем словно появится клеймо, видимое абсолютно всем. Вот только дней у Кая осталось в самом деле мало, чтобы по-настоящему этого страшиться.

Он выбрал воскресенье, когда в церкви проходят службы и зал наводняется жителями Хальштатта. Плюсов от этого выбора было два: наличие множества посетителей и усталость священнослужителей, которые, возможно, поспешат вернуться к своим семьям пораньше.

В итоге Кай решил спрятаться в комнатке, что была буквально метр на метр, а у одной стены имела старый, давно не реставрированный деревянный шкаф. Он давно заприметил ее, радуясь порядкам в церкви и тому, что даже не используемые помещения тщательно убирались и там не оставалось следа пыли. В этой комнатке хранился хозяйственный инвентарь – несколько метелок и тряпок, что лежали на узком стеллаже по другую сторону шкафа.

Исчезнуть из поля зрения было довольно просто, как и зайти в комнатку. И вот уже больше часа Кай сидел в шкафу, опустив голову на колени и прикрыв глаза, ощущая, как ноют шея и спина. Обычно у него не было проблем с тем, как потратить время, но, затаившись в замкнутом пространстве, Кай просто умирал от скуки.

Впервые он узнал о записях, хранившихся в башне, лет в шесть, когда подслушал одним поздним вечером разговор бабушки и ее гостя, лица которого не видел – тогда им еще принадлежал весь дом, и его давно отправили спать на чердак.

Тот человек сказал, что видел в записях имя матери Кая и деда, который погиб в шахте. Последнее возмущало обоих говоривших, но горожане Хальштатта любили многие несчастья списывать на Снежную Ведьму, считая, что любое благо от Бога, а несчастья от темных сил. А владычицу снегов иначе не назовешь. Холод всегда приносит смерть.

«Йенни несколько раз повторяла, что ей нет дела до людей... Но как иначе, если многие по определению тебя ненавидят? – подумал Кай, когда-то ощутив на себе всю боль предубеждений. – Но это не было бы так грустно, если бы она сама никогда не была человеком...»

– Что делаешь? – раздался любознательный голос над головой. В утробе старого шкафа этот звук прозвучал глухо.

Кай словно одеревенел. Сглотнул, понимая, что уже некоторое время не один. Он так задумался, что не придал значения цветочному запаху, повисшему в воздухе, и тому, что его нога упиралась не в стенку шкафа, а в чужой ботинок.

Кай медленно поднял голову, а в следующий миг его ослепило – по золотым доспехам с выгравированными цветами прошла волна света. Пока он на них не смотрел, внутри шкафа царила темнота, но стоило их заметить, как Кай смог рассмотреть малейшие детали и даже слои лака, покрывающие старое дерево.

Сеятель стоял, прижавшись к боковой стенке, и, согнувшись, нависал над Каем. Как обычно, он широко улыбался, обнажив ровные белые зубы. Золотые глаза блестели, а волосы длиной в ладонь оказались зачесаны назад.

– Сударь, вы, право, удивлены, – сказал он и захихикал.

Он говорил слишком громко. Кай потерял счет времени и не знал, сколько минуло часов с тех пор, как он спрятался в шкафу, и ушли ли из церкви люди.

– Пожалуйста, тише, – шикнул он, постепенно оправляясь от удивления и свыкаясь с ситуацией. Особенно с тем, что вся его одежда теперь мерцала золотой пылью, что сыпалась с доспехов.

– Рядом никого нет, не бойся. К тому же я всегда могу их усыпить. Я подумал о тебе и почувствовал, что ты не спишь, а у меня интуиция работает отменно. Всегда чувствую, когда кто-то занят чем-то интересным, – поделился он. – Такова моя натура, не могу не присоединиться. Но, вообще, я пришел по делу. Собираюсь затаиться на некоторое время, может, на пару лет. Йенни до сих пор в обиде на меня, и в народе пошел слух об этом. Вот появились те, кто хочет вернуть старые долги.

Кай, слушая вполуха, отворил двери шкафа.

– Ты кому-то дал займы?

Сеятель отчего-то вновь посмеялся.

– Не совсем. Проблема в том, что я слишком много знаю. Сны открывают множество возможностей. Это целое измерение, где я властитель. Но, к сожалению, в реальности вечно из-за этого проблемы.

– За тобой охотятся? – осознал Кай истинность его слов, выбравшись из шкафа.

– Почти.

– При чем здесь Йенни? – впервые задумался Кай. В сравнении с человеком Дева Льда была бесспорно могущественна, но, видимо, и среди богов ее сила заставляла с ней считаться.

– Скажем так... Она отбивала желание охотиться за мной у некоторых личностей. Коих, прошу заметить, немало. Она любит битвы, это ее натура.

Кай обернулся. Сеятель, все еще согнувшись, стоял в шкафу, но в следующую секунду выбрался из него. Остановившись рядом, он стал поправлять манжеты невидимого костюма, устроив какую-то пантомиму.

– В церкви никого нет? – уточнил Кай, решив воспользоваться неожиданно появившимися преимуществами.

– Ни одного человека, кроме тебя, – заверил его Соманн. – Клянусь всеми существующими богами.

Кай искоса взглянул на него, но не стал спрашивать, о каких богах речь. Интуиция подсказывала, что без этого знания ему будет спокойнее.

Толкнув дверь, Кай выглянул наружу – в обе стороны простирался коридор, который тут же осветился сиянием золотых доспехов. Было что-то таинственное в том, чтобы наведаться сюда ночью.

Церковь скрывала в себе нечто мрачное. Религия уже много веков присутствовала в жизни людей. И этот храм веры принадлежал к одной из немногих вех нашей истории, что избежали забвения и тлена, здравствуя по сей день. Кай подозревал, что и через век это не изменится. И неважно, какого прогресса достигнет человечество. Людям необходимо в кого-то верить, если не в себя, то в других.

Дождавшись, когда Сеятель выйдет, Кай осторожно прикрыл дверь. Скрип показался оглушительно громким в этой тишине.

Вскоре Кай стоял у заветной лестницы. Не сосчитать, сколько раз он думал о ней, работая над фреской, сколько раз его от лестницы

отделяло всего несколько шагов. В конце концов эти ступени стали выглядеть столь далекими и недостижимыми, словно находились в другом мире, границу которого ему никогда не пересечь.

– Тебе снилась эта церковь и книга наверху.

– Ты будто видел каждый мой сон.

– Почти, – ухмыльнулся Сеятель. – Но я знаю, что в твоей голове живут далеко не только благородные желания. А вполне земные.

Кай ощутил, как запылали кончики его ушей. Он резко обернулся.

– Ты собирался больше не проникать в мои сны! – Он прекрасно помнил их беседу летом, тогда Сеятель жаловался на то, что боится за свои цветы.

– А я не вхожу в твой сон, лишь наблюдаю со стороны, дорогой.

Кай стиснул зубы. Вывать к совести этого вечного существа было бесполезно.

– Я понимаю, почему ты вынужден прятаться и почему нажил так много врагов, – холодно заметил Кай, успокаиваясь. То, на что повлиять он был не в силах, не стоило его нервов.

Сеятель тихо рассмеялся.

– И я своих врагов прекрасно понимаю. Но такова моя натура. – Соманн вновь рассмеялся, его рука легла на плечо Кая. – Ничего не поделаешь.

Кай покосился на пальцы с золотыми, словно покрытыми слегка исцарапанной слюдой ногтями, – ему не нравилось это прикосновение. Но, решив не тратить силы на препирательства, Кай отвернулся – все его внимание вновь занимала лестница. А улыбка слетела с уст Сеятеля, ведь в этот самый момент на внешнюю сторону его ладони сел белый мотылек. Нежные махровые крылышки затрепетали, и кожа Соманна начала чернеть. В воздухе появился слабый запах крови.

Кай шагнул на первую ступеньку и, будто преодолев самую важную границу, стал быстро подниматься. Поняв, что неожиданно стало очень тихо, Кай остановился и обернулся, успев заметить, как Соманн прячет руки за спину.

– Ты идешь? И, кажется, ты говорил, что ко мне по делу... – спросил он, с подозрением глядя на занервничавшего спутника.

Уголок губ Сеятеля дернулся.

– Иду-иду, – отозвался Песочный человек, поспешно поднимаясь следом по лестнице.

Совсем скоро они стояли у двери – тяжелой и массивной, с филенкой по краю. В деревянной поверхности виднелась замочная скважина. Надо было спуститься и поискать ключи. Однажды Кай заметил, как священник прячет ключ в оконной раме.

Но, будто надеясь на чудо, юноша сжал ручку и толкнул.

Дверь неожиданно поддалась и слегка приоткрылась. Повеяло холодом. Мороз коснулся кончика носа Кая, а после обдал и щеки. Сеятель за спиной зацокал языком и ругнулся, а после вновь попятился, кидая полный сожаления взгляд на лестницу.

Кай сильнее толкнул дверь. Его глазам открылась комната – что-то вроде кабинета со старинной мебелью, со стенами, обшитыми деревом, и небольшим алтарем. Большая икона висела напротив входа, а высокая свеча с дорожками воска стояла на столе, рядом с которым находился шкаф, где одну полку занимало несколько книг, а другую – всего одна, высокая и толстая, с пожелтевшими листьями.

– Вы долго, – укорила их Йенни, медленно повернув голову. Она стояла спиной к столу, опершись на него и сложив руки на груди, и испепеляла недовольным взглядом тот самый фолиант.

– Как ты здесь... – начал было Кай, но обратил внимание на окно – на улице, медленно кружась, падали пушистые хлопья снега. В этот раз обещанные погодой и нагрянувшей зимой. – Хм... Ясно.

Йенни изогнула бровь. Отстранилась от стола, подходя вплотную к Каю, настолько близко, что их тела соприкоснулись, – Йенни задело бедро Кая. Не отрывая властного, вызывающего взгляда от его лица, она еще сильнее нахмурилась.

– Ты стал выше, – констатировала слегка озадаченно она. Здесь, в помещении с ровным полом, когда они стояли так близко, это становилось очевиднее. Деве приходилось слегка поднимать голову, чтобы увидеть глаза Кая. И это не приходилось ей по душе, пусть она до конца не понимала причины.

– Куда собрался? – Она резко вскинула руку, хватая что-то за спиной Кая.

– Мне пора. Я уже загостился. Время-то позднее, – залепетал Сеятель.

– Ах, время позднее... – угрожающе протянула она. – Пустослов! – Йенни подняла вторую руку, хватая Соманна за шею.

– Давай без оскорблений!

– Предатель!

– Я?! Я предатель? – искренне возмутился Сеятель.

– У меня сейчас ухо отмерзнет, – вмешался Кай, обращая внимание на себя. Он стоял у выхода к лестнице, Сеятель же оставался за его спиной, а Йенни находилась впереди Кая. Бог сна так и не пересек порога комнаты. И сейчас Дева едва не висела на Кае, перекинув руки через его плечи и удерживая упирающегося Соманна. Тот вырывался все сильнее, отчего Деву вплотную прижало к Каю. Кожа у Вечной Властительницы Снегов пусть была не из льда, но оказалась все равно холодная.

Кай поджал губы и вздохнул. Положил руки на талию Йенни и деликатно извернулся, выбираясь из этой нелепой ситуации.

Неожиданно Дева Льда тоже ослабила хватку на шее Сеятеля, но почти в тот же миг вцепилась еще сильнее.

Кай же направился к шкафу, в котором хранилась книга с интересующими его записями. Стекла в дверцах поблескивали, отражая сияние доспехов Соманна. Фолиант покоился на подставке, отчего стоял почти вертикально.

– Что ты сделал? Почему я не спала этим летом? – донесся гневный, но приглушенный голос Йенни.

– Что?! Ты правда думаешь, это моя вина?

– Чья же еще?

Сеятель горестно выдохнул, а после деловито выпрямился, словно не замечая руку Йенни, сжимающую его горло.

– Зачем мне лишать тебя сна? Это я не исполнил твою просьбу и из-за нашей долголетней дружбы теперь мучаюсь чувством вины, – прохрипел он.

Кай мельком обернулся. Хмурое выражение не исчезло с лица Йенни, хотя стало слегка озадаченным. Но она не приняла ледяную форму, волки, линиями выведенные на руке, вели себя совершенно тихо, снег за окном даже не усилился, а температура в комнате изменилась от силы лишь на пару градусов. Напрашивался один вывод: Дева Льда душила Соманна не всерьез.

– Тогда почему?

– Не только я способен лишать сна... но и твои мысли. Если тебя что-то беспокоило, то это вполне может быть причиной.

Кай открыл дверцы и вытащил книгу. Обложка, выполненная из кожи, была однотонной, но корешок прикрывали металлические пластины. Повернувшись, он с глухим хлопком опустил фолиант на стол.

– Раньше это все имело хоть какой-то смысл, – прошептал Кай, понимая, что та, о ком он хотел прочитать, стоит рядом.

– Открывай, – властно бросила подошедшая Йенни. Она вновь сложила руки на груди и спиной прислонилась к столу, слегка развернувшись, чтобы видеть страницы. Ее волосы легли на стол, отчего на его поверхности поползли морозные узоры, которые опасно близко подбирались к книге. Девичье бедро снова коснулось Кая – настолько близко стояла Ледяница. – И читай вслух, мне тоже интересно, что ваши умельцы написали.

Взгляд Кая задержался на ее позе, но он отвел его, сосредоточившись на церковных записях.

Руки Кая коснулись обложки. Он открыл книгу, натываясь на необычный титульный лист – вместо названия он весь был покрыт строками молитв. Кай остановился.

– Ну... – поторопила она.

– Обещай, что не навредишь людям, – оторвав взор от строк, сказал он.

– Почему я должна им навредить?

– Если тебе не понравится то, что там написано...

– Кай, – позвала Йенни, которая выглядела куда сосредоточеннее, чем когда душила Соманна. Она кивком указала на фолиант. – Я не могу никого из них убить. Они все уже давно мертвы. Разве что... за исключением тебя.

– Верно. И это тоже ненадолго, – отводя взгляд, заметил Кай. – После меня ты с людьми не сталкивалась?

– Нет. – Последовала краткая пауза. – Почти нет.

«Почти?»

– Хм. Думаю, теперь мне пора, – раздался голос Соманна, который до сих пор оставался там.

Йенни смерила его угрожающим взглядом, и упершись руками в край столешницы, села на нее. И в следующую секунду закинула ногу на ногу, отчего платье слегка поднялось, обнажая изящную, с

неестественно белой, но бархатистой кожей щиколотку, обвязанную лентами, тянущимися от ее туфель.

– Помни об уговоре, – предостерегла его она.

Сеятель кисло улыбнулся, что уже было удивительно – обычно его губы украшала неестественная широкая улыбка.

– Да, здесь не забудешь. Кай... – Соманн приблизился, протягивая ладонь. Жест выглядел странно, он будто просил его руку для поцелуя, который подходил для общения с дамами. Послышался треск – рука Песочника покрылась коркой льда, а доспехи возмущенно замерцали. – Кхм. Пока есть возможность, приглашаю тебя на свой день рождения.

– Он не сможет прийти, – жестко ответила Йенни.

– Я лишь приглашаю. А сможет или нет... – Сеятель пожал плечами.

– А когда он?

– Через пять человеческих лет, – ответила Каю Дева, склонив голову. – Среди живущих вечно принято праздновать раз в десятилетие. Каждый год слишком надоедает.

– Тогда точно не смогу, – ничуть не расстроившись, отозвался Кай. – Я уже умру.

Сеятель поцокал языком:

– На всякий случай, я коллекционирую шейные платки и головы.

– Головы?

– Головы нечисти, монстров и всякой подобной швали. – Губы Соманна растянулись в широкую и при нынешних обстоятельствах жутковатую улыбку.

– Иди уже, – закатила глаза Йенни. – А ты давай читай.

– Не торопи меня, позволь попрощаться. Тем более я надеюсь, когда-нибудь смогу доверять Каю настолько, что явлюсь к нему без доспехов. Обнажив душу и... – театрально вещал бог сновидений, пока не заметил на себе убийственный взгляд Йенни. Резко замолчав, так и не договорив, он стремительно засобирался.

Жестом, словно снимая невидимую шляпу, Сеятель попрощался. Кай увидел участок потемневшей кожи на его ладони. Заметив внимание, Соманн подмигнул ему и... развеялся. Его тело словно рассыпалось, а золотой песок, кружась, устремился к полу, истаивая на глазах.

– Это ненастоящее тело. Одна из копий, – небрежно поведала Йенни.

– Что он имел в виду, говоря про доспехи и доверие?

Помедлив, Дева покачала головой.

– Самое ценное, что есть у Сеятеля в этом мире, – это доспехи. Без них он уязвим и его можно убить. Поэтому за века у него появилась привычка снимать их только перед теми, кому он готов доверить свою жизнь. – Видимо, не заметив на лице Кая ожидаемой реакции, Дева уточнила: – Но под доспехами у него ничего нет.

Лицо Кая вытянулось, ему потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и продолжить разговор:

– А о каком уговоре шла речь?

– Он не появляется в моих владениях несколько лет и на глаза мне не попадает.

– Какой в этом смысл? – Кай перелистнул титульную страницу.

– Это наказание за обман.

– Совсем не выглядит как наказание...

Дева криво усмехнулась:

– Ты даже не представляешь, как на Соманна действуют запреты. Он желает их нарушить. Запреты мучают Песочника и не оставляют его мыслей. Самый лучший способ заставить Сеятеля сделать что-то – запретить.

– Эмм, – красноречиво протянул Кай, подняв голову, прежде чем вновь сосредоточить все внимание на книге. – Но этот обман спас мою жизнь. Вроде ты не выглядишь сильно расстроенной тем, что не убила меня.

Взгляд Кая прошелся по строкам, рука аккуратно придерживала страницу.

– Это неважно. Обман есть обман, – жестко проговорила Йенни. – Хотя ты прав. Сейчас я совсем не расстроена.

– И почему же?

– Ты мне нравишься.

Кай медленно поднял на нее взгляд. Лед соприкоснулся с небом.

– За тобой забавно наблюдать.

– Да, за тобой тоже, – как бы между прочим откликнулся он.

– Значит, нам обоим забавно наблюдать друг за другом, – подытожила Йенни.

– Да, значит, так, – согласился Кай, возвращаясь к тексту.

Йенни же глядела на него, взор скользил, изучая черты лица, а после коснулся рук и длинных пальцев, лежащих на пожелтевших страницах.

– Вор, убийца, насильник и жертва... – вдруг отчеканила Дева Льда и с напускным безразличием добавила: – Возможно, был кто-то еще... Двое-трое. Те, о ком я позабыла. Сколько же убийств люди мне приписали?

Кай пролистал страницы.

– Больше сорока.

– Больше сорока?! – воскликнула она и гневно фыркнула, говоря одним своим видом: «Чего еще ожидать от людей?» Ее глаза сверкали, излучая тихую ярость. – Соляная гора влечет людей веками, заставляет их сражаться друг с другом. Но это мои владения, вся эта местность... Раньше Зеркало разума располагалось здесь, в реальном мире, прежде чем переместилось в другое измерение, и его сила до сих пор влечет сюда зимних альвов. Когда их скапливается слишком много или появляется какой-нибудь особо сильный природный дух, холодает и начинаются метели. Люди сами поселились здесь, но вину возлагают на других.

– Ты сказала, вор, убийца, насильник и жертва... Кто это? – спросил, хмурясь, Кай.

– Первые двое были так давно, что я и деталей уже не помню, – сказала она и цинично продолжила: – Но я точно знаю, они заслужили. А вот насильник... – Йенни скосила на него взгляд. – Я не думаю, что тебе стоит об этом знать.

– И почему же? – с вызовом бросил Кай.

– Даже у меня нет ни малейшего желания вспоминать это, – призналась она. – Чем дольше жизнь, тем больше сожалений. И тем больше страшных вещей ты способен познать...

Повисло краткое молчание.

– Ты сейчас гораздо больше похожа на человека, чем думаешь, – прервав тишину, заметил Кай.

Лицо Йенни скривилось.

– Я подозреваю, Соманн многое тебе разболтал.

– Предпочту промолчать на этот счет.

– Защищаешь? Его? – закатила глаза она. – Или жалеешь, что он так и не поцеловал твою драгоценную ручку?

– А это я точно не хочу обсуждать, – бескомпромиссным тоном отозвался Кай, перелистывая страницы. – У всех свои причуды.

– Какая же причуда у тебя? – Ледяница изогнула рассеченную бровь.

Рука Кая замерла на книге. Он медлил с ответом. Вокруг царила умиротворяющая тишина ночи. Именно тьма и медленно падающий за окном снег дарили ощущение таинства и сокровенности момента. Находясь на самом верху башни, там, где ему быть не полагалось, а раскрытие этого факта сулило неприятности, Кай отчего-то совершенно не испытывал волнения. Скорее, он давно не чувствовал такого спокойствия на душе, оно ощущалось словно море в штиль.

– Возможно, я слегка не в себе, – заявил он, хотя не собирался говорить об этом в такой форме. – И одержим розами и мотыльками.

– Розами и мотыльками?

– Да, они мне снятся.

– Ах, так вот значит, что имел в виду пустослов, говоря, что у тебя занимательные сны.

– Вы еще и мои сны обсуждали? Все обсуждают мои сны, кроме меня.

– Так давай их обсудим, *Кай*. – Йенни протянула его имя так, что у него отчего-то дрогнуло сердце. Ему нравился ее голос, непривычно низкий для девушки, и глубокий.

«*Возможно, она неплохо поет...*» – мимолетно подумалось ему.

– В моих снах розы распускаются на снегу, и потом... из них появляются белые мотыльки. Вылезают прямо из бутонов, как из коконов.

– И это ненормально?

– Полагаю, что да.

– Но это всего лишь мотыльки, что в них может быть плохого? – задумчиво проговорила Йенни.

– Не знаю. Но разве мотыльки не паразиты? Многие виды приносят вред.

Дева Льда тихо рассмеялась. Ее смех эхом отразился от стен.

– То же самое можно сказать и про человеческий род. Не стоит судить обо всех на основании одного вида. Кстати, у мотыльков много

значений. Некоторые считают, что они означают бессмертие души, другие – что несут смерть.

В последних словах имелся подходящий Каю смысл.

Он мало чего боялся по-настоящему. У него имелись вполне людские страхи, главный из которых – что его близкие окажутся в беде. В то же время о смерти своей Кай не сильно тревожился, скорее, жалел об утраченных возможностях, сотнях новых дней, которые никогда не наступят, и не испытанных эмоциях и чувствах. Но самым глубоким и сильным, вместе с тем необычным его страхом был страх самого себя.

Возможно, это стало одной из причин, почему Йенни не отпугнула его, даже когда он был ребенком. Ведь каждую ночь он чувствовал покрывало смерти, которое ложилось на его плечи.

– Что насчет насильника? Ты так и не рассказала, – заметил Кай.

Вероятно, эта история была упомянута в книге, но, потеряв терпение, Кай перелистнул на одну из последних записей. Она была о его матери, но ничего нового он не прочел. История совпадала с теми рассказами, что он слышал.

В тот день всего за пару часов в Хальштатте и его окрестностях похолодало так, что люди не рисковали покидать домов, боясь замерзнуть насмерть. Следом пришла метель, и весь горный регион превратился в ледяное царство. В том морозе погибла мать Кая. Но винили во всем Снежную Ведьму, что обрушила метель на город.

– Может, ты хочешь спросить о другом? – медленно предложила Йенни. Кай поднял голову – ледяные глаза Девы сверкали. Она следила за ним, ожидала его реакции.

– Ладно... Что случилось в ту ночь, когда я стал таким? – спросил Кай.

Йенни обвела его вопросительным взглядом, молчаливо спрашивая: «Что ты имел в виду, говоря “таким”?» Но все же, качнув головой, проговорила, выдав самое неожиданное:

– Не знаю. Я могу подчинить холод, но это вовсе не означает, что я управляю им всегда. Наступление зимы, как ты знаешь, я приблизить тоже не могу. Но, когда землю покрывает снег, одновременно со мной приходят зимние альвы. Ты уже знаешь, что может сделать всего лишь один природный дух, но представь, если их собираются десятки или даже целая сотня?

– Становится холоднее? – озадаченно спросил Кай – он никогда не думал о морозах в таком ключе.

– Верно. Многие называют это пляской духов. И если альвы расходятся, то... происходит то, что случилось в ту ночь, – лаконично закончила Дева Льда. – Иногда они разлетаются сами, а порой их надо разогнать.

– Ты разогнала их в ту ночь? Поэтому неожиданно потеплело? – Кай и не заметил, как хрипло звучал его голос.

– Наверное, – неопределенно откликнулась Йенни. – Я не помню точно. У меня был миллион похожих ночей, и та ничем не отличалась. И гарантировать то, что сразу обнаружила пропажу Осколка Зеркала разума, я тоже не могу. Но в чем могу поклясться, так в том, что я уже много лет не играю с погодой и не насылаю такие метели. Они требуют сил. А мне и без того есть куда их расходовать.

– Значит, духи плясали... – протянул Кай несколько разочарованно. Будто ожидал, что узнает нечто особенное. Но нет, по сути своей, трагедия той ночи была лишь сплетением случайностей, и ничем больше.

– В той буре ты должен был умереть, но не умер. Наслаждайся этим. Кхм. По крайней мере, тем, что тебе осталось.

– Но все же, как Осколок Зеркала разума оказался во мне? Ведь должна быть причина?

Стоило лишь Каю произнести это, как тишину разрушил скрип, раздавшийся внизу, – скрипели ступеньки лестницы, ведущей в башню, кто-то поднимался наверх.

Кай с Йенни переглянулись. А шаги зазвучали быстрее, будто идущий уже не считал нужным скрывать свое присутствие.

– Это Соманн? – одними губами прошептал Кай.

Но Йенни, вставая на ноги и распрямляясь, покачала головой. Дева застыла, щурясь и прислушиваясь. Морда волка, что распахнула пасть на ее руке у большого пальца, оскалилась сильнее, а глаз зверя сверкнул.

– Человек... – процедила Йенни, разворачиваясь к Каю. – Хочешь взять с собой эту книжку? – небрежно спросила она, будто речь шла о мусоре.

Он покачал головой. Тайна, окутывавшая эти записи, оказалась гораздо интереснее, чем сам фолиант.

– Идем.

– Что ты собираешься сделать? – Кай с опаской глянул на окно.

– Хочешь остаться?

– Нет. Точно нет.

Его ответ потонул в грохоте захлопнувшейся от ветра двери, по косяку которой стал нарастать лед, запечатывая вход. Йенни стремительно приблизилась к окну, рассматривая надежную толстую раму. Комнату озарила вспышка света, и Дева сменила человеческую форму на ледяную, чтобы тут же разбить окно – стекла и осколки рамы с дребезгом вылетели наружу.

Северный ветер залетел внутрь вместе со снегом, разметав все в комнате.

– Ты разбила окно.

– Ага, и заморозила дверь. А теперь кончай болтать и подойди ко мне.

– Не надо. И перестань меня целовать, – остановил ее Кай, когда она собиралась вновь проделать то, что стало входом у нее в привычку. – Я не замерзну.

Йенни грозно сощурилась, но быстро сдалась:

– Хорошо, но не пожалей. И обними меня покрепче.

– Насколько крепко?

– Так крепко, как только сможешь.

Кай обхватил ее талию. Кожу сразу до боли обожгло холодом, а его ресницы, волосы и пальто мгновенно покрылись инеем. Кай сцепил зубы.

Йенни ухмыльнулась:

– Говорю же, не пожалей.

– Что ты?..

Кай начал запоздало все понимать, но в следующее мгновение Дева, обхватив его в ответ и вдруг явив недюжинную силу, выкинула их обоих в окно. В тот самый момент, когда лед, сковывающий дверь, затрещал, не выдержав натиска по ту сторону, морозный ветер хлестнул Кая в лицо. Сердце упало куда-то в желудок. Они летели вниз, стремительно приближаясь к земле. В ушах стоял вой ветра и безудержный смех Йенни, что придавал безрассудства происходящему.

В какой-то миг их подхватил ветер, Кай ощутил, как воздух стал плотным, будто кисель, настолько, что он лишился возможности

дышать. Ветер словно откинул их в сторону, прочь от домов, замедлив и растянув падение. Они упали в воду вблизи того участка берега, где несколько дней назад дед Йона кормил лебедей.

Воду сковала тонкая корка льда, которая с легкостью проломилась, словно яичная скорлупа, под их весом. Руки Кая разжались, выпуская Йенни из объятий, в горле встал ком, взгляд заметался по темной бездне в поисках света.

Но почти сразу две полупрозрачные ладони коснулись его лица.

Йенни... Ее лицо сверкало, а в глазах плескался чистый восторг, точно она увидела лучшее в своей жизни представление, которое опьянило ее, заставило признаваться миру, к которому она относилась неприветливо, в любви. Эта феерия опьяняющего веселья передалась Каю, он совершенно позабыл о том, что заботило его мгновение назад. Даже когда Дева вдруг поцеловала его, даря свое дыхание, он лишь отдался моменту, в это мгновение считая, что происходящее естественно и так и должно быть.

В итоге они проплыли под водой до самого Малервега. Когда они выбрались на поверхность, встречаемые падающим снегом, что мгновенно таял на мокрой после озера одежде, в крови Кая все еще бурлил восторг. И он еще долго не задумывался о последствиях этого вечера, которые непременно будут.

Ночное проникновение в церковь постарались скрыть. Разбитое окно наверху башни починили в течение недели, а любые вопросы о том, что повредило предыдущее, сводились священниками на нет. Они любезно просили не вмешиваться жителей в дела церкви, уклончиво давая понять, что они действуют во имя общего блага. Некоторые строили теории о том, что разбить окно могла птица. Но это объяснение звучало гораздо нелепее, и в него было куда тяжелее поверить, чем в то, что наверху башни побывала Снежная Ведьма. Ведь все в Хальштатте знали, что хранится в той комнате. Вот только о том, что внутрь пробрался человек, никто даже и подумать не мог. Ну а Кая больше насторожило совершенно не то, что его могли раскрыть, – в первую очередь его поразило то, как священнослужители, не сказав ни слова, утаили правду.

Когда они с Йенни упали в воду, то, хоть Дева и поделилась с ним воздухом, надолго этого не хватило, так что приходилось выплывать на поверхность. Тогда Кай увидел человека в окнах башни, как и человек его. Несмотря на тьму ночи, Кай был уверен, что, кто бы ни был наверху, он понял, что в воде человек.

Это наводило на мысль о том, что происшествие той ночи могло быть не единственным, которое скрыли. К тому же, несмотря на то что озеро из-за похолодания сильнее затянуло льдом, в тот же день в Хальштатт с того берега приплыла лодка из замка Хэстеинов. Поднявшись выше городских домов по тропе на склоне горы, Кай видел, как один из тех, кто управлял лодкой, разбивал лед веслом, чтобы проплыть к берегу. Значит, причина прибыть в Хальштатт стоила тех усилий, которые были затрачены. А церковь ничего не скрывала от Одена Хэстеина. Вывод простой и логичный. Но все же полезный.

Каю хотелось бы распутать этот клубок лжи и понять, что на самом деле правда, а что нет. И все же он бы желал знать, каким образом Осколок оказался в его сердце.

«Но, видимо, не в этой жизни», – подумал Кай, наблюдая за тем, как снег накрывает городские крыши, а «распятые» деревья вновь

становятся трещинами на их стенах.

С приходом зимы все окончательно переменялось. Словно все происходящее до того, как снег покрыл землю, было какой-то прелюдией. Никогда еще прежде Кай не ощущал себя таким живым, как в это время, никогда прежде его так не восхищали льды, сковавшие вершины гор, и никогда прежде он не был так близок к смерти. То падение с башни будто стало лишь началом...

Началом времени, когда на него откроют охоту.

С тех пор минуло несколько недель, и зимние альвы пытались убить Кая четыре раза. Этих существ притягивало к нему, они вмешивались в его жизнь. Заставляли его вести себя так осторожно, как никогда прежде.

А Йенни убивала их. Каю особенно запомнился случай, когда он, по ее мнению, ночью едва не выпал из окна. Природные духи словно загипнотизировали его, Кай пришел в себя возле распахнутых ставен – белый кречет кричал над городом, а в открытое окно намело снег. Несколько погибших неведомо от чего духов в ту ночь истаивали на подоконнике, подобно оплывшей свече. К тому времени, когда появилась Йенни – а случилось это меньше чем через минуту, – следы существования природных альвов уже исчезли.

Йенни назвала это прекрасной попыткой и ушла, а вскоре Кай понял, что она уничтожила немало природных духов в округе. Он почувствовал это – снег стал меньше мерцать, перестал порой отливать лиловым и ярко-золотым в его глазах, и зима на некоторое время словно померкла. Все стало иным, а белый кречет все чаще летал над его окнами по ночам и днем.

Из-за этого происшествия Кай понял: смерть природных альвов не проходит для мира бесследно. Был ли он достоин этой жертвы? Кай ответа не дал, но попросил не убивать альвов без веской причины.

– Ты слишком добрый или глупый? – спросила Йенни, листая его блокнот с зарисовками, по листам которого ползали мотыльки. После чего задумчиво признала, что это и правда напоминает одержимость. Только, по ее уверениям, в последнем не было ничего странного.

Кречета столь часто замечали в небе над городом, что жители обеспокоились. По Хальштатту поползло еще больше тревожных слухов, люди шептались и чаще ходили в церковь. Они верили, что эта зима будет суровой и отнимет немало жизней.

И никто даже не догадывался, что под крышей Кая коротает дни, а порой и ночи Снежная Дева. В какой-то из дней она даже по собственной прихоти заморозила окно в его комнате. В то время не было морозов, отчего только его окна покрывали белые узоры. Йенни утверждала, что это для его защиты. И это определенно было ложью – зимних альвов не остановишь тонкой коркой льда. Но Йенни упрямо не желала развеивать магию.

– Разморозь стекла.

– Зачем? – спрашивала она.

– Это слишком заметно.

– Я могу немного повлиять на погоду. Тогда это не будет заметным.

– Ты же утверждала, что давно не занимаешься этим. Отнимает много сил.

– Но я же немного, – фыркнув, пожала плечами Йенни, сжимая в руке старую кисть, рядом стояла палитра из акварели. Она так много времени проводила в его доме, что Кай решил ее чем-нибудь занять. Выбора у него было немного. Вот только он не понимал, насколько это плохая идея.

Минут десять Дева честно и усердно что-то рисовала. Лицо отражало все ее эмоции – Кай воочию видел, как они менялись от воодушевления и интереса до разочарования, раздражения и злости. Не выдержав, Йенни просто швырнула кисть, так что та попала Каю в лоб и упала, расчертив лицо коричневой краской.

Повисла краткая тишина, а после Йенни расхохоталась.

Смеялась она опасно громко – соседи снизу могли услышать. Тогда Кай подскочил к ней, зажав ее рот ладонью. Его кожа прямо на глазах покрывалась льдом. Это было чертовски больно, но он не отнял руку до последнего, будто из упрямства показывая, что не всегда готов подчиняться ее воле.

После этой перепалки Йенни разморозила стекла, пожелав ему наслаждаться вниманием соглядатая за окном. Кай понял, о ком речь. Герда не могла увидеть Йенни, но все же...

В тот же день он нашел ненужный отрез ткани, чтобы занавесить окно. Время Кая истекало, ему необходимо было завершить последнюю картину, а уже после беспокоиться о людях. Он надеялся, что у него будет возможность объясниться. Все же Кай не был глупцом

и догадывался, что, пусть Герда не знала деталей, она многое понимала. И обида на него, что вновь росла с каждым днем, была вполне объяснима. Это являлось еще одним поводом поторопиться и быстрее закончить полотна. Но еще имелась причина, из-за которой он желал бы замедлить время. Может быть, даже навсегда остаться в этих долгих зимних ночах...

Йенни нравились их разговоры, пусть Дева и не желала этого признавать. Теперь она часто занимала то кресло, которое заморозила в первый свой визит. Только ныне с каждым разом она лучше контролировала свою силу, не портила мебель и почти не понижала температуру в комнате Кая.

Перекинув ноги через один подлокотник и прислонившись спиной к другому, Йенни нередко запрокидывала голову, рассматривая деревянный потолок. Она могла сидеть в молчании, погруженная в свои мысли, пока Кай работал над последним полотном. Изредка отмирая, Йенни задавала неожиданные вопросы.

– Почему тебе нравится создавать картины? Как ты это понял?

– Я никогда не задумывался об этом... – искренне отозвался Кай. – Но, начав в какой-то момент, понял, что не могу остановиться.

– Почему не можешь? Выкинь кисти и краски. Многого не надо.

– Отчасти. – Кай поднял свободную руку, коснулся пальцем виска. – Только в моей голове они останутся. Я буду тосковать.

Йенни сощурилась, смотря на кисть в руке Кая, что вновь порхала над холстом. Два законченных полотна стояли у стены комнаты, прикрытые тканью. Они манили ее, и она не единожды представляла, как срывает с них этот никчемный кусок материи. Думала об этом десятки раз, но сдерживалась, помня свое обещание.

Больше всего Йенни ненавидела давать обещания. Ведь их надо исполнять. В мире силы существовало два вида договоров, о которых она после рассказала Каю. Первый заключался на золотых свитках, а второй – на плоти. На свитках использовали божественный язык, которым записывали условия, а после закрепляли оттиском своей силы. Второй же оставлял след на плоти и уходил в кости.

Договор можно было уничтожить, а клятва на плоти вечна. И, если ее не исполнить, клеймо отравит существование так, что даже божееству жизнь покажется адом. Кая поначалу удивило, почему Дева заключила с ним договор на плоти, но объяснение было в ее характере.

Йенни свои сделки не нарушала и не беспокоилась об их неисполнении, поэтому и заморачиваться с золотыми свитками не желала.

– Твои полотна... Что на них? – любопытствовала однажды Йенни, сгорая от нетерпения.

– Сложно ответить. – Кай улыбнулся. – Но я посвятил их себе.

– Может быть, это будет интересно, – протянула она, а после, криво улыбнувшись, добавила: – А может, и нет...

В один из вечеров, когда Кай пытался прогреть комнату, подкидывая угли в ярко горевший камин, он спросил:

– В том, что я никогда не болел, тоже заслуга Осколка?

Он и раньше задумывался о том, что, сколько бы ни мерз, не простужался. Последний раз нечто похожее на простуду он подхватывал в детстве, и то вместо того, чтобы повыситься, температура его тела, наоборот, упала.

– Естественно. – Дева вновь рассматривала древесные узоры на потолке, словно они были раскрытой книгой, которую можно прочитать. – К сожалению, от болезни ты вряд ли умрешь.

– К сожалению? – осведомился Кай.

Он глядел на то, как она лежит, развалившись в его кресле. Обстановка вокруг была слишком простой для Девы. Все равно что украшение с бриллиантами поместить не в сокровищницу, а на прилавок уличного торговца, промышляющего дешевыми побрякушками. Просто невысказано.

Временами Кай желал, чтобы они ненавидели друг друга. Он ловил себя на этой мысли уже некоторое время, ведь им обоим было бы от этого проще. Вот только ненависть не приходила, а вместо нее являлось нечто иное. Тепло? Чувство понимания и какого-то единодушия, что он испытал в первую их встречу, вернулось и становилось сильнее.

– Извини, сказала по привычке, – бездумно отозвалась Йенни и сразу поинтересовалась: – Тебе ведь не нужно будет это зеркало?

От Кая не укрылось, что она давно обратила на него свой взор. Йенни любила красивые вещи, одежду и даже людей. А еще ей нравилось любоваться собой. Никогда прежде Кай не видел, чтобы кто-то без малейшего стеснения самозабвенно предавался этому занятию.

– Нет, не нужно.

Кай скосил взгляд на Йенни. Она была занята – выводила ледяные узоры на потолке его комнаты. Уголок губ был нервно вздернут вверх. Раздался треск.

– Не разрушь мне потолок, – серьезным тоном попросил Кай.

Вместе со звуком его голоса Йенни поднялась. Порой она двигалась совсем не как человек, и сейчас был один из таких моментов. Вместо того чтобы неуклюже выбираться из кресла, как делали это все остальные, Дева подлетела, изящно становясь на ноги.

В дверь неожиданно постучали. Кисть замерла над полотном, так и не нанеся краску.

Йенни медленно повернулась на каблуке, губы ее растянулись в кривой улыбке.

– Кай, ты дома? – раздался голос Герды.

– Легка на помине, – негромко проговорила Дева.

– Тсс, – протянул Кай, откладывая кисть и на ходу переодевая рубашку. Он крикнул: – Иду!

Кай накинул на плечи пальто и вышел. Нередко Герда приходила в дневное время, когда была необходима помощь в хлебной лавке. Обычно требовалось либо наколоть дрова, либо передвинуть мешки с мукой, либо что-то подобное.

Так случилось и в этот раз.

– Моя мать зовет тебя, – скупно процедила Герда, стоило ему открыть дверь. Она не повязала платок, и ярко-рыжие волосы горели огнем.

– Хорошо, – отозвался Кай, выходя и запирая за собой дверь.

Они вместе направились к лестнице.

– Как у тебя дела? – спросил он, ощущая повисшее напряжение.

– Ничего нового. Все как всегда.

В ее словах Кай чувствовал холод. В какой-то момент, уже на улице, она повернулась к нему и почему-то посмотрела на его волосы, которые успели сильно отрасти к тому дню. Кай тоже не надел шапку, ведь идти ему было всего ничего, всего лишь до соседнего дома.

– Тебе надо их подстричь, – вдруг проронила Герда. – Или собирать хотя бы. А то висят, как... – Она не договорила, а помедлив, будто с сомнением предложила: – Приходи как-нибудь, я их подровняю.

– Ладно, – согласился он, не придавая этому особого значения.

– Буду ждать, – кивнула Герда, прежде чем они зашли в лавку на первом этаже дома.

После Кай на время позабыл о том их разговоре, вновь погрузившись в работу. Хотя в тот день, когда он вернулся, Йенни придирчиво осмотрела его и, ничего не найдя, мимолетно уронила:

– Остерегайся своей подруги. У нее рыжие волосы.

Кай не понял, что именно она имела в виду. Рыжие? Что в них особенного? В конце концов, в Хальштатте семья Герды была не единственной с таким оттенком волос.

Порой, чтобы немного отвлечься, Кай ходил в лес за хворостом – это был лишь повод выбраться на воздух, ведь даже он не всегда мог находиться в четырех стенах. Случалось это несколько раз, и когда Дева не бывала рядом, то в гневе встречала его прямо у опушки леса.

– Я говорила, жди меня, – шипела зло Йенни, едва не налетая на него. Из-за своих сил она казалась выше, зависая над кромкой снега.

– Я почти завершил полотно, – однажды ответил Кай, не став спорить. – С каждым днем моя жизнь истекает. Я не хочу чувствовать себя запертым.

– Если будешь ходить в Малервег в одиночку, проживешь и того меньше! – От ее гнева поднимался ветер, а кора деревьев трещала от мороза.

«Не все растения проснутся с приходом весны», – в тот момент думал Кай, почти не сожалея, что увидеть ему это не суждено.

– Ты волнуешься за меня? – задал он вопрос, который всегда заставлял Деву остыть. По крайней мере, гнев Йенни уходил куда-то глубоко.

– Нет, – отвечала она, разворачиваясь и первой вновь уходя в лес. – Идем!

Однажды они дошли до того самого колодца в лесу. Его камни были покрыты тонкой коркой льда, но не занесены снегом, в отличие от пейзажа вокруг. Он словно оставался неприкосновенным для стихии.

– Что это за колодец? Люди его не видят, – спросил Кай, неподалеку расчищая землю от снега голыми руками, не боясь, что пальцы замерзнут.

– Колодец как колодец, – помедлив, неопределенно проронила Йенни. Но Кай-то видел, как она посмотрела на него, когда он невольно вывел их к этому месту. Глаза Девы распахнулись широко – в ледяной радужке сильнее засверкали прожилки, которые рассекали ее, как трещины лед. Со временем они стали напоминать ему луну, что временами появлялась на зимнем небе, не прикрытая облаками.

Дева долго не сводила тяжелого задумчивого взора с лица Кая. У Йенни была эта привычка – подолгу смотреть на него, разглядывая совершенно без смущения, и она не прекращала своего занятия, даже будучи замеченной. Она совершенно не заботилась сокрытием своих эмоций, будто не задумываясь, что остальные могут легко прочесть их по ее лицу.

«Она провела слишком много времени в одиночестве», – в какой-то момент осознал Кай причину ее поведения.

– Ты что собрался делать? – опасно низким голосом проговорила Йенни, когда Кай, наконец-то отыскав под снегом камень, направился к жерлу колодца.

– Маленький ритуал, – небрежно отозвался он, останавливаясь достаточно далеко. – Когда прохожу мимо... Бросаю в него камень.

– Бросаешь камень, – протянула Дева, неосознанно поднимая руку и касаясь своего затылка. На ее лице отразилась палитра эмоций – от гнева, ярости и удивления до совершенно неожиданной растерянности.

Она не помешала ему, и камень со стуком упал, встретив замерзшее дно.

Их взгляды встретились, будто они оба ждали чего-то особенного в этот момент. Но ничего не произошло, и Каю показалось, что в ее взоре он рассмотрел мимолетное облегчение, которое быстро исчезло. Взгляд Девы прикипел к его руке.

– Кровь... В этот раз на камне ее не было, – едва слышно пробормотала Йенни себе под нос, прежде чем властно процедить, стремительно возвращаясь к деревьям: – Идем.

Пока Кай пробирался по сугробам, она даже не проваливалась в снег. Шагала по его глади, каким-то чудом оставаясь на поверхности.

Вдалеке над лесом растянулась гряда гор, чьи очертания выглядели размытыми из-за повисших у вершушек низких облаков. Вокруг застыла безмятежность, тишина и пустота. То самое спокойствие, способное вдохновить.

Чуть пройдя, Йенни остановилась, смотря на пейзаж вокруг.

– Сейчас твой взгляд будто принадлежит больше человеку, а не богу, – произнес Кай прежде, чем обдумать свои слова.

– Это скорее оскорбление, чем комплимент...

– Почему? Расскажи мне. – Взгляд Кая остановился на рассеченной брови. Он протянул руку к ее лицу, но остановился на полпути, так и не коснувшись. – Этот шрам ведь?..

– Верно. След, словно клеймо, – процедила Ледяница, встречая его взор. – В давние времена озеро находилось в человеческом мире. Зеркало разума, что хранило в себе небывалую мощь и таило судьбы всех существ мира. Что были, есть ныне и появятся в будущем.

– В будущем?

– Да, на то оно и Зеркало разума. Заглянешь в него – и в своем отражении увидишь себя таким, какой есть. Насколько чиста душа, настолько прекрасен облик. Оно явит истину, а не маску, подаренную людям от рождения. Но не все понимали его суть. Человеческие пороки многочисленны, и, когда кто-то видел свое искаженное изображение, легче было обвинить Зеркало в коварстве и лжи, чем признать собственные недостатки. И наконец, увидев свое будущее, люди часто оставались недовольны, ведь они желали большего. И не стоит забывать, что за будущим каждого человека стоит смерть. – Она зашагала, будто движение помогало ей говорить.

Голос Йенни был спокоен и чист, но лицо не наполнилось холодом, а было скорее задумчивым.

– Однажды неподалеку поселился некий народ. В те времена Зеркало ничто не охраняло, и в тех местах, несмотря на снег, все же было теплее. Люди стали поклоняться озеру, приняв его за божество. Они просили, и оно давало ответы, они требовали, и оно все равно помогало. Но однажды всем жителям деревни стал сниться один и тот же сон... – Дева на мгновение замерла, прежде чем сделать следующий шаг. В этот момент с ветви ближайшего дерева сорвалась птица.

– Что это был за сон? – проговорил Кай, предчувствуя, что сейчас узнает что-то важное.

– О белой смерти, – откликнулась она. – Так говорили они. Жители видели, что всех их поглотит снег. В то время жители поселения успели возгордиться из-за могущества, что давало озеро,

использовали его против себе подобных. Слухи распространились, и все больше людей желало единолично владеть мощью Зеркала. Разгоралась война. И они решили, что божественному озеру нужна жертва...

Йенни остановилась, ее голос налился яростью и злостью.

– Они всегда лишь просили и просили... Принимали величайший дар как должное...

– И какова была жертва? – хрипло спросил Кай, собственный голос ему показался скрежетом снега под его сапогами. Он уже знал, что услышит, но искренне хотел ошибиться.

Йенни резко обернулась, глаза-звезды блеснули.

– Ею стала я. – Губы приподнялись в холодной улыбке. Дева Льда зашагала дальше, продолжая с напускным равнодушием: – Выбрав самую красивую и молодую девушку деревни, они пришли к решению сбросить ее в озеро. Они считали, что им не осталось иного выбора, иначе их поглотит снег. Забавно.

– Сколько тебе было лет? – Между бровей Кая пролегла складка. Он никогда не смотрел на нее *так*. Неотрывно, замерев на месте, тяжело дыша. Даже в ту их встречу прошлой зимой он вел себя более собранно.

– Не помню, – нехотя сказала Йенни. Хотя Кай понял: солгала. – Должно быть, столько же, сколько и тебе. Ведь с тех пор я ни капли не изменилась. – Дева приподняла брови, добавляя: – Лишь заледенела. – И она вновь улыбнулась, видимо, сочтя сказанное прекрасной шуткой.

Дева задумчиво коснулась ветки ближайшего дерева, и оно прямо на глазах побелело.

– Должно быть, тебе было страшно.

– Страшно?

– Тебя совсем юной отправили на верную гибель. У тебя были свои чаяния, надежды и мечты, и вдруг ты поняла, что должна умереть. По прихоти какого-то озера и людей. Разве это не жестоко и не несправедливо? Разве ты не страшилась смерти? – Его слова были жестоки, но Кай продолжал их говорить.

Замерзшая ветка с оглушительным треском сломалась.

– Замолчи, – прозвенел девичий голос.

В нем появились необычайно живые нотки. Деревья вокруг в мгновение ока покрылись ледяной коркой. Прошло всего мгновение, и

ее лицо вновь стало холодным и бездушным.

– Возможно, я испугалась. Я ведь была человеком. Видимо, поэтому попыталась сбежать и получила этот шрам. Пустяк, который бы обязательно зажил, если бы... не случилось то, что случилось. Побег оказался пустой тратой времени, я не сумела уйти далеко. – Ее взгляд задумчиво скользнул ниже, к подолу платья, переливавшегося в закатных лучах солнца. – В итоге меня отдали в дар, даже не предполагая, что сами приблизили свою погибель. Воды озера не убили меня, а возродили, наделив силой. Зеркало посчитало меня достойной, сделав своей защитницей.

– И тогда ты...

– Я отомстила. Явилась белая смерть, забравшая их жизни. И больше никто не мог поведать о чудесном озере, – жестко проговорила Йенни, ни капли не сожалея о содеянном и не сомневаясь в своем поступке. – Должно быть, я тебя пугаю? Верно, Кай? – едва не налетев на него, процедила она.

Кай покачал головой. Спокойствие – вот что она увидела в его глазах. Вовсе не страх. И это отчего-то разозлило ее еще больше, словно горячие угли обдали водой. Те исходят поначалу громким шипением, а после затухают. Ярость Йенни тоже начала таять, пусть и не прошла полностью.

– Почему порой ты меня так раздражаешь?.. – бессильно прошептала она.

– Может, ты видишь во мне себя? Я в тебе иногда вижу.

– Бред. Мы совершенно не похожи.

После того разговора в лесу прошло несколько дней. Кай зашел домой, вернувшись из продовольственной лавки, – ему все еще было необходимо чем-то питаться. Отперев дверь комнаты на чердаке, сперва он увидел толстый лед на стеклах, а следом Йенни, которая стояла у распахнутого сундука. Вещи, лежавшие сверху, были беспощадно выкинуты прямо на пол, а в руках она держала полотно.

Кай едва не выронил сверток с продуктами. Прикрыв на мгновение глаза, он повернулся, чтобы скорее запереть дверь.

– Я не хотел, чтобы его кто-то видел, – заметил Кай. Он ощутил некое оцепенение, словно боялся спугнуть свою гостью. Впервые за

долгое время они не виделись несколько дней, и лишь белый кречет над городом напоминал о ее существовании.

– И почему же? – спросила Йенни, ее пальцы крепче сжали подрамник.

– Не все работы должны быть увидены.

Кай подошел ближе, сначала сосредотачиваясь на ее фигуре, будто запечатлевая то, что и так навечно осталось в его памяти, а после на самом полотне, рассматривая оттенки и каждый мазок. Он написал ее несколько лет назад, в то время картины из-под его руки выходили все еще неумелыми. Но, несмотря на это, нынешний Кай не изменил бы ничего в этой работе. Портрет был идеален.

Раньше он сомневался в сходстве, но теперь понимал, что каким-то образом не упустил ни одной детали. Тот же разлет бровей, тонкий изящный нос, слегка раскосые глаза, радужки, полные северных льдов, и изгиб бледно-розовых, словно рассветное небо, губ...

Кай поднял глаза, вновь соприкоснувшись взглядом с реальной Девой Льда, стоявшей в его комнате. Его словно пронзила молния. Он подался вперед, впиваясь в прохладные губы и запуская руку в ее шелковистые волосы. Губы обжигали, кололи, будто боль – это плата. Плата за то, что никогда не должно было достаться человеку.

Это был порыв, инстинктивное действие. Он не смог этому воспротивиться. Когда ждешь смерти, жизнь поразительно проста, а желания ясны. И он о своем узнал достаточно давно.

Но Кай отстранился. Ему казалось, его сердце никогда не стучало так неистово. Юноша опасался, что оно вот-вот возьмет и остановится, не выдержав нагрузки. Это совершенно не было похоже на те поцелуи Йенни, когда сила проникала в его тело. Случившееся было стократ ярче.

Он не мог осмыслить то, что происходило с ним.

А в следующую секунду его прижали к стенке. Ледяные глаза блестели – на мгновение Кай застыл, словно утонув в них. Краткое затишье, прежде чем все продолжилось с осознанием, что обратного пути больше нет. Ведь они поцеловались вновь, но теперь уже Йенни доминировала, на миг крепко сдавив плечи Кая.

Скривившись от внезапной боли, он перехватил ее запястья – удивительно, но он смог ее остановить. Казалось, этот факт поразил не только его самого.

– Тихо. Не будь жадной. Это не поле боя, и ты не сражаешься. Меньше силы... – прошептал он хрипло.

«Иначе ты меня сломаешь» – вот что Кай не произнес вслух.

Все еще упираясь спиной в стену, он отпустил ее запястья. Йенни замерла, губы ее были приоткрыты, дыхание с едва слышным хрипом вырывалось из уст, даже холодное сердце Девы Льда стучало чуточку быстрее.

Осознание этого вскружило Каю голову, в следующий миг он сам стал жадным и себя не узнавал, подался вперед, накрывая ее губы своими, а руки бесстыдно коснулись бедер – тонкая блестящая ткань совершенно не утаивала изгибов и выглядела гораздо откровеннее тех материй, что было принято пускать на платья у человеческих девушек.

Это было странно, они целовались слишком долго, и под конец поцелуи кружили голову даже больше, чем вначале. Кай не замечал течения времени, совершенно не чувствовал его, как и не мог думать ни о чем вокруг. Даже лед на окне, лишенный подпитки силы Йенни, успел растаять и влагой стечь по подоконнику.

Все прекратилось в один момент. Дева Льда вздрогнула, резко повернув голову, словно что-то почувствовала. К тому моменту они успели переместиться в кресло, заняв его оба, но Кай совершенно не помнил, в какой миг это произошло.

– Мне надо идти.

Йенни вскочила, ее взгляд был направлен в никуда, блуждая далеко от места, в котором она находилась. В несколько стремительных шагов Дева достигла окна, а после исчезла в вечерней тьме, что успела сковать Хальштатт.

Кая словно облили холодной водой. Хотя он сомневался, что ныне ему это помогло бы, ведь пол под ним был скован тонкой коркой льда, становящейся толще у самого кресла. Кай медленно перевел взор на стену и увидел ту же картину. Его комната превратилась в ледяную пещеру, а он и не заметил как.

– Ох, черт! – воскликнул он, резко поднимаясь на ноги, когда увидел свои накрытые тканью полотна. Их не коснулся лед, но низкая температура никогда не шла на пользу краскам.

Несколько часов Кай отогревал стены, жарко растопив камин, собирал воду, надеясь, что влага не попадет на этажи ниже, а после придирчиво больше часа осматривал картины. Лишь поняв, что все

обошлось, сокрушенный усталостью, рухнул на постель. Перевернувшись на спину, он коснулся рукой своей груди, почувствовав под рубашкой контур чужого кольца на цепочке. Взгляд Кая сам собой устремился к потолку. Он неожиданно понял, почему Йенни нравилось его рассматривать: древесные линии напоминали о жизни, интересно было прослеживать их путь и видеть, как некоторые создавали ровный овал.

Но вдруг Кай заметил то, что заставило его тело напрячься, а после подняться с постели. С настороженностью он вновь подошел к креслу. Не весь лед растаял, на потолке тоже была наледь, а из самого ее центра, словно цветы на лугу, росли белые розы – сразу несколько штук гибкими стеблями переплелись друг с другом. Один бутон расцвел, и из него выбрался мотылек, который теперь перебирал лапками по внешней стороне пышного бутона.

Поднявшись на кресло, Кай дотянулся до стебля и выдрал растение с корнем. Прямо в его руках розы обратились в лед и в следующий миг стекли на пол водой, то же произошло с мотыльком. Насекомое большой кляксой расплылось по его зарисовке с существами, увиденными им в воде рядом с лебедями. И Кай опять почувствовал мимолетный аромат чьей-то смерти.

Кай сглотнул. Ему захотелось напиться.

В следующий раз Йенни появилась ночью...

Точнее, он проснулся оттого, что она сверлила его взглядом. В первое мгновение Кай подумал, что просто почувствовал ее. С ним случалось так раньше. Ну а когда увидел одного из волков лежащим прямо на его одеяле, понял, что все куда прозаичнее. Зверь был нетяжелым, но как Кай сразу не ощутил кучу снега, удобно устроившуюся поверх него, стало самым главным вопросом.

– Вставай и одевайся, – раздался голос Йенни, не терпящий возражений. За окном всходило солнце, небо едва-едва розовело, а Кай уснул чуть больше двух часов назад.

– Скажи, что ты разбудила меня не просто так, – прикрыв глаза, безуспешно старался натянуть на голову начинающее промокать одеяло Кай. Издав бессильный стон, он прекратил эти пустые попытки.

– Не просто так, – повторила Йенни и недовольно сложила на груди руки, на которых по-прежнему поблескивало необычное кольцо. Сведя брови на переносице, она подняла ногу и толкнула Кая ступней в бедро. – Вставай! Еще поблагодаришь меня... Льетольв, иди ко мне, мальчик. – Последняя фраза была произнесена донельзя ласково, а в следующую секунду по телу Кая словно пронесся табун лошадей. Он скривился, из его легких будто вышел весь воздух.

– Тише! – зашипел Кай, откидывая прочь одеяло. – На нижних этажах живут люди.

Йенни фыркнула:

– В следующий раз буду знать: чтобы тебя разбудить, надо лишь немного пошуметь, – и потрепала огромного волка, который, даже сидя на полу, доставал ей чуть ли не до плеча.

Зверь определенно стал больше в размерах.

Кай на миг застыл. Наверное, он слишком пристально смотрел на Йенни, раз даже она заметила это, вопросительно изгибая бровь.

– Ничего. Собираюсь, – бросил он, покорно поднимаясь.

– Льетольв поможет тебе добраться до одной особой пещеры. Она труднодоступна, и сам ты никогда ее не найдешь, – продолжала Йенни.

– И что в этой пещере?

– Когда увидишь, поймешь. Но считай это подарком к прошедшему дню рождения, – заявила Йенни, усаживаясь на подлокотник облюбованного ею кресла.

– Он прошел больше двух месяцев назад, – нахмурившись, заметил Кай.

– Но ведь подарок я тебе не делала. Поэтому делаю это теперь, – парировала Йенни, бросая косой взгляд на книгу, стоящую на полке. Сборник сказок, которые на самом деле несли в себе частицы правды. – И уверяю, он будет гораздо лучше всего того, что тебе надарили люди.

Йенни предвкушающе улыbnулась, переплетая пальцы в замок у груди. Так улыбаться могла только она – радостно, нетерпеливо и немного плотоядно. Кай был сумасшедшим, раз находил ее повадки очаровательными. А еще он старался не думать о том, что случилось в прошлый раз, когда они были рядом. Раз Йенни пока это не заботит, то и он не станет все усложнять разговорами.

Спустя буквально несколько минут они отправились в путешествие. Дух волка, хоть и относился к Каю с симпатией, в отличие от своего собрата, все же, видимо, давно не носил на себе человека. Или его и вовсе никогда не использовали для этой цели. Когда Кай лишь чудом удержался, не упав с небес на землю, он подумал, что вовсе не альвы зимы пытались его убить. Нет, настоящее покушение случилось только теперь.

Когда они прибыли на место – под склон горы, чья вершина слегка изгибалась в сторону, словно пострадав от рук неумелого скульптора, – Кай рухнул на снег, его ноги тряслись от напряжения. На небе всходило солнце, а он накрыл лицо ладонью и глубоко дышал, чтобы перевести дух.

Еще никогда Кай не был так высоко над землей, и еще никогда он не был так близок к тому, чтобы упасть.

– Твой подарок должен стоить всего этого. – Голос его звучал сдавленно.

– Стоит. И даже больше.

Кай искренне в этом сомневался.

– Вставай. Надо идти, – сказала Йенни спустя некоторое время, когда дыхание Кая восстановилось, и он лишь бездумно смотрел на небо. Неподалеку от них виднелся темнеющий вход в пещеру, которая, видимо, уходила в глубь горы. Они были достаточно высоко, и поляну с входом окружали вечнозеленые ели, скрывая ее от любопытных глаз.

Они зашли внутрь. Каменистые своды сверкали от тонкой наледи, и чем дальше они продвигались, тем холоднее и темнее становилось вокруг. В какой-то момент они и вовсе лишились дневного света, лишь поредевшие – ведь один из волков остался снаружи – линии на руке Йенни немного освещали проход. Но этого было достаточно, этот свет словно отражался от наледи и делал мир в глазах Кая четче.

В какой-то момент пещера вильнула, и они остановились у огромной дыры – ход впереди оканчивался тупиком.

– Нам надо вниз... – не спросил, а скорее констатировал факт Кай.

– Верно. Я первая.

Йенни без сомнений шагнула в пустоту и исчезла во тьме.

Кай зажмурился, вздохнул и шагнул следом. Все равно выбора у него не оставалось.

Он думал, что непременно что-то себе сломает, но поверхность была гладкой и изгибалась дугой, а на ее стенках вырос лед, превращая пещеру в своеобразную горку. Но ход оборвался резко, и, словно заранее его дожидаясь, в гроте оказался сугроб. Кай упал, зарывшись в снег, который мгновенно попал в сапоги, за шиворот и стал таять на темных волосах – шапка слетела с его головы еще в тоннеле и сама медленно скатилась следом на несколько секунд позже.

Поднявшись, Кай огляделся. Вокруг повсюду был один лишь лед. Он сверкал, спускаясь с каменных сводов, словно внутри был свет. Потолок и пол – все чистый белоснежный лед. Будто Кай оказался где-то в ином месте, не в мире живых.

Кай желал запечатлеть каждую деталь, чтобы после перенести это место на полотно. Но уже сейчас понимал, что краски не в силах это передать.

– Идем, – позвала его Йенни, но, кинув на него взор, добавила: – Ты опять замерз?

И двинулась к нему.

Кай выставил руку вперед, останавливая ее.

– Я не замерз, – твердо проговорил он. В его памяти были слишком свежи воспоминания.

Они некоторое время напряженно смотрели друг на друга. А Дева Льда, звонко постучав носком туфельки о лед, в конце концов кивнула:

– Будь по-твоему.

Поджав губы, Кай следом кивнул самому себе.

Они прошли несколько гротов, и, пока продвигались дальше, сияние льда становилось все ярче. Пол гулял под ногами – то шел волной, то наклонялся так, что было почти невозможно устоять, то напоминал чашу. В последней комнате Кай упал и несколько раз прокатился то в одну, то в другую сторону.

На спине он подкатился прямо к ногам Йенни.

– Забываю, как люди неуклюжи на льду.

– Легко говорить той, у кого подошва обуви примерзает к полу. Спрячь свою ворожбу, и посмотрим, как далеко ты пройдешь, – с вызовом изрек Кай.

Йенни закатила глаза, словно большего глупца не встречала, однако тело ее все же перестало мерцать и стало почти человеческим.

– Ты не сделаешь и нескольких шагов.

– Еще чего, – фыркнула Йенни, разворачиваясь и собираясь продолжить путь. – Человек, ты стал слишк...

Цепляясь руками за воздух, она поскользнулась и рухнула прямо на Кая, распластавшись поперек него. Кай резко выдохнул от внезапного удара. Йенни с ошарашенным лицом уставилась перед собой.

– Знаешь, какой человек более неуклюж на льду, чем остальные?

– И какой? – выдавила Йенни, глаза ее зло сверкали.

– Тот, который носит туфли изо льда, – бросил он, рассмеявшись. – Ты ведь понимаешь, что обе поверхности скользкие? И да, встань с меня, пожалуйста.

Йенни вспышкой высвободила силу, и в пещере стало гораздо холоднее.

– Не смей кому-нибудь об этом рассказывать, – предупредила она, прежде чем оказаться на ногах.

– Тебя беспокоит репутация?

– Обещай.

– Ладно, обещаю, – согласился Кай, поднимаясь.

– Умница. Язык отморожу, если соврал, – предостерегла Йенни. – И, если попросишь, я все еще могу тебя поцеловать и спасти от холода.

– Никогда не просил о поцелуях, – задумчиво заметил Кай.

– Не просил? Что это означает? – Она бросила на него косой взгляд. – Я убеждена, тебе нравится, когда я тебя целую.

– Может быть. Но, похоже, не только мне... Так что ты хотела мне показать?

Кай направился в глубину пещеры. Но прежде чем он преодолел несколько метров, тонкая бледная рука накрыла его глаза. Дева Льда стояла прямо позади.

– Подожди, на него надо смотреть аккуратно, зачастую люди слепнут от его света. Твои глаза особенные, но все же стоит быть осторожнее, – глубоким и напряженным голосом предупредила она. – Держи.

В руке Йенни появился кусочек льда – тонкий, как листва деревьев, и не тающий в его руках. Кай поблагодарил, принимая дар, и лишь тогда она убрала руку, позволяя ему смотреть на мир сквозь ледяной осколок.

Глаза Кая расширились, и сердце, казалось, остановилось. Он предполагал, что пещеры прекрасны, но перед его глазами ныне словно полыхало сине-голубое пламя – цветок невиданной красоты, с изогнутых лепестков которого будто капал нектар. Он впитывался в лед, прямо на котором рос и который с каждой новой каплей ярко вспыхивал. Именно поэтому Каю изначально показалось, что стены этого грота светились.

Он ощутил, как его сердце что-то переполняет. Чистый восторг, вдохновение? Или восхищение ранее не виданным чудом?

– Что это? – пересохшими губами спросил Кай, хотя в глубине души догадывался об ответе.

– Голубой цветок, – ответила Йенни. – Не смотри на него долго, иначе он займет все твои мы...

– Да, я знаю, – оборвал ее Кай.

Когда погибают все цветы, а землю покрывает снег, тогда и раскрывается растение. Он знал это. Возможно, даже не из рассказов бабушки – Кай просто знал. Как и то, что сорвать его – верный способ обречь себя на мучения.

– Почему ты мне его показала?

– Твой талант... Ты заслужил увидеть его. Люди умирают, но ваше искусство живет веками. Мне больше некого привести сюда, кроме тебя. – Йенни повернулась к нему, и их взоры встретились. – Смотри не на меня, – поджав губы, резко сказала она и отвернулась. – Мы скоро уйдем.

– Ладно, – не стал спорить Кай, но по его губам скользнула едва заметная улыбка.

Тишина между ними была долгой и прервалась, когда Кай неожиданно проговорил:

– Я был слишком мал, чтобы запомнить, как обычные люди видят мир. Но что насчет тебя? Возможно, ты еще помнишь? Или даже скучаешь по этому?

Йенни, помедлив, протянула:

– Помню, но не скучаю. То, что я вижу теперь, нравится мне гораздо больше.

Почему-то сказанное Девой Льда подарило ему спокойствие. Кай кивнул, запоминая ее слова.

Йенни крутанулась на каблуке. Прошла мимо, так что полы одежды взметнулись.

За ней оставался шлейф морозного воздуха, хотя, казалось бы, куда еще холоднее. Их плечи едва не соприкоснулись, но Кай даже не шелохнулся, лишь бросив на нее косой взгляд в момент, когда они поравнялись.

Едва Йенни оказалась у него за спиной, кусочек тончайшего льда, переливаясь в полете всеми оттенками синего, выпал из его рук. В глазах Кая заблестел свет, излучаемый Голубым цветком. Еще прекраснее, еще ярче. У самого соцветия лепестки приобретали едва ли не аквамариновый оттенок. У Кая перехватило дыхание.

– Глупец, что бы ты делал, если бы ослеп?

Миниатюрная ледяная ладонь вновь прикрыла его глаза.

– Но я ведь в порядке.

– Возможно, лишь пока...

Повисла тишина. И в этом безмолвии особенно громко звучало дыхание Кая и стук капель нектара, падающих с лепестков Голубого цветка на лед.

– Будь по-твоему. – Кай развернулся с такой проворностью, какой трудно было ожидать от обычного человека, стоящего на скользкой поверхности. – Твоя рука слишком холодная. Мои глаза скорее замерзнут, чем ослепнут.

– Я могу тебя поцеловать.

– Нет. Не хочу получать ничего не значащие поцелуи. – Его голос прозвучал тихо, подобно шелесту листьев.

– Но ты дрожишь, – указала на очевидное Йенни, опустив взор на его подбородок.

– Какая разница? Мы ведь уже возвращаемся. И от холода я не погибну, – небрежно бросил Кай, собираясь обойти Дева – он жаждал скорее добраться до холста, пока образ цветка в его памяти был еще свеж.

– Упрямец...

Подошва обуви примерзла к полу, и Кай бы непременно упал, если бы Дева Льда одной рукой не схватила его за плечо, а пальцами другой не притянула его за подбородок к своему лицу. Губы Кая обожгло словно кусочком льда. Холод ушел, но сердце забилося

медленнее. Каждый раз оно словно угрожало остановиться, но Йенни вновь отстранилась прежде, чем это произошло.

Этот раз совсем не походил на предыдущий. Поцелуй, дарующий частичку силы, только и всего.

– Ты просто хотела это сделать, – уверенно проговорил Кай, разглядывая мелкие снежинки на ее белых волосах.

Всякий раз ему казалось, что он упал со скалы, пролетел десятки метров сквозь метель и холод, потеряв возможность дышать от порывов яростного ветра, а остановился настолько внезапно, что в теле до сих пор оставалось ощущение полета.

– Возможно, – лаконично ответила Йенни.

– Ты ведь привыкла многое забывать и ни о чем не задумываться? – вдруг спросил Кай. Между ним и Йенни была слишком большая разница в возрасте. Но из-за особенности Девы избавляться от воспоминаний она словно не выросла не только внешне, но и ментально. Будь все иначе, и она стала бы совершенно иной. Каю показалось, что и Сеятель руководствуется этими же принципами – безжалостно избавляется от накопленного жизненного опыта, оставляя лишь некоторые важные моменты.

– А ты привык, наоборот, задавать много вопросов и сли-и-ишком о многом думать, – парировала Йенни. Наклонившись, она прошептала: – Но не надо. Ты лишь делаешь этим хуже. – И, легко похлопав его по плечу, добавила: – Идем.

Они вышли из пещер, и солнце непривычно ослепило после долгого пребывания под землей. В горах гулял ветер, тревожил еловые ветки. Под ногами распростерся крутой склон. Если бы Кай решил подняться на эту высоту самостоятельно, то разбился бы, не преодолев и половины пути.

Волк, ждавший снаружи, поднял морду – его глаза, уши и пасть сверкали, отражая свет. Серебристая шкура мерцала, как и снег вокруг, на который попадали лучи небесного светила. Зверь внимательно уставился на них.

– Верни его туда, где мы встретились, – приказала Йенни, игнорируя умный взгляд магического существа.

Льетольв поднялся, приминая мощными лапами снег.

– Только не урони и не убей, – раздалось предупреждение следом.

– Надеюсь, я все же не разобьюсь, – скупно процедил Кай, подходя к волку и касаясь его морды. Он надеялся, что обратное путешествие будет хотя бы немного приятнее.

Настал день, когда, отойдя от полотна, Кай понял: оно почти завершено. Оставалось забыть о картине на несколько дней, чтобы после взглянуть свежим взглядом. Возможно, понадобится что-то подправить, но лишь мелкие детали, ведь основная работа подошла к концу.

«*Конец...* – словно, чтобы осознать свершившееся, повторил он мысленно. – *Все рано или поздно его находит...*»

В первую ночь после завершения полотна сон его был тревожным и некрепким – Кай постоянно просыпался. Мысли крутились в голове. Он чувствовал странное облегчение – еще ранней весной, до того, как он приступил к первой картине, его разум посещала предательская мысль: «*У меня ничего не выйдет. Я не смогу*».

Что, если он ожидает от себя больше того, что представляет на самом деле?

Но в конце концов он гнал сомнения и игнорировал опасения, как делал всегда. Сомнения может развеять лишь одно – дело. И тогда он погрузился в работу.

Теперь Кай видел: он принял верное решение. И вышло все великолепно, как он и задумывал. Но в то же время Кай не покидала мысль, что он оставил часть себя в этих полотнах. Иначе как объяснить пустоту, которую он ощущал в груди? Возможно, ему понадобится время, чтобы прийти в себя. Но будет ли у него это время?

Поднявшись с постели, Кай стал одеваться – солнце встало, а он собирался наконец-то навестить мать. Об этом визите Кай давно думал, но будто всячески избегал. Накрутив на шею шарф, связанный из серой пряжи, Кай заметил свой блокнот с зарисовками. Поддавшись порыву, он взял его с полки, захватив несколько карандашей, положил в сумку. Покинув комнату, провернул ключ в ржавеющем замке.

Спустившись, он пошел по утренней, окутанной сонной тишиной улице. Над горными пиками зависла дымка, а солнце светило ярко, заливая сиянием дома.

Царящее в округе умиротворение передалось и Каю. Он не заметил, как стал прислушиваться к своим шагам и скрипу снега.

Так он добрел до костницы. В этот ранний час мало кто посещал своих предков, но дверь была открыта. Проникнув внутрь и миновав темный коридор, Кай прошел дальше. Вереница черепов стояла на полках, глядя на него пустыми глазницами. Все они были расписаны, на некоторых краска потускнела, но это лишь означало, что рисунок обновят. В церкви этим занимался один из помощников священников, чей род заботился о приходе и проповедовал в этих краях уже больше трех веков. Кажется, когда-то их семейство даже жило по ту сторону озера Хальштеттер в одном из домов, выстроенных вблизи замка Груб. Поэтому не было удивительно, что Герхард, ставший священником в сравнительно молодом возрасте, сам ненамного старше Кая, пользовался искренним уважением. Правда, по важным делам предпочитали обращаться к его родителю – отцу Уильяму.

Каю тоже предлагали расписывать черепа, но он отказался. С самого детства костница вызывала в нем противоречивые чувства. И вот теперь он неожиданно ясно осознал, что ему стоит подумать о своем теле. Если Кай не позаботится об этом, то тоже окажется...

Кай осмотрелся, разглядывая серовато-белые и местами имевшие медный оттенок пятна, оставшиеся после предыдущих слоев краски.

...на полке.

Череп поблескивали и в лучах утреннего света, льющегося из окна, имели сероватый оттенок. Помимо крестов, что рисовали на лбу над глазницами, было еще несколько основных, часто повторяющихся рисунков. И у всех них имелся смысл. Дубовые листья на кости символизировали славу; лавровые – победу; плющ – символ жизни; и розы – любовь.

На черепе матери Кая вились розы – это было решение бабушки. Кай бы вряд ли остановил свой выбор на этом цветке. Но он даже не знал, как выглядела его мама. Когда она покинула дом, дед Кая в ярости из-за своеволия дочери уничтожил единственный портрет, а через пару лет и он и она погибли. Если подумать, за какой-то месяц их семейство сократилось до одного лишь Кая и его бабушки. А теперь их родовая линия и вовсе прервется на нем.

Кай зажег тонкую свечу, поставив ее рядом с черепом, и некоторое время стоял неподвижно. Он даже не заметил течения

времени, лишь понял, что солнечный свет стал ярче. Его привел в себя стук трости по камню, легкий и звонкий. Так звучала трость, которую носили для украшения, в угоду моде, а вовсе не как предмет необходимости. Трость деда Йона всегда стучала тяжело и глухо, словно кара, каждый раз обрушиваясь на землю, – престарелый мужчина переносил на нее немалую часть своего веса.

Оден Хэстеин был единственным человеком в Хальштатте, который, будучи истинным аристократом, следовал модным веяниям столицы даже в захолустье.

Он вошел в костницу, слегка пригибаясь, и рукой, облаченной в черную перчатку, изящно поднимая трость над землей. На голове у него была шляпа-котелок, а на плечах шерстяное пальто. На висках его среди черных волос проступала седина, как и на аккуратно стриженной бороде. Лицо было худым, со впалыми щеками и большими блестящими глазами. В свое время он был весьма привлекательным мужчиной, и даже ныне остатки былой красоты явственно проступали в его благородных чертах.

Если он был удивлен присутствием Кая, то ничуть этого не показал. Тот кивнул, поприветствовав неожиданного посетителя. Насколько он знал, у рода Хэстеинов был свой склеп по ту сторону озера. И размером он лишь немногим уступал всей территории, отведенной под кладбище в Хальштатте.

Оден Хэстеин остановился у одной из полок. Кай тем временем решил, что ему пора, и направился к выходу. Но не прошло и нескольких секунд, как за спиной он вновь услышал звонкий стук трости.

– Кай Ларс, – окликнул его аристократ. Кай уже успел выйти на улицу. Морозный воздух приятно ласкал лицо.

– Вы что-то хотели?

– Верно, – отозвался господин Хэстеин, остановившись рядом. Его взгляд тоже коснулся гор и озера. Повисла затяжная пауза. – Всецой нашей семье понравилась твоя последняя картина, и фреска... тоже заслуживает внимания.

– Спасибо, сэръ, – сдержанно поблагодарил Кай. Раньше похвала от аристократического семейства привела бы его в восторг, а теперь... Он и так знал, что его полотна заслуживают восхищенного внимания.

– Ты ведь нигде не обучался? – задал Оден отвлеченный вопрос.

– В Хальштатте не получишь подобного образования...

«Точнее, никакого не получишь... Почти все мужчины сразу получают работу в шахте, там и учатся».

– Но у меня был учитель, – продолжил Кай.

– Да, я слышал. Какой-то заезжий пьяница, – небрежно отозвался Оден Хэстеин.

– Он любил выпить, но пьяницей не был. Картинам он посвящал больше времени. Его работы участвовали в выставках.

Судя по лицу аристократа, сказанное его совершенно не впечатлило.

– Но это совершенно не то же, что художественная академия.

Кай ничего не ответил, а аристократ продолжил:

– Наше семейство в силах устроить тебя в Академию искусств. И даже оплатить обучение.

Каю показалось, что он ослышался. Ему потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

– Но зачем вам это? – озадаченно спросил он.

– Я вижу талант, который нуждается в огранке. И я способен помочь. Тем более я бы не стал вкладывать средства в то, что в будущем не принесет никакой пользы, – уверенно произнес Оден Хэстеин. В каждом его слове звучала уверенность в своих силах, привитая с самого рождения, которая сопровождала его каждую минуту жизни. – Раз все решено, то летом готовься к поездке в Вену.

«Летом...»

На мгновение Кай позволил себе задуматься о том, как поступит в академию, где не просто увидит работы именитых художников, а эти творцы станут его наставниками и учителями...

– Простите, но я не думаю, что могу согласиться, – не позволяя больше думать себе о будущем, сказал Кай. Его судьба была уже решена. Альвы уже не раз пытались его убить, и если бы не Йенни, нынешнего разговора бы и не произошло.

Оден Хэстеин нахмурился. Он не привык, чтобы от его щедрых предложений отказывались. Да и, не зная всех обстоятельств, глядя со стороны, даже сам Кай посчитал бы себя настоящим глупцом.

– Подумай еще. Я уверен, ты поймешь, какая это возможность. Будет жаль, если такой талант в итоге отдаст себя шахте, – настойчиво

продолжил аристократ. И, не давая вставить и слова, добавил: – У нас в замке на днях будет ужин. Ты ведь помнишь?

– Да, – соврал Кай, в последнее время ему точно было не до чужих мероприятий. – Вы ведь устраиваете его каждый год, когда лед встает на озере. Как об этом можно забыть?

– Верно, но в этот раз мы затянули. Многие семейства города получили приглашения. Тебя зову лично. Поэтому отказа не приму.

Сказав это, Оден бросил на Кая красноречивый взгляд. Тот, задумавшись, все же кивнул. И Хэстеин сразу же направился прочь.

Кай тоже пошел к выходу. Он не имел желаний идти на этот ужин, но это было последнее празднество в его жизни. Событие, на котором соберутся почти все жители городка. Да и Герда обожала эти вечера из-за танцев и возможности надеть свое любимое красное платье.

Когда Кай задумчиво вышел на улицу, то увидел и вторую часть семейства Хэстеинов – мать с дочерью.

Кай встретился взглядом с Ханной – девушка была на год младше его, хотя образованна не по годам. Хэстеины не ограничивали образование дочери, каждый год к ней приезжал кто-то из учителей столицы, через некоторое время наставник покидал замок и ему на смену приходил другой. Немалую роль сыграла богатая фамильная библиотека. Время, когда Кай создавал портрет Ханны, стало глотком свежего воздуха. По крайней мере, ему было интересно послушать мысли человека, росшего в иной обстановке и не обремененного теми же социальными рамками, что и он.

– Кто из них тебе больше нравится?

Кай вздрогнул от внезапного тихого голоса. Его всего за мгновение кинуло в жар и в холод. Йенни словно появилась из ниоткуда. Хотя в ее случае это было вовсе не удивительно.

– Богатая или подруга детства? На твою руку столько претендентов, принцесса Кай.

Она склонила голову, пристально смотря на семейство Хэстеинов, в то время как они совершенно ее не замечали – солнце стояло высоко в небе, рассвет прошел, а до заката было еще слишком далеко.

– Говоришь так, будто тебе это интересно.

– Немного, – признала Йенни.

– Тогда почему нет третьего варианта? – поинтересовался Кай, с прищуром глядя на нее.

Она промолчала, хотя уголок губ дернулся вверх. Кажется, ей понравился его ответ.

– По крайней мере, аристократы, пришедшие на смену роду Бартрамов, достойны занимаемого ими положения.

– Значит, эта часть истории правдива? Священник говорил, что ты убила предыдущих владельцев замка, – вспомнил Кай.

– Не всех. Лишь отца и старшего сына, – небрежно отмахнулась Дева Льда. – Его дочери и младший наследник остались живы.

– И кем же из четверых, названных тобой, был глава семейства Бартрамов? – Кай вспомнил сказанное Йенни в башне церкви.

«Вор, убийца, насильник и жертва».

Ответа долго ждать не пришлось, но он стал неожиданностью для Кая:

– Насильник.

Кай сглотнул, не желая больше думать, какой смысл скрывался в одном-единственном слове.

– А жертва, это...

Йенни подалась к Каю – ее взор скользнул от шеи к его глазам. Ресницы, укрытые инеем, тоже качнулись вверх-вниз.

– Это ты, Кай. Как бы я ни желала предотвратить твою смерть, ты станешь жертвенным агнцем, принесенным в дар зиме.

«Я и так знал, мог бы и не спрашивать», – отведя взгляд, хмуро подумал он.

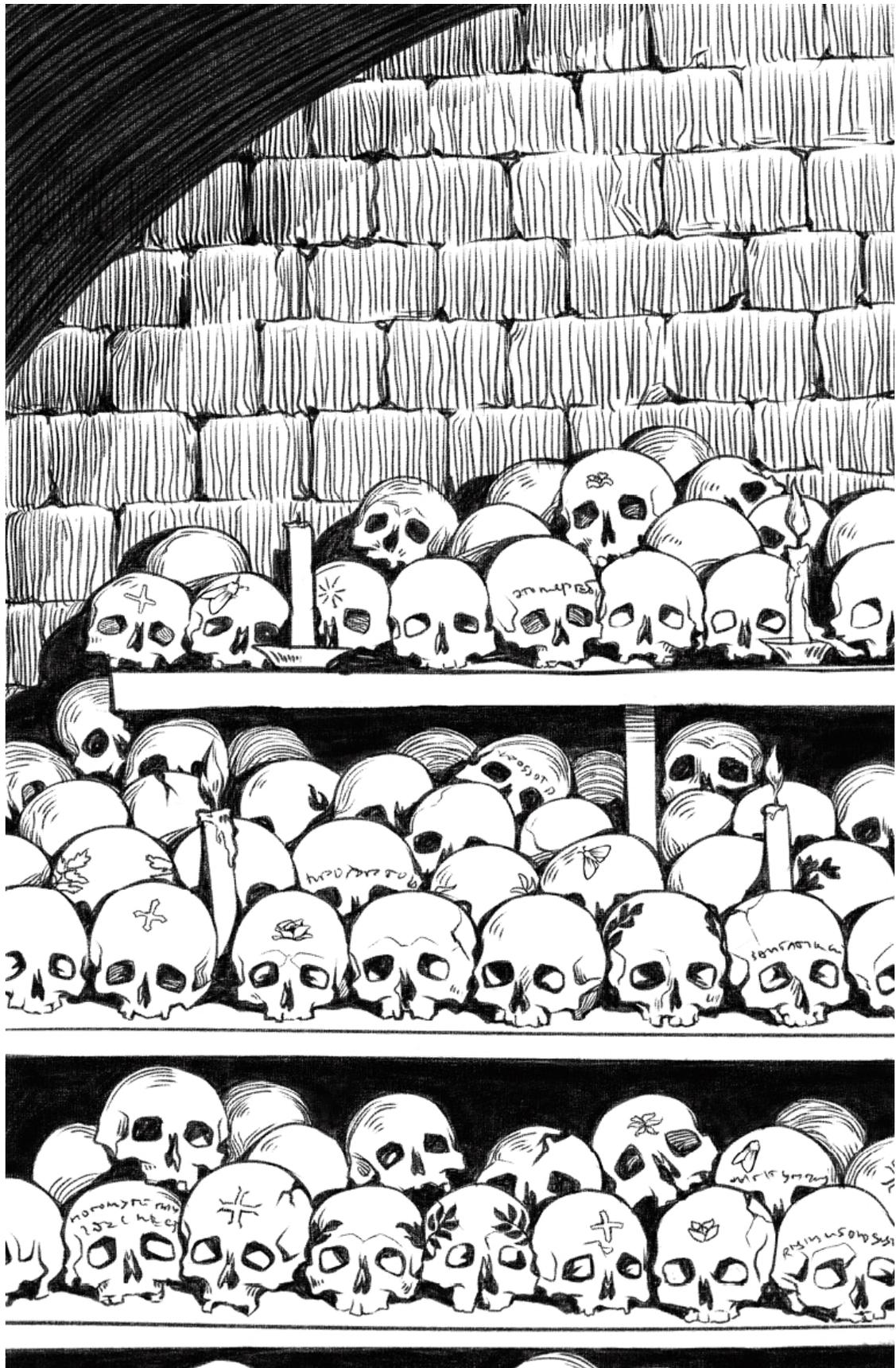
– Мне надо уйти на какое-то время, – вдруг сказала Йенни.

– Куда?

– Кое-где зимние альвы расплясались. Если их не усмирить, то сильно похолодает. И тогда... многие погибнут. – Последнее она проговорила с неохотой.

Кай кивнул.

– Пока меня не будет, не броди по лесам и горам. Особенно держись подальше от Малервега. И... от кустов с бузиной тоже.

– Почему от бузины? – Кай удивился, взглянув на нее. Про лес он слышал не раз. На то были причины. Йенни говорила, что под тенью тех деревьев жило слишком много природных духов, которые теперь были смертельно опасны для него. Дева истребляла их, но это пагубно сказывалось не только на природе, но и на ней самой. Кай видел перемены, но пока держал мысли при себе.

– У деревьев бузины крайне мстительные духи, и в округе живет один достаточно сильный, – откликнулась она, поморщившись от одного упоминания. – Если без спроса отломить ветвь, можно стать ее врагом.

– Ты сломала ветвь?

– Нет, ветку я не ломала, – покачав головой и растягивая слова, ответила Йенни и, прежде чем двинуться дальше, добавила: – Я нечаянно заморозила всю ее рощу...

Кай шумно выдохнул.

– Да, все логично. Как я мог ожидать от тебя иного?

– Я же сказала, что сделала это нечаянно!

– Я знаю. Но все, что ты делаешь, имеет определенный размах и налет несдержанности. – Кай совершенно ее не укорял, скорее подтрунивал, а брови Йенни все больше сходились к переносице. – Раз тебе приходится уйти, значит, духи сильно расплясались?

– Я должна разобраться с ними до того, как они достигнут озера. А двигаются они в его сторону.

– Это из-за Осколка?

– Отчасти.

«Но я уже завершил последнюю картину...» – пронеслось в голове Кая.

«Скажи ей», – потребовал внутренний голос.

– Поживи еще немного, – будто прочитав его мысли, проговорила Йенни и мимолетно коснулась его плеча.

Некоторое время они двигались по улочке городка молча. Когда Кай увидел дедушку Йона, который сидел на лавке у дома, уперев один конец трости в землю, а второй сжимая в руках, то на мгновение позабыл, что Йенни рядом с ним оставалась невидимой для остальных людей. Он неосознанно сделал шаг вперед, словно собираясь закрыть

Деву Льда собой. Но, вовремя опомнившись, больше ничем себя не выдал, а подойдя ближе, поздоровался со стариком.

Господин Йенсенн повернул голову, провожая Кая взглядом, но ничуть не меняясь в лице и ничего не произнося, а после вновь уставился в пространство перед собой.

– Этот старик... – щурясь, проговорила Йенни. Она обернулась, посмотрев на престарелого мужчину. – Где-то я его видела...

Кай немного удивился. Как он успел понять, Йенни обладала крайне избирательной памятью.

– А-а-а, – протянула она в следующую секунду. – Однажды зимой он гонял на улице детей, которые говорили про меня всякую ересь.

– Поэтому ты его и запомнила... – подытожил Кай скорее для самого себя и, забывшись, продолжил: – Господин Йенсенн не верит в истории о Деве Льда. И в тебя саму не верит. До удивления упрямый старик. Раньше мы смеялись, что он не обратит внимания, даже если что-то необычное окажется у него под носом... Йенни, не причиняй ему вреда и не забавляйся с ним. Он... хороший человек.

– Я и не думала, – фыркнула Ледяница.

– Я видел твое лицо.

– Мне всего лишь было интересно.

– Ты странно улыбалась, – отозвался Кай, хотя уже понял, что ошибся и неправильно истолковал намерения Йенни. Впереди уже виднелся фасад его дома.

– Если я улыбаюсь, это не каждый раз значит, что я хочу кого-то убить. – Ее голос зазвучал раздраженно.

– Знаю, – проговорил Кай, останавливаясь и разворачиваясь к ней. Под холодной маской равнодушия таилось куда больше человечности, чем можно было представить.

– Не допусти, чтобы Осколок Зеркала разума попал к кому-то другому, пока меня не будет, – сказала Йенни, видимо, прощаясь.

Взгляд Кая стал хмурым.

– Это значит «не умри, пока меня не будет» или «не умри, пока я сама тебя не убью»?

Взгляд льдистых глаз Йенни словно пронзал Кая насквозь. Способен был рассмотреть даже то, что Кай сам в себе заметить был не в силах. Но он знал, что это чувство давно стало обоюдным.

– Оба, – бросила Йенни хладнокровно. – Я думаю, оба эти варианта.

Давая обещание Йенни, Кай и не догадывался, как быстро нарушит его. Уже на следующий день вечером случилось непредвиденное – младший брат Петтера пропал в лесу, и все мужчины в городе отправлялись на его поиски.

В тот злополучный вечер снега тонули в оранжево-багровом закате, оттого тень гор выглядела еще мрачнее. Кай стоял у окна, наблюдая за быстро опутывающим все мраком, когда в его дверь дважды постучали. Кай не мог игнорировать всеобщие поиски. Многие жители знали, что он отлично ориентируется в лесу, не боясь бродить там в одиночку, поэтому в этот раз о нем вспомнили как никогда быстро.

Кай не боялся идти, скорее разрывался между обещанием, данным Йенни, чужими ожиданиями и желанием помочь. Эджилл был лишь подростком. А люди, которые пусть и редко, но пропадали в Малервеге, зачастую обратно не возвращались.

Даже Герда попыталась пойти с отцом, но была остановлена безапелляционным отказом матери, говорящей о том, что это мужское дело и нечего юной девушке соваться в лес ночью. Не дай бог еще и сама потеряется.

Слушая их споры, уже стоя одетым на пороге их дома, Кай размышлял о своем походе в лес. Не принесет ли его участие больше вреда, чем пользы? Альвы не всегда нападали на Кая, скорее это происходило волнами – каждую новую их попытку завладеть осколком разделяло время. Но последние разы были особенно настойчивыми, а он ничего не мог сделать, кроме как в случае опасности обратиться в бегство.

Почти ничего... Только мысли об этом вызывали у него головную боль.

Йенни не знала. Никто ничего не ведал. Разве что Сеятель догадывался и, возможно, именно поэтому проявлял к Каю интерес. То, что Кай искренне ненавидел, презирал и в то же время боялся, уже не раз спасало его жизнь...

Отгнав прочь путаные мысли, Кай молча принял из рук Герды уже зажженную лампу.

Вместе с господином Хаконем они вышли на улицу, все небо – луна и звезды – было плотно затянуто облаками, а лес, начинавшийся сбоку от соляной горы, нависал над Хальштаттом и светился на окраине десятками огней. И несмотря на пламя, Малервег выглядел словно бедствие, готовое вот-вот обрушиться на своих жертв.

Огни все еще стекались к его краю – каждый мужчина, вышедший на поиски в этот вечер, сжимал в руке лампу. Идти до леса было недалеко. По дороге господин Хакон успел рассказать, что младший брат Петтера вышел проверить силки. Он делал это десятки раз, но сегодня не вернулся.

Эджиллу было около четырнадцати. И на первый взгляд он сильно отличался от старшего брата. Он каждый раз добродушно здоровался с Каем – правда, только когда Петтер не видел, боясь вызвать его гнев. В остальных случаях Эджилл прятался в тени брата, кидая на Кая извиняющиеся взгляды.

Кай издали заметил Петтера. Тот стоял едва ли не в самом центре толпы собравшихся – пришло несколько десятков мужчин. В итоге было решено разбиться на группы в зависимости от того, насколько хорошо ориентировались в Малервеге. Успевшая опуститься на землю ночь была темна и холодна – в любое время мог пойти снег.

«Йенни могла бы помочь...» – подумал Кай, глядя на широкие спины идущих впереди. Его уже почти не удивляло, что он все больше полагался на нее. Он мог представить, как ее раздражает его просьба, но в итоге они все равно отправляются в Малервег вдвоем. Ведь Йенни злилась так часто... Она и от самой себя приходила в ярость. Клубок сплошных противоречий...

– Вот одни из его силков, осторожно, – вдруг раздался голос Петтера. Он указывал на петлю без добычи, свисающую с ветки невысоко над землей.

– Не топчите, – сказал господин Хакон, приседая на корточки и протягивая фонарь, чтобы осмотреть снег.

Взгляд Кая устремился к земле у ближайших деревьев – он заметил следы, стоило наткнуться на силок. И даже не будь света фонаря, они бы все равно не укрылись от его взора. Эти следы явно

принадлежали подростку – они были слишком маленькими для взрослого человека.

– Он проверил эту ловушку и, не найдя ничего, пошел дальше, – сказал господин Хакон.

– Побежал, – поправил его Кай. – У того дерева он сорвался на бег.

– Да? Острый у тебя взгляд.

Петтер тем временем стремительно приблизился к указанному месту, освещая участок снега фонарем. Если ранее следы были четкие, то теперь верхний слой снега у края оказался сдернут – идущий торопился и перестал высоко поднимать ноги при ходьбе.

Волчий вой прокатился по лесу, заставив господина Хакона поправить ружье на плече. Полный ужаса взгляд заметался по темным елям. Волки редко наведывались в эти края, и сейчас, внезапно услышав их вой, каждый, должно быть, предположил самое страшное.

– Давайте скорее, – поторопил их господин Хакон, идя по следу. К этому моменту они остались втроем: господин Хакон, Кай и Петтер. Кай бы предпочел, чтобы место последнего занял Йон. Но он ушел прочесывать лес с другой группой.

Кай чувствовал, как стучит его сердце.

«Духи природы живы, существуют каждое мгновение. Но люди разучились их слышать», – однажды сказала Йенни, а Кай вспомнил тех существ в озере, которых увидел за несколько дней до того, как зима окончательно завладела их краем.

Воспоминание заставило его остановиться, а сердцебиение точно замедлиться. Дыхание Кая стало звучать так громко, словно никаких иных звуков в мире не осталось. Он на мгновение прикрыл глаза, а когда вновь распахнул, то снег стал ярче, по белой глади то и дело прокатывалась волна перламутрового сияния, и над самой землей, словно Млечный Путь на небе, путеводной нитью висел искрящийся льдинками туман. И вел он в противоположную от оставленных на снегу следов сторону.

Кай направился к месту развилки, склонился, рассматривая снег, не потревоженный живым существом. Провел ладонью, не касаясь, а после, почувствовав напряжение на кончиках пальцев, надавил. Тонкий слой покрова провалился, являя след от обуви. Колдовство, не иначе.

Кай сглотнул. До этого момента он даже не понимал, что именно искал, какое-то смутное чувство вело его. Он посмотрел вслед удаляющимся фигурам. Господин Хакон и Петтер были далеко, и свет их фонарей уже не сиял столь ярко.

Поднеся к лицу свою лампу и подняв стеклянный колпак, Кай задул огонь, погружаясь в холодную зимнюю ночь. Он пошел дальше, шагнул в ледяное облако, мерно заколыхавшееся у ног. Совсем скоро Кай больше не мог различить огни фонарей в руках тех, кто вышел этим поздним вечером на поиски. Вокруг повисла глухая тишина, пока вдруг он словно не пересек некую границу. Раздался едва различимый треск. Он напоминал звук, что был слышен перед тем, как юноша провалился под лед на озере той зимой. Вечер, когда он едва не расстался с жизнью...

Кай расслышал крики.

Тонкий голос звал на помощь. Эхо разлеталось по древнему лесу и, слегка искаженное, повторялось вновь, словно сам Малервег глумился над мольбами о помощи. Голос, без сомнения, принадлежал Эджиллу.

Кай побежал. Снег оглушительно скрипел под ногами, ветер свистел в ушах. Он почувствовал, как его легкие начали гореть. Когда стволы елей словно расступились, он оказался на снежной поляне, где росло лишь одно покосившееся дерево, на тонкой ветке которого висел Эджилл. Он держался из последних сил, ноги молотили в воздухе, а внизу, прямо под ним, Кай увидел волка.

– Вот черт, – прошептал он, осознавая страшную истину: он так сильно беспокоился об альвах, что не думал о простых хищниках. Кай был беззащитен – ружье осталось у господина Хакона. Волки крайне редко забредали в их края, поэтому жители Хальштатта потеряли осторожность.

– Кай! – Чудом узнал его в этой тьме Эджилл и, хныча, срывающимся голосом прокричал: – Спаси меня! Помоги!

Зверь повернул морду. Кай только теперь заметил, что глаза волка светились в ночи! Кай вздрогнул – он различил раскатыстый рык в своей голове. Звук эхом отражался в сознании.

– Эджилл, я уведу его за собой, – крикнул он, не двигаясь. Кай знал: сделай хоть шаг, и волк нападет. На самом деле он не испытывал

той уверенности, что звучала в его голосе. Он успел понять: волк не был обычным.

– Кай! – повторился крик.

– Найди брата! Он рядом!

Волк развернулся к нему всем корпусом. Он не шел ни в какое сравнение с теми духами, которые прислуживали Йенни, уступая им в росте и наверняка в силе. Ведь у слуг Ледяной Девы глаза пылали, словно огни фонарей. К тому же была одна хорошая новость – тело этого существа состояло из плоти и крови.

Кай хотел закричать, сделать что угодно, чтобы привлечь внимание хищника к себе. Все его тело словно задеревенело от напряжения. Дыхание стало прерывистым и таким громким и тяжелым, будто он сам превратился в зверя.

«Видим... видим, что ты скрываешь. Отдай. Иначе мы обглодаем твои косточки одну за другой. Отдай его, и мы тебя пощадим», – этот голос был полон рычания и бульканья. Слова словно прорывались через слой воды, прежде чем достичь разума Кая.

Он побежал, больше не тратя время попусту. Вязнув в снегу, направлялся обратно в гущу леса, взглядом судорожно цепляясь за деревья. Ему не скрыться, но, может, хватит ловкости, чтобы, как и Эджилл, забраться на одно из могучих деревьев.

Он не останавливался, ощущая, как тело вмиг потяжелело. Ветви били по лицу. Кай оглянулся и различил серый силуэт среди деревьев. И это придало ему сил. Он издал злобный рык. Кай не позволит себя убить и не сдастся. В этот раз некому его спасти – значит, он спасет себя сам.

А в следующую секунду перед ним выскочил человек, и все окончательно пошло под откос.

– Черт... ты чего?.. – Петтер лежал на земле, кряхтя и потирая плечо.

– Ружье! Где ружье?! – вскочил Кай, кинувшись к нему. Времени совсем не оставалось.

– Чего? Какое... твою мать! – выругался парень.

Кай понял, что у Петтера ружья нет. Он и не помнил, было ли при нем оружие, когда они вошли в лес.

Взгляд Кая наткнулся на широкую толстую ветку. Он схватил ее за несколько секунд до того, как волк прыгнул. От веса звериной туши

Кай рухнул на землю. Зубы вгрызлись в ветку. Кай чувствовал силу мощных челюстей, противостоящих ему. Глаза волка по-прежнему светились, но из-под шерсти выплыл светлый огонек – альв зимы.

Ветка переломилась в руках Кая. Больше не осталось ничего для защиты.

Кай слышал крик Петтера, он звал на помощь и, кажется, искал что-то, что сгодилось бы в качестве оружия. Но, как назло, снег накрыл толстым слоем землю. Вокруг была лишь белизна и темные силуэты деревьев, вздымавшихся к небу.

Рык резанул уши, и Кай инстинктивно закрыл лицо. Зверь рванулся, теперь вместо дерева впиваясь в его руку. Треск разрываемой ткани, гортанный рык, морда с сияющими глазами и... звон, срывающийся на высокий, режущий уши скрежет.

Зверь со скулежом отскочил прочь.

В этот раз голос, прозвучавший в голове Кая, мало напоминал человеческий, но все же суть оставалась ясна. Волк кричал от боли. Что-то случилось с его зубами.

Кай, убрав руки, смотрел на него, не в силах отвести взора. Раздался выстрел – оглушительный, сотрясший с еловых ветвей пушистый снег, что закружил, словно падая с грузных облаков над головой. А в следующую секунду Кай схватился за локоть, подавляя вскрик. Что-то будто вгрызалось в его плоть.

«Тот альв...» – понял он, прежде чем холод растекся по венам, а после все прекратилось. Боль никуда не делась, но она не становилась сильнее.

Отец Герды промахнулся. Господин Хакон выбежал из-за деревьев, вновь заряжая ружье и делая еще один выстрел.

«Попал», – осознал Кай. Он не видел этого, но почувствовал, как вспыхнуло напоследок и погасло сознание зверя. Его дух растворился, рассеялся в окружающем мире, став одновременно всем и ничем. Кай до сих пор мало понимал, с чем именно столкнулся.

– Эджилл, ты как? – Петтер ощупывал брата, который стоял, пытаясь быть храбрым. Он выглядел бледным, а глаза до сих пор лихорадочно блестели от пережитого. Убедившись, что Эджилл в порядке, Петтер бросился к Каю.

Кай никогда не ожидал, что человек, превративший его детство в настоящий ад, будет так о нем печься. Он упал рядом на колени и

осторожно потянулся к его руке, пальто на которой превратилось в лоскуты. Но она как раз не пострадала, боль пульсировала в другой.

– Надо осмотреть.

– Кай, ты в порядке? – Господин Хакон тоже оказался рядом.

– Волк покусал его! Он так вцепился, надо остановить кро... –

Петтер замолчал на полуслове, его руки так и замерли – одна держала локоть Кая, другой он аккуратно сжимал кусок разорванного рукава, который прикрывал рану.

Кай понял, почему он остановился: крови не было и в помине. Кроме его одежды, ничего не пострадало, и под тканью была лишь невредимая чистая кожа. Если бы не разорванный рукав, можно было подумать, что на него и вовсе никто не нападал.

– Как... Как же... Я ведь видел... – повторял Петтер, едва двигая губами, и, уже не опасаясь навредить, сильнее сжал его руку.

– Повезло, – произнес господин Хакон, и на его лице расцвело радостное облегчение. – Тебе просто чертовски повезло! В рубашке родился, ей-богу!

Петтер, не слушая отца Герды, все еще смотрел на руку Кая. В конце концов тот потерял терпение и вырвался из его лап. У него не было ни сил, ни желания возиться с Петтером. Теперь былая вражда не имела значения, и Кай уж точно не собирался вспоминать о ней, когда ему остались считанные дни.

– Петтер, кончай уже. Пойдемте, надо успокоить остальных, пока никто не потерялся и тоже не натолкнулся на волков, – вставая, проговорил господин Хакон, его взгляд уже устремился туда, где среди деревьев лежало тело волка.

Он направился к нему под звук хрустящего снега и шелеста крыльев птицы, пролетевшей где-то рядом.

– Я видел, как он вцепился в тебя. После такого нельзя остаться невредимым, – процедил Петтер, которого за рукав тянул брат. Эджилл просил поспешить за господином Хаконем. Ему было страшно оставаться.

– Честно, мне абсолютно плевать, что ты видел. Я цел – и этого достаточно.

– Ладно. Главное, что никто не пострадал, – в итоге бросил Петтер, поддаваясь на уговоры брата.

Кай покосился на свою руку. От укуса такой силы любой другой бы остался без конечности. Но он... Волк не смог прокусить его руку, она вдруг оказалась настолько твердой, что зверь едва не сломал челюсть.

– Вообще, почему ты отделился? – обратился к нему господин Хакон, пока они выбирались из леса.

– Я... потерялся, – выдавил самое глупое оправдание Кай. – Пошел вас искать и наткнулся на Эджилла.

– А потом? – спросил Петтер. Эджилл шел рядом, не отставая ни на шаг от брата. Это было непросто, но Эджилл не жаловался. Он долгое время провел на том дереве и поэтому еле передвигал ноги.

– Волк бросился за Каем... Он отвлек зверя от меня, – немного оживился Эджилл. – Ты не испугался?

Кай прижимал к себе руку. Она совсем не болела, только слегка немела и ее покалывало. А еще будто вовсе не ощущала мороза, несмотря на разорванную ткань рукава. Словно Йенни вновь поцеловала его, одарив силой.

– Кай!

Он встрепнулся. Слишком задумался и просто забыл ответить.

– Испугался, – сухо признался он, отстраненно продолжая: – Я не мог не испугаться, ведь все боятся умереть.

В этот миг Кай думал о Йенни. О последних днях ее человеческой жизни, если быть честным. Одно дело – умереть внезапно, а совершенно другое – заблаговременно знать об этом и ожидать свою гибель. Теперь он проходил через нечто подобное. Но все же судьба Йенни виделась ему тяжелее – родные не предавали Кая. Им дорожили, а он сам шагал навстречу судьбе.

Кай и раньше чувствовал горечь, но сейчас испытал что-то глубокое, не поддающееся объяснению. Испытания этой ночи заставили его еще больше задуматься о своей судьбе.

– А почему вы разделились? – чтобы отвлечься от своих мыслей, спросил Кай, ему показалось странным, что господин Хакон и Петтер оказались порознь.

– Он услышал, как Эджилл звал тебя, и бросился, как оголтелый, в лес. Я уже стар, чтобы поспевать за молодыми, – бросил господин Хакон и нагнулся над трупом волка.

Алая влага успела растечься по снегу, наполовину растопив его. Кровь зловеще блестела в свете фонаря, отливая бордово-золотым, словно драгоценность. Глаза, сверкавшие голубым, сейчас наполнились лишь пустотой.

– Давно не видел волков в наших краях, – признал господин Хакон. Пробормотав безмолвную молитву, он качнул головой.

– Что могло его привести? – поинтересовался Кай.

– Черт знает. Голод? Нынче дичи в наших лесах достаточно. Но волки не охотятся в одиночку.

«Только не этот. Этот был другим».

Кая не отпускали остекленевшие глаза. Это существо скрыло свою жертву, убрав следы и, возможно... заглушив звуки? Каю вспомнился треск, после которого тишина исчезла, и он услышал Эджилла. Магия оказалась похожа на мыльный пузырь, который, не выдержав вмешательства, лопнул. Будь на месте Кая обычный человек, то брата Петтера бы не нашли. Его бы посчитали пропавшим без вести в лесу Малервег, как и людей до него.

Петтер склонился над зверем, заслоня морду собой.

– Не стоит задерживаться, – вновь поторопил их господин Хакон, поднимая взор к тяжелым облакам. – Холодает. Не ровен час, метель начнется.

Они направились к высокому камню, темнеющему у двухвековых елей, – месту сбора у края леса, оговоренному ранее.

Потребовалось время, чтобы все поисковые группы вернулись. Господин Хакон наказал Петтеру вести брата домой, а Каю отправиться вместе с ними.

Вот так втроем они шли к домам, встречающим их огнем газовых фонарей в конце улицы, ведущей в город. Их зажигали редко, в основном в праздники, с бережностью относясь к керосину, который приходилось доставлять сюда из Линца.

Первым делом Кай выхватил взглядом фигуру Герды, которая расхаживала туда-сюда, чтобы успокоиться и не кинуться в чащу Малервега. Кай прекрасно понимал, какие мысли царили в ее голове.

Там же находилось несколько соседских женщин и мама Петтера и Эджилла. Она, завидев сыновей, бросилась к ним, обнимая младшего, причитая и плача. Эджилл уверял ее, что он в порядке, и пытался выпутаться из объятий, стыдливо оглядываясь.

Кай отвел взгляд.

– Что с твоей рукой? – спросила Герда, воззрившись на разорванный рукав.

– Ничего, я в порядке. Расскажу чуть попозже. – Кай чувствовал себя смертельно усталым и не испытывал никакого желания отвечать на, без сомнения, возникшие вопросы. Кай увидел обиду на лице Герды. Она смотрела на него оскорбленно. – Герда... – Он хотел объясниться, постараться исправить ситуацию.

– Кай! – окликнул его Петтер.

Он обернулся к тому, кто не давал ему житья все детство. Петтер протягивал ему руку, словно предлагая перемирие. Кай неуверенно протянул свою в ответ. Его пальцы сжали так крепко, что кости затрещали.

– Спасибо, что спас моего брата.

– Думаю, ты бы сделал то же самое, – отозвался Кай, пусть и не был уверен в своих словах. Петтер вдруг шагнул к нему вплотную. Ушей Кая достиг едва различимый многозначительный шепот:

– Я все видел... – Все тело Кая напряглось, он вскинул острый взгляд, в голове пронеслось множество мыслей. Что странно, он совсем не вспомнил о ситуации в лесу, а подумал о Йенни. Неужели Петтер увидел ее и, самое главное, понял, *кто она*? – Волк сломал зуб о твою руку. Это из-за тебя. Я точно знаю.

Петтер отстранился, бросая на него брезгливый взгляд, прежде чем отвернуться и уйти к своей семье.

– Что он сказал? – спросила Герда, на время забыв о своей обиде.

Кай прикрыл глаза.

– Поблагодарил за спасение брата, – прозвучала очередная полуправда. – Герда, день был тяжелым. И я замерз. Пойдем домой, – сказал он и, не дожидаясь, побрел по улице.

Герда зашла с ним в дом, а после и в комнату. Кай упал в кресло и шумно выдохнул, запрокинув голову, – он вдруг почувствовал себя смертельно усталым. Словно нынешний день растянулся на несколько суток. На пальцах он ощутил кровь, она капала, стекая от самого предплечья. Все беспокоились за другую руку, на которой было разорвано пальто, и Каю это пошло на пользу. Кровь пошла не сразу, но, если бы кто-то попытался осмотреть вторую конечность, скорее всего юноша не смог бы скрыть рану.

– Герда, можешь поднести тазик и кувшин? – попросил он, с трудом открывая глаза. Герда кивнула – в этот момент она разжигала камин.

Кай прикрыл веки и вскоре услышал плеск воды.

– Откуда эта кровь?

Таз слишком рано отпустили, и он рухнул на пол, расплескав немного воды.

Кай вновь вынужденно открыл глаза, а после приподнялся и со слабым стоном попытался стянуть пальто. Наконец-то, не без чужой помощи, ему это удалось. Он избавился и от остальной одежды, пока не остался в сорочке – один ее рукав был изорван, а второй промок от крови. В этот миг он почувствовал себя полной развалиной.

– Ее тоже надо снять, – слышался тревожный голос Герды. Кай был с ней согласен. Заметив его задумчивый взгляд, она недовольно сказала: – Ох, Кай, я же не сахарная. Снимай, если надо.

Госпожа Летиция всегда тщательно следила, чтобы между ним и Гердой оставалось расстояние, приличествующее девушке и мужчине. Понимая ее переживания, Кай старался тоже его соблюдать. Но сейчас было не время вспоминать о приличиях, и волновало Кая совсем иное...

Он до сих пор не знал, видят ли обычные люди след договора на коже над самым сердцем. И в следующую секунду, когда Герда вскрикнула, получил ответ на свой вопрос.

Дерево мерцало, крона и корни разрослись. Верхние ветви касались его ключиц, извиваясь, словно вены на руке, а корни

достигали середины живота с левой стороны, как им и полагается, стремясь на большую глубину. По его груди словно разлили расплавленное серебро, что растеклось в причудливую форму.

Герда грязно выругалась. Кай никогда не слышал от нее столь бранных слов. Она хватала ртом воздух, и казалось, готова была задохнуться.

– Герда, дыши. Раз-два. Все хорошо. – Кай успокаивал ее без должного энтузиазма, зная, что вряд ли в этом преуспеет. Окажись он сам на ее месте, то, вероятно,отреагировал и того хуже. Но сейчас его не пугал ни знак, ни принятое решение. Прошедший год слишком сильно его изменил.

И дороги назад не было...

– Ничего... мать его, ничего не хорошо! – зло воскликнула Герда. Она в суеверном ужасе смотрела на его голую кожу, не замечая алой крови, до сих пор стекавшей по его руке к пальцам, а после капавшей на пол. – Скажи мне, что это, Кай?! Это... это ведь все она? Это ворожба...

– Как много ты знаешь? Что ты видела? – ровным тоном спросил Кай, медленно наклоняясь и смачивая кусок ткани в чистой воде. Тело плохо слушалось, сердце медленно билось, а дыхание было поверхностным и затрудненным. Кай никогда еще не ощущал подобную слабость. Она была абсолютно противоположна тому пиршеству силы, которое он чувствовал после поцелуя Йенни.

– Достаточно, – выплюнула Герда.

– Но все же, что именно? – Кай бросил на нее долгий взгляд. Для него это был важный вопрос, он наконец-то мог раскрыть подруге почти все карты. Времени оставалось мало, и ему немного требовалось скрывать.

– Прошлой зимой я видела, как она подглядывала в твои окна ночью...

Кай промолчал.

– С тобой стало что-то твориться, ты стал иным. Я поняла, что замешана *ведьма*.

Кай поморщился – ему резало слух, когда Йенни звали так. Герда это заметила и пришла в еще большую ярость.

– Боже! Как ты можешь? Она же чудовище! – всплеснула руками Герда.

Кай поудобнее повернул руку – как он и думал, рана была выше локтя. Ее края слегка потемнели, словно ему выжгли кусок мяса. Вот только, если бы это было так, кровь бы не шла. Тот природный дух словно намеревался залезть ему под кожу, и преграда в виде плоти его ничуть не волновала. Но у альва не вышло, а ближе к запястью, словно решив, что скрываться больше не имеет смысла, расправил крылья миниатюрный, не больше ногтя, белый живой мотылек. Его крылья сверкали, как свежий рыхлый снег под солнечными лучами.

– Герда, это не так, – засмотревшись на насекомое, мягко произнес Кай.

– Тогда как? Как, Кай?! Что мне думать? – Она почти кричала. Все эмоции, накопившиеся в ней за последние месяцы, нашли выход. – Ты запираешься, ничего не говоришь. Работаешь над этими чертовыми картинами, как затворник. И вокруг тебя постоянно происходит что-то странное, а белый кречет летает над домом. Что я должна думать? И что будет, когда ты завершишь эти картины? Что ты собираешься делать дальше? И что это за ужас на твоей груди? И подожди... эта цепочка с кольцом...

Она затихла, только сейчас узнав украшение, что висело на шее Кая. Пусть Герда не была подругой Дорты, но в городе, где не так много сверстников, не общаться с ними казалось просто невозможно.

– Я завершил картины. – Фраза прозвучала словно камень, брошенный в безмятежную гладь озера: удар, оглушающий в тишине плеск и вновь безмолвие.

Прошло несколько ударов сердца, когда беззвучие нарушил треск ткани, – Кай, вытерев всю кровь, пустил и без того испорченную сорочку на лоскуты, теперь пытаюсь сделать перевязку.

Одной рукой получалось неважно.

Герда крепко сжала челюсти, с какой-то мрачной решимостью шагнула к креслу и, с гневом прижав один край лоскута к ране, отчего Кай вновь поморщился, другой выдернула из его пальцев и принялась обматывать его руку.

– Полегче.

Каю послышался скрип зубов. Хотя, скорее всего, это он и был.

– Я не мог тебе рассказать все по двум причинам...

– И каким же?

Боль вновь пронзила его руку.

– Во-первых, это была не моя тайна. – Кай ощутил, что ответ Герду не удовлетворил. – А во-вторых... – Он повернул голову, посмотрев на нее. – Ты бы попыталась меня остановить. А у меня просто не было времени на ссоры. Я должен был завершить эти картины.

– Ты полный эгоист, Кай Ларс!

– Пожалуй, это так, – покорно согласился он. Не было смысла отрицать.

Повисла тягостная тишина. Герда закончила перевязку, но руки не убрала.

– Почему у тебя не было времени на ссоры? Ты сказал так, будто у тебя его осталось мало...

Каю даже отвечать не потребовалось. Хватило лишь взгляда, чтобы все стало понятно.

– Почему? – сухо прошептала она.

– Я не случайно выжил в ту метель. Это ведь и звучит невозможно. Извозчик и молодая женщина замерзли насмерть, а годовалый ребенок не пострадал.

– Ну и что? Кому какая разница?! – в сердцах сказала она.

Кай сглотнул. Об Осколке рассказать он точно не мог. Весь смысл жизни Йенни заключался в защите Зеркала, и она многое сделала для его охраны. Дева и убить могла, чтобы вновь похоронить это знание среди людей. За эти дни, проведенные вместе, он стал понимать ее гораздо больше. Почти у всех ее поступков имелись причины. Даже у тех, что на первый взгляд казались лишь актом жестокости. Когда на кону стоит подобное могущество, то по сравнению с ним человеческая жизнь ничего не стоит. В людском мире находились и менее уважительные поводы для войны. А что до мира богов...

– Герда. – Кай на мгновение поджал губы. Он не знал, как сказать ей об этом. – Возможно, настала пора покориться судьбе, раз с самого начала я должен был умереть...

– Что?! Нет-нет-нет! – Она смотрела на него с огнем в глазах и продолжала повторять: – Нет, нет, нет!

А после, сама не понимая, что делает, вдруг с размаху дала ему пощечину. Хлесткий звук отразился от стен.

– Я тебя ненавижу. Ты все сам решил! – Герда глядела на него с недоверием, будто увидела в Кае нечто такое, чего раньше не

замечала. – Тебе плевать на остальных! Плевать на всех людей, что о тебе заботятся! Тебе плевать на меня!

– Герда, это не так, ты ведь знаешь. Мы выросли вместе...

Кай хотел отыскать слова, способные передать, что он чувствовал к Герде. Она была для него сестрой, ныне самым близким человеком на свете. Кай даже не хотел представлять, какой была бы его жизнь, если бы они не познакомились тем летом в садике роз. И все это время, желая завершить картины, он также берег Герду от боли. Иначе последний год превратился бы в крошечный ад.

– Ты сам все решил! А теперь просто ставишь меня в известность. Это из-за ведьмы? Это она собирается тебя убить? Почему ты так спокоен? Как ты можешь?! – Слова Герды звучали как снаряды. Возможно, они ими и были – Кай ощущал каждый их удар на себе.

Но что он мог сделать? Возможно, лишь извиниться. Хотя просить прощения за собственную скорую смерть казалось слишком драматично.

Три полотна стояли у стен, прикрытые тканью. Герда бросила на них взгляд.

– Почему ты так заикнулся на этих картинах?! Только если бы... Только если бы ты никогда не взял в руки кисть! – Она все же договорила это. Сказала то, что всегда вертелось у нее на уме. – *Было бы гораздо лучше.*

– Герда... – Кай едва вновь не начал оправдываться, пытаюсь сгладить ссору, как делал это все прошедшие годы. Но внутри словно что-то перевернулось, и он понял, что должен это прекратить. Голос его похолодел. – Я больше ничего не скажу. Ты не права сейчас. Думаю, ты это и сама понимаешь.

Возможно, ему стоило поступить иначе, но терпеливо молчать Кай больше не мог. Герда попятилась, глядя на него так, словно он предал ее. Мгновение, и она бросилась к выходу, исчезнув в проходе. Кай попытался ее остановить, но тело толком не слушалось, он лишь вновь расплескал воду из таза, прежде чем рухнуть обратно в кресло.

Голова гудела. В ней словно звучали церковные колокола, и эти чертовы колокола сводили его с ума. Он сам не понял, когда заснул. Сознание уплыло, и он провалился во тьму.

Герда

В глубине души она знала, что так и будет. Кай потеряет себя и будет достаточно глуп, чтобы пойти навстречу гибели. Герда понимала, что он умрет. И знала, кто отнимет его жизнь.

Ее безумно злило его спокойствие. Да, он устал, но все же...

Вернувшись домой и поднявшись в свою спальню, она сделала то единственное, на что была способна. Руки тряслись, сердце билось, как безумное. Но она вновь открыла ящик комода, уже в третий раз доставая волшебный гребень. Раскрыв платок, Герда увидела маленькую трещину, рассекающую основание, – дар Матери Бузины вновь терял силу.

Это стало ударом под дых. Тело кинуло в жар и тут же в холод. Уже дважды Герда использовала свою кровь. Истратила уже три года своей жизни, и следующий раз будет стоять ей целых четырех лет. Готова ли она принести в жертву столько времени?

«Первая капля – один год жизни, вторая капля – два, а третья – уже четыре...» – пронеслись эхом в ее голове слова старухи.

«Целых семь лет... Это очень много. Почти вся моя юность», – подумала Герда, и ее сердце дрогнуло.

Руки замерли. Решимость покинула ее, и какое-то оцепенение и принятие завладело душой.

«Я не могу принести эту жертву...»

Подумав об этом, Герда посмотрела в окно. Там ее встретила зимняя ночь, темнеющие силуэты гор и вновь луна, слегка прикрытая облаками, но все равно серебрящая все своим светом. Но кое-что не вписывалось в общую картину – кусок ткани, что исполнял роль занавески, сейчас трепыхался снаружи, окно комнаты напротив было приоткрыто. Порой ветер поднимал отрез материи настолько высоко, что можно было разглядеть происходящее внутри. Герда жадно уставилась в окно, рассматривая фрагментами видимую ей комнату Кая.

Он по-прежнему находился в кресле. Кай уснул, запрокинув голову и вытянув ноги. Иссиня-черные волосы небрежно свесились – они отросли, но Кай, словно в протест, больше не использовал ни одну из подаренных Гердой лент.

Все оставалось без изменений, кроме распахнутого окна. В этот момент край тряпицы зацепился за выступ крыши. И в следующее мгновение, присмотревшись, Герда осознала: что-то не так. Она даже

не сразу поняла, что именно, лишь когда вновь обратила внимание на волосы Кая, заметив, что они словно касались чего-то. Чего-то невидимого...

Герда опустила руку, пальцы дотронулись до высохшей деревянной поверхности гребня. По ее коже прошла волна обжигающего тепла, что поднялась по руке, достигла плеча и шеи, опалила ее щеки и сделала что-то с глазами, словно Герда слишком долго не прикрывала веки, отчего глаза высохли и начали слезиться.

Сморгнув влагу, Герда увидела ее. Мерцающий силуэт Снежной Ведьмы. Она стояла позади Кая, обойдя кресло, на котором сидел юноша. Склонившись над ним, будто в желании обнять, она положила руки на его ключицы.

«Что происходит?.. Она околдовывает его!» – решила Герда.

Она сглотнула, все ее естество сгорало в огне. Еще мгновение назад тело Герды тряслось от негодования и страха, ныне оно дрожало от неукротимого гнева.

Пальцы Ведьмы скользнули по руке Кая от плеча до локтя и будто запнулись о наложенную Гердой повязку. Несколько секунд магическое существо не двигалось, напоминая фигурку из белого фарфора. На какой-то жалкий миг Герда пожелала поверить, что происходящее – всего лишь ее сон.

Но тут руки Ведьмы заскользили обратно вверх, коснулись шеи, а после легли на скулы Кая. А в следующую секунду она поцеловала его. Подарила поцелуй так легко, будто делала это десятки раз. Она и обнимала Кая, словно он давно принадлежал ей.

«Так быть не должно...» – пронеслась яростная мысль, и она крепче сжала в ладони гребень. Так сильно, что, опомнившись, испугалась, что сломала его.

А придя в себя окончательно, быстрыми шагами подошла к окну, но перед тем, как уйти, закрыв шторы, успела увидеть в просвете треплемой ветром ткани еще одну сцену, поразившую ее. Нет, Ведьма больше не целовала Кая. И, вероятно, он еще спал, но сейчас его голова была склонена, прижимаясь к ладони Ведьмы, словно он сам потянулся к ней за лаской.

«Будто нес...» – Герда резко задернула шторы, повернулась спиной, прижимаясь к ткани и шумно дыша.

Подняв руку, Герда вновь посмотрела на гребень – иссохнув, дерево посветлело, жилки листиков и цветов бузины почти утратили мелкие детали.

Она вернулась к комоду. Перед глазами стояла увиденная сцена, и Герда поняла, что больше в ее действиях не будет сомнений. В голове проносился разговор с Каем этим вечером. Если бы он о ней по-настоящему заботился и думал, то рассказал бы все еще прошлой зимой. В то время, когда все только начиналось.

Герда впала бы в отчаяние, если бы ничего нельзя было изменить, но ей повезло, она способна была повлиять на ситуацию. Ведь если Кай не будет помнить о Ведьме, то все вернется на круги своя, он станет прежним. И забудет, как собирался умереть. Может, тогда он не погибнет, а если все же будет в опасности... То можно вновь заключить договор с Матерью Бузиной. Она в силах помочь им обоим.

Прокручивая эти мысли в голове, не желая думать о том, что еще недавно заставило ее отступить, Герда уколола палец.

«Этот раз последний», – пообещала она себе, точно зная, что теперь сдержит данное слово.

Капля крови упала на дерево. Гребень, вспыхнув, вернул себе первозданный вид, а Герда замерла, прислушиваясь к себе и ожидая. Открыв ящик, она достала небольшое зеркальце с длинной ручкой и заглянула в него, внимательно рассматривая кожу на своем лице. Но ничего не происходило, лишившись этой зимой семи лет жизни, она оставалась прежней.

Может, она и вовсе не постареет, лишь проживет меньше? Годами старости расплачиваться легче, чем тем, что она имела ныне. Герда выдохнула, возвращая зеркальце в ящик и закрывая его с легким хлопком, а после взглянула на вновь восхищающий своей красотой гребень. Ни у кого ни в городе, ни в Линце на рыночной улице она не видела чего-то столь изящного.

Решительно вновь завернув гребень в тряпицу, Герда не вернула его в комод, где все время хранила, а спрятала в карман юбки, готовая использовать в подходящий момент.

Когда Кай распахнул глаза, то увидел перед собой неясный силуэт. Рассеянный свет ночного светила проникал через окно и будто погружал комнату в туман. Он вновь прикрыл веки, словно и не заметив, что в комнате не один.

Но прикосновение холодной ладони с бархатистой кожей к своему лицу Кай точно проигнорировать не мог.

– Хм, – протянул задумчивый и серьезный девичий голос, а после та же ладонь слегка шлепнула Кая по щеке и, не получив никакой реакции, повторила это еще несколько раз – с каждым разом пощечины звучали все звонче.

Но за мгновение до очередного удара Кай перехватил ее запястье.

– Йенни. – Взгляд ярко-голубых глаз, в которых виделись льды севера, устремился к Деве Льда. От нее веяло прохладой гор. На щеках мерцали крупинки снега.

– Что? – Рассеченная бровь невозмутимо изогнулась. Как обычно, она и не думала о раскаянии. А Кай почувствовал гуляющий по комнате ветер, который благодаря распахнутым окнам стал здесь хозяином.

– Как все прошло? – почти шепотом спросил он, ослабляя хватку на ее руке и проводя взглядом массивное золотое кольцо на ее пальце. Около украшения реальность слегка искажалась – в нем определенно таилась магия. Обычную безделицу Йенни наверняка бы носить не стала.

– Сносно.

Одно это слово из уст Йенни несло больше смысла, чем любое другое. Дева своих слабостей не признавала. Обычно она бы сказала: «Я их всех уничтожила». При этом небрежно пожала бы плечами, будто это ей ничего не стоило. Но раз прозвучало слово «сносно», то, скорее всего, оно несло в себе смысл: «Дело дрянь».

Что ж, Кай это подозревал.

– Рад, что ты вернулась, – проговорил он. Его затылок лежал на спинке кресла, а Дева стояла прямо позади, смотря на него сверху

вниз. Ее глаза сверкнули, и она подалась к нему, прикасаясь кончиками пальцев к скуле, ближе к шее, а после спускаясь вниз по руке.

– Откуда? – Голос прозвучал требовательно, не утаивая гневные нотки. Кай коснулся повязки и ее прохладных пальцев.

– Природный альв.

– Напал на тебя здесь? В твоём доме?

– Нет... Это случилось в Малервеге.

Вспышка белоснежного света была мгновенной. Обращение в лед оказалось столь внезапным, что на секунду в комнате стало светлее, чем днем. Кончики волос Кая покрылись инеем. Шумно втягивая воздух, он сжал челюсти от боли – Дева слишком крепко схватила его руку. Белесые, как мутный лед, ногти впились в его кожу.

Йенни стремительно ослабила хватку, увидев на кончиках своих пальцев кровь.

– Итак, почему ты был в Малервеге, Кай? – Голос звучал пугающе умиротворенно.

Она обошла кресло, села на подлокотник, опустив ступни между ног Кая. Сложила руки на груди, а капельки крови блестели на ее ногтях ярче любой краски на свете. Но раны на коже Кая почти сразу перестали болеть и уже заживали. Взгляд его сначала обратился к повязке, которую наложила Герда, и после остановился на губах Девы.

– Брат Петтера потерялся, – промолвил он.

– И как это касалось тебя?

– Я не мог не помочь.

– Хм... – Йенни прикрыла веки. – И пока ты бродил по лесу, на тебя напали.

– Я жив.

Кай всем телом потянулся через свободный подлокотник, находя на табурете неподалеку остатки своей рубашки. Знак договора на его груди – дерево с запутанными корнями и ветвями – сиял как никогда ярко. Возможно, из-за близости Йенни.

– Верно. Тебе нельзя было умирать. – Порой ее речи звучали столь эгоистично. Но к этому Кай уже давно привык.

– Верни человеческую форму. – Его голос звучал спокойно, даже буднично.

Йенни обратилась мгновенно и не задумываясь. Алая влага на ее пальцах осталась. Магия и смена формы никак не повлияли на кровь.

Словно клеймо, от которого легко не избавишься. Кай вновь наклонился, слегка окуная край тряпицы в воду в тазике, и взял испачканную руку Йенни, чтобы вытереть ее пальцы.

– В лесу мы наткнулись на живого волка, но глаза у него сияли, почти как у твоих духов.

– Сияли так же? – со скептицизмом спросила она.

– Гораздо слабее... Если ты об этом. Никто и ничто не посмеет сравниться с Льетольвом, Гуннульвом и Рунольвом, – проявил чудеса своей памяти Кай, назвав имена зверей.

Йенни кивнула:

– Дикие животные имеют определенную связь с альвами. Они соседствуют друг с другом много лет. Редкие природные духи обретают хоть какую-нибудь форму, не говоря о том, чтобы получить полноценное сознание. Но с веками, увеличив свою силу, проникать в тело зверя альвы становятся способны. Они поступают так, потому что сами бесплотны.

– Значит, это не последний... – Кай улыбнулся.

– И что тебя веселит? – нахмурилась Йенни.

– Да так... Ты помнишь, как все начиналось той зимой? В ту встречу, когда ты застала меня за зарисовками. Должен признать, я был околдован. Ты казалась далекой, какой-то ненастоящей. Кажется, я готов был начать тебе кланяться.

– И что изменилось? – подняла брови Йенни, не разделяя его ностальгии.

– Все, – проведя пальцем по тыльной стороне ее ладони, признался Кай. – Все поменялось.

Повисло молчание. А Кай все смотрел на Йенни – ее глаза с самого начала показались ему слегка потускневшими. Если не присматриваться, и не заметишь, но Кай давно обратил внимание на это, особенно увидев изменения в ее ледяной форме – в ней было меньше силы. Не яркое пламя, а угли, которым не хватает воздуха разгореться ярче. Дева использовала много своей магии в последнее время. Он уже не раз замечал в ней эти перемены. Происходили они все чаще. А в памяти Кая до сих пор было живо воспоминание детства и их самая первая встреча – холодное тело на снегу и стеклянный взгляд. Йенни выглядела как труп, истратив все свои силы.

– Я не изменилась, – отозвалась Йенни, ее радужки холодно блеснули, и вдруг она добавила: – Мои цели не менялись веками, и пренебрегать защитой Зеркала разума я не стану... Даже ради себя.

«Именно поэтому ты стала тем, кто ты есть. Защитницей Зеркала разума».

– Насколько это угрожает Хальштатту?

– Людям? – Она изогнула бровь.

– Да.

– Кто-то может и пострадать, – задумчиво протянула Йенни.

– Тогда сделаем все завтра. После того, как покрою лаком последнее полотно. Иначе меня ждет болезненная смерть с истерзанной грудью и поломанными ребрами, а тебя – истощение.

Повисла краткая тишина. Йенни подалась к Каю, разглядывая, будто пытаясь понять, насколько велика его решимость.

Дева резко поднялась, шагнула в глубину комнаты и, стоя к нему спиной, коснулась деревянной рамы зеркала-псише. Задумчиво качнула ее пальцем.

– Я готова буду тебя убить...

Линии на ее руке слегка замерцали, но она так и не шелохнулась. Кай подозревал, что повернись она, то сожаления на ее лице он бы не увидел, лишь твердое намерение осуществить задуманное. Йенни скрывала не свои эмоции, скорее, она не желала видеть эмоции Кая.

– Покончим с этим, – добавила Дева. Вместе с ее словами снаружи раздался глухой грохот. Кай уже слышал этот звук – так срывались ледники с высоких, отдаленных от Хальштатта гор. Прошло несколько минут в тревожном молчании, прежде чем Дева Льда, словно очнувшись, вздрогнула и повернулась.

– Покажи мне. Покажи, что получилось, – кивнула Йенни на готовые полотна.

Кай улыбнулся, рывком поднялся с кресла. После поцелуя Йенни силы окончательно вернулись к нему. В тишине он приблизился к первому полотну, отодвигая в сторону ткань. Сердце Кая трепетало, он и не думал, что будет так тяжело показать картины кому-то впервые. Словно душу раскрыть нараспашку.

Темные краски занимали большую часть холста. Серо-синие, местами черные, с вкраплением ярко-голубых оттенков. На картине царила зима. И выбранные цвета оставляли на душе печать трагедии.

Йенни ничего не сказала, глядела долго и молчала. Взгляд ее был мрачен, а серебряные линии на руке мерцали – морды волков то и дело приходили в движение. Прошло некоторое время, прежде чем она сама подошла ко второй картине. Но была остановлена Каем – он хотел самостоятельно показывать свои творения. Дева молча отступила, принимая его желание. А Кай благодарно прикрыл на мгновение глаза, прежде чем убрать следующий отрез ткани.

Второе полотно пробудило чувства Йенни, которые отразились на ее лице. Она бросила быстрый взор на Кая, и ему почудилась в ее глазах боль. Но это было невозможно. Великая Дева Льда не сострадает, не испытывает сожалений и боли, знает лишь жестокость и приносит только смерть.

По крайней мере, именно так говорят люди...

Люди многое болтают, только вот правду не всегда.

Настало время для третьего полотна. Оно было особенным, единственное из всех пестрело яркими красками. Кай знал, что не все выбранные им оттенки отражали реальность. Но раз своими глазами он видел мир иначе, то и менять то, что видел, не считал верным.

Последняя картина вызвала сложную смесь чувств на лице Йенни. Она подошла ближе, даже коснулась поверхности холста – аккуратно и трепетно. Кай в этот миг затаил дыхание, пронеслась пугающая мысль: *«Она уничтожит полотно»*. Вот только своих подозрений Кай устыдился в то же мгновение. Эти картины слишком многое значили для него, и Йенни это понимала. Понимала, возможно, лучше всех на свете, пусть и не говорила вслух.

– Спорно. – Прозвучало первое слово за долгое время. Йенни убрала руку и попятилась от картины.

Повернулась за пару шагов до того, как натолкнулась бы спиной на Кая. Положила руку ему на плечо. И больше слов в тот поздний вечер не прозвучало вовсе. Все началось с поцелуя, на первый взгляд он мог показаться невинным, но вовсе таковым не являлся. Кай потерял ощущение реальности после него, вместе со сладостью его пронзила пьянящая сила. Зачем Йенни вновь тратила на него свою силу, он понял не сразу. Прежде чем осознал причину, подумал, что его сердце остановится от этого холода. Когда его разум прояснился, Дева мучительно медленно покрывала поцелуями его шею. А после прижалась всем телом, пока ее пальцы создавали неведомые узоры на

его коже. Мороз расчерчивал спину Кая, сердце и правда почти не стучало. Но он этого не замечал, обхватывая талию Йенни, касаясь ее тела, а после чувствуя ее ноги на своих бедрах. В холоде он отыскивал крупицы тепла лишь для себя. Столь же необычные, как и он сам.

Его взгляд коснулся зеркала. В отражении ткань платья Йенни сминалась под его пальцами. Если бы она знала, насколько нежно и обманчиво беззащитно выглядит в этот момент, то разбила бы это стекло вдребезги. Кроме нее, Кай будто не видел ничего, не обращал внимания на свои глаза, сиявшие льдом, и то, как использовал силу Йенни, напитавшую его тело, как свою, увлекая ее к кровати.

Первым стал холод, пронзающий сотней иголок, из-за него Кай не мог дышать. Задыхаясь, он распахнул глаза и увидел зарево рассвета за горами. Сжав руку в кулак, понял, что схватил снег, который оказался повсюду. Зимняя сонная тишина Малервега убила остатки сна. Кай перевернулся, медленно приподнимаясь. Голые ноги обжигал снег.

Кай был одет лишь в рубашку и брюки, и он находился здесь один, за исключением туш волков, раскиданных тут и там. Их шерсть потемнела, будто они залезли в сажу. Кай бы так и подумал, если бы даже белки глаз существ не стали черными.

Он судорожно сглотнул, а его пальцы внезапно наткнулись на нечто, спрятанное под снегом. Ухватив, он вытащил наружу засохший стебель, а следом и бутон с увядшими, почти сгнившими листьями. Только разглядев белую розу, Кай в первое мгновение застыл, а придя в себя, откинул ее прочь.

Он помнил, что происходило ночью накануне, и точно не рассчитывал поутру оказаться не в своем доме, а в Малервеге, одетым слишком легко для наступивших холодов.

Бросив последний взгляд на потемневшие туши волков, Кай обхватил себя руками и побрел к городу, надеясь, что в это воскресное утро жители Хальштатта будут слишком ленивы, чтобы открыть глаза и посмотреть в окна. Солнце едва взошло, и многие все еще спали в столь ранний час.

Ему повезло. По крайней мере, он не встретил ни одного человека на своем пути. До того, как Кай сумел дойти до дома, ступни и пальцы едва не посинели от холода. Аккуратно поднимаясь по деревянной лестнице на свой этаж, он не чувствовал ног.

Стоя у двери, он опустил руку в карман, вытаскивая ключ. Прошедшая ночь казалась все более странной. Перед тем как покинуть дом, Кай не только оделся (ведь он прекрасно помнил, что в эту ночь спал без одежды), но и взял с собой ключ.

«И почему только обуви нет?..» – подумал Кай, аккуратно отпирая замок.

Дверь удивительно бесшумно отворилась. Внутри царила полутьма, солнце едва-едва проникало из-под тряпицы на окне. Свет чертил две дорожки по полу с обеих сторон от занавески. Минуя полотно, камин и затрагивая постель Кая, он касался изящной ноги Девы Льда. Тело Йенни было тусклым, символы на руке едва мерцали. Вчерашний поступок – она влила в него больше своей силы, чем делала когда-либо, – давал о себе знать.

Она будет спать, пока запаса силы в ней не станет больше. Время было еще раннее, поэтому Кай просто лег, занимая крохотное пространство на своей стороне кровати, предназначенной лишь для одного.

Необычное чувство посещает, когда совершаешь привычные вещи в последний раз. Даже когда это то, что ты никогда не любил делать. Нынешняя же воскресная служба в церкви помимо того, что являлась для Кая последней – больше приходить в эти стены он не сможет, – отличалась от десятков служб до этого.

Кай поболтал с Йоном, который, на удивление, с самого утра находился в приподнятом настроении и то и дело искал в поверхности подсвечников и других металлических предметов свое отражение – его недавно подстригли, но, будто не уверенный в результате, он разглядывал свои волосы. Его дед, не открывая глаз, словно пребывая в глубокой молитве, переместил свою трость, судя по скривившемуся лицу друга, прямо тому на ногу. Сестра Йона часто улыбалась, а даже когда не делала этого, все равно чувствовалось ее веселое расположение духа. Даже проповедь читал отец Уильям, а его сын Герхард стоял сбоку у стены. Отец Уильям был уже в возрасте, поэтому выступал перед прихожанами лишь по особым случаям. В какой-то момент Кай осознал: многие сегодня слишком радостны по сравнению с другими днями. Лица выглядели оживленными, и люди торопились, словно боясь куда-то опоздать.

Кай осмотрелся, заметив внимание Петтера к себе. Тот не сводил с него взгляда, сидя на пару рядов позади. Брови Кая вопросительно поднялись. Петтер перевел взгляд на священнослужителя, и Кай выдохнул, ощутив мимолетное напряжение. За несколько лет он четко уяснил: Петтеру нельзя показывать свою слабость. Сочувствия не получишь, а скорее получится наоборот. Он будет знать, куда целиться. Эта мысль вызывала у Кая слабое беспокойство. Впрочем, оно и вполнину не было таким сильным, как если бы подобная ситуация произошла еще летом.

Семья Герды сидела в соседнем ряду. Все трое молились, и, в отличие от остальных прихожан, Герда выглядела как обычно. Это стало самой большой странностью из всего, что заметил Кай в это утро. Он прекрасно помнил, в каком настроении Герда накануне

покинула его дом. И, зная ее и обстоятельства, несложно было предположить, что, наоборот, *так, как раньше*, быть не должно.

Кай поверил бы гораздо больше, если бы Герда, не боясь церковных стен, с порога накинулась на него с ругательствами. Может, даже ударила или, что хуже, встретила молчанием и перестала замечать. Но ничего из этого не случилось, она приветливо поздоровалась, даже помахала рукой, одетая в свое любимое красное платье, от которого у Кая постоянно слезились глаза – он не мог на нее долго смотреть, чувствуя резь и сухость.

В какой-то момент, вовремя не отведя взгляда, он моргнул, ощущая влагу, что покатилась по щекам. Кай опустил голову, услышав в тот же момент, как проповедь отца Уильяма коснулась людских слез. Видимо, его слезы стали вдохновением для речи священника.

Когда служба подошла к концу, Кай вдруг понял, что именно стало причиной радостного настроения большинства жителей – званый ужин в замке Груб, который устраивала семья Хэстеинов. Прежде чем окончательно завершить воскресную встречу, отец Уильям пожелал всем провести прекрасный вечер, но вместе с тем не забывать о приличиях.

А Кай поморщился, ему словно ведро ледяной воды на голову вылили. Он помнил о празднике на том берегу озера, но не осознавал, что мероприятие состоится уже сегодня. Время пролетело так быстро, что он не заметил.

Перед тем как покинуть церковь, Кай подошел к фреске, над которой работал почти два года. Божественные лики обрамляли золотые линии. Он смотрел на свою работу, зная, что после его смерти его творения будут жить, и это главное.

Уже направляясь к выходу, он вновь столкнулся с Герхардом – священник будто намеренно ждал его у дверей, за которыми начиналась метель.

– Кай, слышал, ты пострадал вчера? – спросил он, намекая на нападение волка. Знал бы он о том, где проснулся этим утром Кай, говорил бы иначе. Был бы он в курсе его отношений с Йенни, так и вовсе не сказал бы ему и слова. Наверное, Каю бы пришлось бегством спасти свою жизнь. Хотя ныне спасти ее уже не имело смысла.

– Все обошлось, – проговорил Кай, неосознанно смотря на священника таким же внимательным взглядом.

– Петтер утверждает, что волк укусил тебя. Вгрызся в руку.

«Как и ожидалось...» – промелькнула усталая мысль.

– Он правда так сказал? Вы уверены? – поразился Кай, запуская пальцы в волосы. Подумав, он продолжил: – Волк кинулся, но я выставил перед собой палку. Зверь вцепился в нее. После этого появился господин Хакон и застрелил его.

– И больше ничего?

– Ничего. Но мы все вчера были напуганы. Может, Петтеру показалось?

– Даже не... – начал Герхард, не успев договорить. К ним приблизились господин Йенсенн и отец Уильям.

– Что, Кай? Выглядишь расстроенным. Мой сын задает много вопросов? – засмеялся престарелый священник. В отличие от сына, он обладал легким нравом. Именно благодаря отцу Уильяму Кай получил когда-то работу в церкви.

Герхард натянуто улыбнулся.

– Нет, что вы, – отозвался Кай.

– Ты у нас сегодня герой, – продолжил отец Уильям, хваля его. Господин Йенсенн стоял рядом, сложив обе ладони на набалдашнике трости.

– Эх, метель начинается. Недаром у меня вчера кости ныли, – вставил дед Йона невпопад. Отец Уильям согласно закивал – оба они были примерно одного возраста.

Герхард продолжал следить за Каем пристальным взглядом и, видимо, хотел продолжить беседу, но отец Уильям не позволил ему остаться, настойчиво позвав за собой.

– Идем, сможешь мне дойти до дома. А то мой непутевый внучок куда-то пропал, – проворчал господин Йенсенн. И, не дожидаясь ответа, громко стуча тростью, резво направился к дверям, а Кай задумался – дед Йона и без помощи многим даст фору, хотя ему шел уже девятый десяток. Поразительное долголетие и немалое везение.

* * *

Белые холодные искры снега сверкали на фоне темных стволов деревьев. Несмотря на зиму и облетевшую листву, в этой части Малервега было сумрачно даже днем. Широкий древний колодец спрятался в месте, обычно не тревожимом людьми. Но в этот час на краю сидела Дева Льда, сжимая в руке небольшой обрывок белой ткани с каплями крови. Рядом, царапая мощными когтями старый камень, расположился белый кречет.

Птица, развернув голову до невозможного для человека градуса, уставилась блестящими темными глазами на пальцы хозяйки.

– Итак, проверим, – протянула Йенни задумчиво и вытянула руку с обрывком сорочки Кая над темнеющей бездной. Мгновение – и пальцы разжались, выпустив материю. Она упала, медленно кружа. Дева сощурилась, постукивая пальцами по краю колодца. Своими уникальными глазами она видела не дно колодца, а затянувшийся переход, который резко открылся, на мгновение явив перламутровый мир измерения, в котором находилось Зеркало разума, а после закрылось вновь.

– Как и думала, дело в крови. Значит, Карман открывается ему. Должно быть, из-за Осколка. – Оттолкнувшись руками от края колодца, Ледяница поднялась на ноги.

Сбоку раздался птичий крик.

– Ничего я не собираюсь делать. Лишь проверила... – бросила Йенни. Она вновь подошла к краю колодца, поставила ступню на его край, собираясь спрыгнуть в темный проход. Когда вдруг резко повернула голову, замерев, а ее радужки засверкали.

– И дня не прошло... – проворчала себе под нос Дева, меняя форму с человеческой на ледяную и стремительно исчезая в глубине леса. Кречет, взмахнув мощными крыльями, поднялся в небо, покидая поляну с колодцем вслед за своей хозяйкой.

* * *

Собираясь, Кай рассеянно бродил по комнате, то и дело бросая взор на прикрытые тканью полотна. Он еще летом отправил письмо в столицу своему учителю. Тот когда-то заверял его, что если письмо попало в его дом, то и рук художника не минует. Но теперь он

вспоминал о письме чаще, чем во все остальное время. Точнее, в прошлом он не задумывался о нем вовсе, хотя и теперь был уверен, что мастер приедет. В жизни именитого художника мог царить беспорядок, но когда дело касалось искусства, хаоса он не допускал.

Кай открыл шкаф, что высился неподалеку от двери, и прошелся взглядом по сорочкам и брюкам. Он помнил, какими были празднества в замке Груб. Ему предстояло побывать там в четвертый раз. Существовала традиция, по которой ужин можно посещать лишь по достижении пятнадцати лет. Обычные люди в этот день пытались подражать аристократам, и для женщин это было несколько легче и увлекательнее. Они надевали свои самые лучшие платья (на которые копили едва ли не всей семьей). Но вот мужчинам на покупку одного наряда – совершенно непрактичного костюма-тройки, который после не наденешь в повседневной жизни и даже в более крупных городах, ведь ездили туда единицы – было жаль денег.

Кая же меньше всего беспокоила одежда, хотя прежде он ненароком наблюдал за господином Хэстеином и рассматривал его костюмы. В итоге Кай выбрал белоснежную сорочку с широкими рукавами и хорошо сшитые темные брюки.

Простота и изящество – больше ничего не требовалось. Разве только что-то сделать с волосами... Они уже лежали на плечах, впервые Кай отрастил их до такой длины.

Кай застыл у зеркала-псише, разглядывая отросшие пряди. Черные волосы блестели в свете лампы – на улице уже ложились сумерки, отчего в доме стало темно. Из-за контраста кожа его лица выглядела еще светлее. Отойдя от зеркала, Кай взял в руки пальто, запер дверь и вышел на улицу.

Герда

Герда сжимала в руке шелковистые алые ленты, которые в последний момент одолжила ей Трин. Длинные и яркие, они на первый взгляд почти не уступали тем, что хранились в шкатулке Герды. Но она сама видела между ними существенную разницу – ленты подружки смотрелись ярче в огненно-рыжих волосах.

На улице смеркалось, и оставалось не так много времени до того, как люди соберутся на берегу, чтобы отправиться в замок на той стороне озера. Метель, налетевшая на Хальштатт днем, улеглась, но мороз крепчал, температура опускалась все ниже. Только никто не собирался отменять званый вечер. Непогода мало волновала жителей, холода приходили и раньше, но вот то, как выглядела луна этой ночью на небе, не замеченным не осталось – она предстала в оттенке алого. Словно по светлой поверхности разлили красное вино.

Спеша домой, Герда слышала, как какие-то подростки кричали, показывая на темное небо, которое уже усеяли звезды:

– Ты посмотри, какая луна!

В последние месяцы ночное светило будоражило чувства Герды, настраивая ее мысли на мрачный лад. Вот и теперь, когда она остановилась у двери своего дома и подняла взор к луне, на душе на мгновение потяжелело – Герда нахмурилась, по ее лицу пробежала тень. Весь день она чувствовала в себе неукротимую жестокую решимость. Даже когда смотрелась в зеркало, собственный взгляд казался ей холодным и острым, в нем угадывалась опасность. Лишь в церкви она сделала усилие над собой, чтобы казаться такой же, как в прежние дни. Герда и не надеялась обмануть Кая, скорее желала сбить с толку и заставить беспокоиться о ней. Это было похоже на месть, но Герда слишком злилась на него, чтобы поступить иначе.

Вздвигнув, выдернутая из мыслей скрипом снега под ногами соседа, Герда глубоко вдохнула и, хорошенько толкнув, отворила дверь. Не снимая пальто, направилась к деревянной лестнице с потертыми перилами.

– Мам, я вернулась! – крикнула Герда, поднимаясь по ступенькам. Первый этаж дома был погружен в полумрак – их лавка закрылась сегодня гораздо раньше обычного.

Герда торопилась, перескакивая сразу через несколько ступеней, – мама всегда ругала ее за это. И в следующую секунду поняла, что везение и неудача способны менять судьбу в одночасье. Они способны возвысить и низвергнуть человека с вершины в одно мгновение.

Половицы тихо скрипнули под ее ногами, и Герда остановилась, так и не преодолев последнюю ступеньку. В горле у нее встал ком, а желудок скрутило. Герде показалось, что она падает, несется с отвесной скалы прямо к земле. Взгляд ее неотрывно бродил по полу, усеянному прядями, которые залили антрацитовый чернотой все доски под ногами ее матери и сидящего на табурете Кая. В одной руке госпожи Летиции оказались зажаты сверкающие новизной ножницы, а в другой – обычный деревянный гребень. И дело уже подходило к концу. Волосы Кая теперь были как никогда коротки, едва касаясь кончиков ушей. Он подстригся.

После Герда еще долго вспоминала это мгновение – как накатили эмоции и затряслись руки, а потом и губы задрожали от едва сдерживаемых рыданий. Паника кидала ее в жар и холод, она себя не контролировала, практически ничего не понимала. Герда попятилась, едва не скатившись вниз по лестнице. Кажется, она слышала оклик матери, но он не заставил ее остановиться даже на мгновение. Герда выскочила на улицу. Морозный воздух опалил щеки, а снег кружил в воздухе – вновь начиналась метель.

Взгляд Герды заметался, но вскоре остановился там, где на горизонте виднелись высокие деревья Малервега. Она сорвалась на бег. Легкие горели, ледяной ветер хлестал по щекам, разметав волосы. Но Герда продолжала свой путь по глубокому снегу, не приближаясь к озеру, на котором уже толпились люди, пересекающие Хальштеттер по льду в стремлении скорее попасть в вожделенный замок Груб.

Герда замерла перед кромкой леса – ее сдавленное хриплое дыхание звучало оглушительно громко, почти сливаясь со свистом ветра. Красная луна же на небе вдруг показалась Герде удивительно большой, но стремительно наступавшие снежные облака готовы были в любую минуту закрыть собой ночное светило.

Немного выровняв дыхание, Герда сделала глубокий вдох и выдох, собираясь с силами. И ступила в тревожную тень леса.

«Лишь бы не потеряться... Лишь бы отыскать ту лощину...» – твердила она про себя, продираясь сквозь мелкий кустарник. Встревоженный ее появлением, с ветки ближайшего дерева взлетел на небо ворон, сопроводив свой полет громким гортанным карканьем. Герда едва не вскрикнула от неожиданности, а после перевела дыхание, и ей даже стало немного спокойнее.

«Хоть какая-то живность попадает в этом пугающем лесу».

Вдруг ворон вернулся. Возможно, это была уже и не та птица, но на своих черных крыльях она сделала круг над головой Герды, а после облетела три могучих ели с пушистыми ветками, за которыми начинались заросли голой осины.

Герда побежала вслед за вороном прежде, чем сумела полностью осознать свою догадку.

Птица звала ее за собой! В любом другом месте ей бы в голову и мысли подобной не пришло. Вороны не наделены разумом, а она пока еще не лишилась своего. Но все же Малервег внушал трепет. Он обладал особой аурой, его всегда окутывала таинственная атмосфера. Войдешь в него – и поверишь не только в духов, но и в разумных птиц. За последний год Герда не единожды столкнулась с необъяснимым, и этого было более чем достаточно, чтобы начать верить во многое.

Она выбежала из тени деревьев, следуя за мелькавшей впереди темной точкой – она то появлялась среди еловых ветвей, то вновь исчезала, сокрытая ими и снегопадом. Герда все бежала, а алые ленты, до сих пор зажатые в ее руке, трепал ветер. Она так увлеклась, что не заметила, когда лес, все это время поднимавшийся в гору, резко ушел вниз, спускаясь в лощину. Не найдя опоры, ее нога ухнула в пустоту, а сама Герда упала, покотившись на дно оврага. Девичий крик, словно остро наточенный нож, разрезал тягучую тишину леса. Герда инстинктивно прикрыла лицо руками, чтобы мелкие ветви кустарников не оцарапали кожу.

Когда падение прекратилось, она почувствовала, как ноет ее тело, избитое о сырую землю и торчащие корни деревьев, растущих на склоне лощины, – снега в этом месте почти не было, лишь легкая изморозь расплзлась по темной почве. В овраге оказалось

значительно теплее, будто на улице стоял не разгар зимы, а середина осени.

Герда оглянулась, громко дыша. Она узнала это место, расслышала даже шум ручья, протекающего неподалеку, а после заметила и заросли бузины, растущей на его берегах. Куцые ветви покрывали остатки черных мелких, словно бусины, ягод.

Громко сглотнув и отряхивая себя от жухлой листвы, Герда встала на ноги. Она старалась не думать о вечере у Хэстеинов и том, как будет объяснять грязь на своем пальто. Теперь и алые ленты в руке Герды смотрелись жалко. Они истрепались и порвались. Трин ее точно убьет.

Она двинулась вперед, осторожно осматривая деревца.

Герда вздрогнула, когда над головой раздался крик ворона. Сердце учащенно забило, а взор метнулся к небу.

– У тебя не получилось, – раздался скрипучий голос. Перед деревьями бузины, там, где секунду назад была лишь пустота, стояла Мать Бузина.

– Я... я собиралась...

– Но юноша остриг волосы? – Неведомо откуда, но старуха все знала.

Герда кивнула, чувствуя, как рыдания вновь начинают рваться наружу. Она потратила собственную жизнь на этот гребень. Но все было впустую...

Старуха проковыляла к ней. Подняв сухую руку и несколько секунд полюбовавшись длинными рыжими волосами Герды, она положила ладонь на ее спину. Герда ощутила, как острые ногти вспарывают ткань пальто и больно колют кожу. Она вздрогнула от этого прикосновения, но заставила себя остаться на месте.

– Ничего не поделаешь, раз так вышло, – проговорила Мать Бузина, сочувствия в ее голосе не было и капли. – Но договор заключен, и ты обязана заплатить.

Зубы Матери Бузины щелкнули возле лица Герды.

– О чем вы? – Она попятилась, ее лицо исказил ужас. Рука старухи соскользнула с ее спины.

– Плата, девочка.

– Но вы говорили... – Герда посмотрела на гребень в своих руках.

– Гребень с силой Осколка в сердце Кая. Он плата. Но раз ее нет... Твоя плоть и кости будут питать корни моих кустов. – Она улыбнулась,

обнажая ряд острых зубов.

Ноги Герды ослабли, она упала на колени.

– Но... Но...

– За все надо платить. И за исполнение желаний тоже.

Герда бросилась прочь, споткнулась и вновь рухнула, а потом поползла прямо по припорошенной снегом земле. Прочь, вернуться в метель! Она чувствовала, что это единственное ее спасение. Но в следующую секунду поняла, что не может даже встать, – оголившиеся корни деревьев опутали ее лодыжки. А вместе с корнями из вспоротой земли выскочили и чужие кости, белевшие на черноземе вместе с крупными снегами.

Пронзительный крик разнесся в тишине деревьев. А глаза Матери Бузины оставались так же черны и бездушны. Она наблюдала за попытками Герды вырваться, но сама даже не шелохнулась – корни деревьев сделали все за нее.

Когда Кай покинул дом Герды, снег засыпал все в округе. Не только вершины гор скрылись за его пеленой, но даже крыши домов, стоявших ниже и выше по склону. Стремительно холодало.

Кай запрокинул голову, позволяя морозу колотить его лицо. Метка на груди пульсировала.

Птичий крик сотряс сонную тишину. Кай поднял взгляд – белый крик сидел на крыше дома и смотрел прямо на него. Они глядели друг на друга несколько секунд, но этого оказалось достаточно. Кай обратил взгляд к лесу и пошел к казавшемуся теперь бесконечным озеру, а после сорвался на бег.

Но повстречал там лишь жителей, спешивших на праздничный ужин в замке. Герды среди них не было.

Кай застыл, жадно лоя ртом воздух. Лед на озере светился, и этот свет был виден даже сквозь снег, но никто из людей его не замечал. Кай увидел Йона, который застыл на кромке озера, не решаясь ступить на его поверхность. Шапка слетела с его головы, а рыжие, слегка укороченные накануне кудри, цвет которых он унаследовал от отца, трепал ветер.

Неподалеку его сестра уговаривала их деда идти в замок, но тот противился.

– Никуда не пойду... Слабый лед. Домой, – упорно повторял господин Йенсенн.

– Лед давно встал. Ну, дедушка, пойдем. Я же не смогу туда отправиться. Йон, ну скажи ему что-нибудь! – Трин волновалась. Она кидала взгляды на замок – огни его окон прорывались сквозь снежную завесу.

А Йон словно окаменел. Стоял, недвижимый, как статуя.

– Йон. – Кай позвал его, пробираясь по снегу к другу.

Лицо Трин просветлело – наверное, она надеялась, что появление еще одного человека сможет образумить остальных.

Кай схватил Йона за предплечье, и только тогда тот оторвал взгляд от озера.

– Ты не видел Герду?

– Герду... – Его взгляд был рассеянным. – Нет, не... Подожди, я видел, как кто-то шел в лес. Удивился еще, как кто-то может сунуться туда в такую метель.

Кай обернулся, высокие темные деревья, которые словно подпирали собою небеса, выглядели мрачно – он помнил, что случилось в последний раз, когда он отправился в Малервег. Ничего хорошего из этого не вышло.

Он побежал было к деревьям, но, вспомнив, обратился к Йону, перекрикивая нарастающую вьюгу:

– Не ступайте на озеро, идите домой!

И бросился к лесу. Йон звал его, но останавливаться Кай больше не собирался. Продирался через зловещие снега, впервые за все время ненавидя зиму, которая отнимала у него больше, чем давала взамен. Когда Кай вошел в лес, над его головой появился белый кречет. Он издавал грозные пронзительные крики.

Вскоре Кай заметил, что лес стал другим – заледенелым. В воздухе висел туман, появившийся от резкого мороза. Ветер пропал, хотя его завывания слышались вдалеке – он, похоже, усилился. Дыхание Кая, стремительно остывая, обжигало холодом губы. Даже стволы деревьев покрылись тонкой коркой.

Сквозь еловые ветви прорывался голубой свет. Он имел направление, словно длинные мазки краски, разрезающие пространство. И всюду, то с одной стороны, то с другой, Кай видел белые огни – вокруг собралось слишком много альвов. Они слетались к нему, несколько осмелев, вцеплялись в его руку и ногу, проходя сквозь ткань, будто ее и не было вовсе.

Кай сжал челюсти до скрипа зубов – боль приводила его в ярость.

Деревья расступались, и вдруг взор Кая прояснился, совсем как накануне, когда он вышел на след Эджилла. Пространство сверкало, дрожало от излучаемой силы. И ее источником стал зверь. Огромный белый медведь. Он раскрывал свою пасть в беззвучном рыке, являясь воплощением магии, как волки, спящие в руке Йенни, чьи тела сейчас едва светились подле хозяйки, – в них совсем не было силы. Дева Льда тоже находилась здесь. Йенни сражалась, от ее тела разлетались искры.

В воздухе повис треск, тихий свист. Прямо на деревьях росли льдины. Они ломались, разбивались о стволы и пронзали тонкий

ледяной покров. Йенни кружила около медведя, не замечая ничего вокруг. Ее лицо исказила ярость.

Каждые несколько секунд с неба падали десятки кинжалов, норовившие отыскать свою жертву и испить крови. Одна из сосулек-лезвий полоснула Кая, раскроив его старое пальто. Сердце его забило в горле – сосульки были не просто льдом, они оказались слишком ровными и острыми, как наточенный клинок кинжала. Если не острее. На белое полотно упало несколько капель крови.

– Кай?! На кой черт...

Договорить Дева не успела. Зверь бросился на нее всем телом, прижимая к стволу дерева.

– Не стой столбом. Убегай, – прохрипела она. Медведь менялся – его тело теперь больше походило на человека с длинными ногами и руками, одна из которых сжимала шею Йенни.

Прямо у него на глазах она поймала в воздухе одну из падающих сосулек, и из ее пальцев в лед словно что-то перетекло. Он сверкнул ярко, изменившись за доли секунды и превратившись в прозрачный, словно созданный из стекла кинжал с изящной рукоятью. Мгновение – и он уже торчал в шее существа, а Йенни сжимала его все сильнее, с мрачной решимостью вдавливая острие глубже. Оружие окрасилось ярким насыщенным ультрамарином, хлынувшим внутрь, словно синие чернила, вылитые в воду. Существо ослабило хватку, но все еще стояло на ногах.

Вдруг к нему подлетел белый мотылек, невинно присев на спину, и по шерсти чудовища стало расплзаться черное пятно, а крылышки мотылька засияли. В следующее мгновение существо охватило синее пламя – его языки жадно пожирали тело духа с головы до пят, и даже Йенни оттолкнула его от себя, боясь этого пламени. А после медведь лопнул, словно аквариум, полный воды, и сила, сверкавшая всеми оттенками синего – от бледно-василькового до берлинской лазури, – хлынула во все стороны.

Холод коснулся Кая, и он разучился дышать. Зима пробрала его до костей, кажется, в последний раз. В этот миг даже его сердце перестало биться.

Кай упал на колени, широко раскрыв глаза и хватаясь рукой за грудь. Безуспешно пытаясь сделать вдох, захрипел. Он задыхался.

– Идиот! – Йенни схватила его за плечи, сдавила в железной хватке. – Самонадеянный идиот! Сколько мне говорить, что лес не для тебя! Нет, ты идешь, ища смерти. Я... Это я должна тебя убить! Ты должен умереть от моей руки! – Ее голос дрожал, низко гудел и бил по ушам.

Тело Кая содрогнулось. Сердце сделало первый удар, неохотный и судорожный. Грудную клетку опалило морозом. Следующий удар был уже ровнее, но все такой же медлительный.

– Герда... в лесу... – шепло прошептал он, до сих пор не оправившись от случившегося. Лес перед его глазами сверкал, снега переливались ярким перламутром, лишь в месте, где был повержен зверь, зияла пугающая бездна черноты. В том месте не осталось жизни.

Йенни отпрянула, сжимая руки в кулаки, ее волосы взметнулись, разлетевшись вокруг головы, как ореолы у святых на фресках в церкви.

– Она погибнет... Если... Я знаю...

– Откуда?!

– Просто знаю! – Кай вскинул голову, все еще оставаясь на коленях. Его голос громогласным эхом пронесся по лесу, сметая снег с веток деревьев. Два упрямых взгляда, полных холодного колкого льда, соприкоснулись в молчаливой борьбе. – Ее надо спасти.

– Я не буду спасать эту глупую эгоистичную девчонку, которая сама пришла к своей смерти, – гневно прошипела Йенни, искривив губы в жестокой улыбке. – Она ее заслужила!

Кай тяжело втянул воздух. Он вдруг осознал, что единственный находился в неведенье.

– Что тебе известно?

– Ничего.

– Йенни!

Но Дева оказалась неумолима, стояла, сложив руки на груди. Повисло кроткое молчание, Кая охватила пустота, он на мгновение прикрыл бессильно глаза.

– Тогда я пойду сам, – тяжело произнес он, с трудом поднимаясь.

Кай бросил последний взгляд на Йенни, ощущая ее гнев на своей коже. Но в этот раз и его снедала глубокая ярость. Останавливаться он был не намерен, преодолевая метр за метром по снежной глади,

оставляя Деву Льда позади. Направляясь в глубину леса, Кай словно твердо знал направление. Малервег и раньше был открытой книгой в его глазах, но сейчас древний лес и вовсе будто стал домом Кая.

За спиной раздалось ругательство. Нового шага Кай сделать не сумел, упал навзничь, прямо в руки Ледяной Владычицы, когда его голову осыпал золотой порошок, лишив сознания. Он лежал, как безвольная кукла, в ее объятиях. Кольцо на ее пальце оказалось полым, золотая шляпка была откинута, скрывая тайник, где хранился подарок Сеятеля.

– Никуда ты не пойдешь, – процедила Йенни, хватая Кая и поднимая. – Глупец и упрямец, – добавила, глянув в его лицо. Ее бесило его самоотверженное желание спасти ту, которая была недостойна его любви и привязанности.

Йенни пошла сквозь снег и высокие деревья. На мгновение остановилась, выплюнув:

– Дрянь! Как же бесит! Как раздражает!

В следующую секунду по лесу пронесся ее крик, выплескивающий всю ярость. Успокоившись, Йенни глубоко вдохнула и прикрыла глаза, усмиряя обуревавшие ее чувства. Когда она открыла веки, то, поджав губы, вновь продолжила путь.

Герда

Корни опутывали ее тело и тащили под землю. Сжимали грудную клетку, так что казалось, ребра вот-вот начнут ломаться. Каждый вдох – боль. А холод сырой земли забирался все выше – она уже была погребена по пояс. Они тащили ее прямо под заросли бузины. Эта лощина готова была стать ее могилой.

– Хватит... Не надо, прошу! – Вместо крика теперь звучала лишь сдавленная мольба. Дыхания не хватало.

Но Мать Бузина отвернулась от нее. Старуха хромала к своим деревьям, что особенно густо росли у ручья. Ее накидка шелестела пожухлыми листьями, облепляя неестественно худощавое тело. Облик существа показывал, что зима являлась не ее временем.

Земля уже почти достигла самого горла Герды. Она почувствовала ее вкус на языке – влага, гниль и металлический привкус. Ее живот скрутило от рвотных позывов.

Старуха почти скрылась между деревьев, когда вдруг остановилась. А в следующую секунду зашипела и скривилась, падая

на землю.

Герда жадно, с хрипом хватала ртом воздух, сжимая и надавливая на основание гребня – его зубья торчали в одном из корней, а вырезанные цветы наливались силой, пока древесные путы жухли прямо на глазах. Мир вокруг увядал, и метель прорывалась в лощину.

Выпутав руки из корней, Герда с огромным трудом карабкалась вверх, вылезая из земляной ямы. Она почти смогла встать на ноги, когда гребень с громким треском раскололся пополам. Новый корень вцепился в лодыжку Герды, и она упала прямо у чужих ног. Белые, как снег, голые ступни контрастировали с темной землей.

Взгляд Герды поднимался, охватывая женскую фигуру, облаченную скорее не в платье, а в ночную сорочку, бесстыдно открывавшую ее изящные, словно высеченные из мрамора плечи и ключицы. В тонких руках она держала мужское тело.

От ног Девы Льда пополз холод, он коснулся корней и вырос коркой на них, безжалостно переломив пополам.

– Вставай. Идем, – раздался приказ. Голос звучал гулко, будто вьюга.

– Она моя, ты не смеешь ее забирать!

Дева резко обернулась.

– Замолкни! Не смей говорить мне о правилах, старуха! Покусившись на мой Осколок, ты первая их нарушила. – Глаза Йенни злобно сверкнули, губы растянулись в зловещей, отдающей безумием улыбке. – Я прикончу тебя, и даже твои сестры меня не осудят. Кончай вмешиваться в людские судьбы. – Дева Льда вновь кинула взгляд на Герду, процедив: – Шевели ногами.

Снежная ведьма зашагала прочь, не оборачиваясь и продолжая нести на руках Кая. Он был без сознания, темные волосы и ресницы покрылись инеем, который рассыпался и по его лицу, точно покрыв кожу волшебной сверкающей пылью.

Герда двинулась вслед за Ведьмой, не оглядываясь, зная, что если посмотрит на старуху, то ее сердце вновь сожмется от страха. Но и при взгляде на Ледяницу кровь стыла в ее жилах. Прошло долгое время, прежде чем она набралась смелости дрожащим голосом спросить:

– Что с ним?

– Очнется, – помедлив, нехотя отозвалась Дева, ее пальцы дрогнули, на мгновение впившись в тело Кая. – Не пялься на меня, –

зло бросила она.

Взгляд Герды мгновенно метнулся к заледеневшим стволам деревьев. Снег кружил в нескольких метрах впереди них. Метель расступалась, не смея потревожить Ведьму. Герда сглотнула.

– Спасибо, – вырвалось у нее против воли, когда на нее вновь обрушилась мысль: только что она едва не умерла. Ее едва не погребли заживо, как тех, чьи кости показались на поверхности среди корней.

Дева раздраженно фыркнула.

– Не меня благодари, – бросила она, а после, подумав, требовательно спросила: – Каковы были условия вашего соглашения со старухой? Расскажи-ка мне.

Герда на мгновение застыла, обхватив себя руками.

– Гребень, – вновь продолжив шагать, выдавила она. – Матерь Бузина дала мне гребень, который забрал бы воспоминания Кая.

Скулы Ведьмы заострились.

– Вместе с силой Осколка. Ясно... А она сообщила тебе, что с воспоминаниями ты отнимешь часть его души?

Йенни не требовалось ответа, она и так все понимала. Посмотрела на Герду с презрением, после переведя взор на Кая.

– Воспоминания питают душу, готовят к следующему перерождению. Отними любой ее кусок, и она перестанет быть целостной – вечная неизлечимая рана. Его душа могла умереть навсегда после земной смерти. – Снег затрещал под ступнями Девы Льда, губы сжались в тонкую линию, на мгновение она прикрыла глаза, бормоча под нос: – Все равно бесит. Бесит. Бесит. Бесит. Не могу...

Прекрасно все расслышав, Герда выпучила на нее глаза и опустила плечи, вытирая вмиг вспотевшие ладони.

– Кай, просыпайся! – Дева встряхнула его. – Ты очень пожалеешь, если не откроешь глаза. Здесь не хватает твоего занудства и праведных речей. – Но, не добившись никакой реакции, Йенни склонила голову. – Многие ваши истории о том, как я убила кого-то, лживы. Но знаешь, почему они лживы?

У Герды слова застряли в горле. После всего пережитого она чувствовала, что нервы ее на пределе и она вот-вот скатится в истерику. Лишь вид Кая без сознания заставлял ее держаться. Она мотнула головой.

– Потому что обычно я с людьми десятилетиями не вижусь. – Йенни зловеще расхохоталась. Поблизости с веток деревьев слетел снег. Один ком упал Каю на щеку, немного засыпав ухо. Заметив это, Дева смеяться перестала и стала дуть, пытаясь смахнуть снег. Все еще находясь без сознания, Кай нахмурился. – Чертов Сеятель! Даже дозу своего порошка рассчитать не может.

Герда несколько раз открывала рот, пока наконец-то решилась сказать:

– Почему Кай? – Но задав первый вопрос, она не смогла остановиться: – Почему именно он?

– Наверняка ты знаешь про Осколок. – Мимолетная фальшивая улыбка скользнула по губам Йенни.

– Но ведь не только в этом дело, – нашла в себе смелость возразить Герда, озвучив неожиданно пришедшую в голову мысль.

– Верно, не только, – протянула Дева и задумчиво вгляделась в Герду. – Но только твоего ума ли это дело, человек? Разбалованная и эгоистичная. Почему так смотришь на меня? Ах, ты глядишь на мои руки? Я забрала твое? – Йенни без видимых усилий удобнее перехватила Кая. – Только он никогда твоим не был. С тех пор, как в его сердце попал Осколок, Кай принадлежал зиме. Обычно меня обвиняют в том, что я считаю людей своими игрушками, но в этом ты точно превзошла меня, дорогуша. – Йенни сделала шаг, выходя из леса, а перед глазами Герды все было белым-бело. Из-за метели ни гор, ни города оказалось невозможно увидеть человеческим зрением. – А теперь помолчи, иначе я тебя убью. Мне бы не хотелось, чтобы Кай после меня возненавидел.

Договорив, Ведьма направилась сквозь метель. Герда двинулась следом, едва переставляя ноги. Ее обескуражили последние слова и об убийстве, и о том, что она услышала сначала. Ее будто чем-то тяжелым ударили по голове. Взгляд ее невидяще бродил по снежному царству, и порой среди белых яростных хлопьев ей виделись холодные огни. Но она была слишком сосредоточена на себе и своих мыслях, чтобы уделить им должное внимание. А мысли ее оказались односложными, Герда уже ничего не понимала.

Чувства собственной правоты, что двигало и направляло ее, питало силами, больше не существовало. Из-за Матери Бузины, к которой она обратилась за помощью, Герда едва не погибла. А гребень,

что должен был отнять воспоминания Кая и дарил ложную надежду на возвращение былого, в итоге помог Герде продержаться и не умереть сразу. Мало того: та, кого Герда ненавидела всем сердцем, спасла ее. Пусть скорее не по своей воле, но ведь спасла.

А самым ужасным являлось то, что Герда продолжала ненавидеть Ведьму. До дрожи в руках и шума крови в ушах. Смотря Деве вслед, наблюдая, с какой уверенностью и легкостью она двигалась, как ее белые волосы с несколькими мелкими косичками развевались на ветру, и вспоминая, как Ведьма смеялась ей в лицо, Герда понимала, что ее ярость никогда не найдет выхода. Герда всегда будет позади. Равной Ледянице ей никогда не стать. И такой же могущественной тоже.

Попытки помочь Каю превратились в глупость и муку. Теперь Герда вообще не понимала, зачем на это пошла. Вернуть любовь и внимание Кая? Но возможно ли это? И как сильно на самом деле она в этом нуждалась? Цеплялась за воспоминания прошлого, идеализировала их, тешила уязвленную гордость и стремилась возвратить все, войдя в одну реку дважды. Только пора было понять: Кай больше в ней не нуждался. И он окончательно разочаруется в ней, когда узнает, на что Герда пошла. Последняя мысль ее пугала и ужасала. Она вдруг осознала, что страшится этого больше всего – момента, когда друг посмотрит на нее с ненавистью.

Герда брела с опущенными плечами. В какой-то момент она обняла саму себя, скрестив руки у груди. Она тихо заплакала.

Йенни, недоуменно обернувшись, лишь фыркнула и закатила глаза. И продолжила идти. Упорно, продолжая злиться на себя и на весь мир. Не смея игнорировать пляски зимних альвов в небе, следя за ними полным обещания смерти взором.

Прямо сейчас Йенни вела себя, как человек, и прекрасно понимала это. Несла Кая к Хальштеттеру, вместо того чтобы убить еще там, в лесу, пока он был без сознания. Спасла эту девчонку по его же просьбе, чтобы он мог проститься и уйти без чувства вины. И в то же время оттягивала момент, когда ей придется пронзить сердце Кая кинжалом. Дева так не хотела делать это, что своими же руками довела ситуацию до грани. Скоро иного выхода не останется. И именно безысходность заставит ее убить.

Наконец они достигли озера. Под ледяной толщей в воде светились альвы Хальштеттера. Появились даже те, что много веков не

подплывали к поверхности и лениво спали на самой глубине, ближе к сердцу земли.

Эти воды всегда были особыми – озеро пришло на смену Зеркалу разума, которое много веков назад исчезло из реальности людей. Но крупница сил осталась – магия пропитала почву, леса, эти высокие горы. Именно поэтому люди в Хальштатте не забывали столкновения с другой стороной, и именно поэтому колдовские существа нередко стекались сюда со всех концов света. Несмотря на это, люди продолжали упорно жить у подножия соляной горы... И, страдая от этого, находили лишь один выход – винить в своих несчастьях Йенни.

Впрочем, сегодня у них действительно имелась причина для ненависти.

Кай

Его пробудила боль. Каждый стук сердца был ее средоточием. Кай открыл глаза, чтобы сразу же увидеть сверкающий в ночи снег. Осознание случившегося оказалось мгновенным, и его сотрясла ярость. Руки сжались в кулаки, он даже не заметил, что второй раз за сутки очнулся на снегу. Просыпаться и не помнить сны уже становилось дурной закономерностью. Он определенно видел что-то, когда потерял сознание. Но вот что именно, отыскать в памяти не мог. Видение ускользало. В горле было сухо, а в ушах грохотало, будто горы охватило землетрясение.

– Йенни. – Имя прозвучало громко и гортанно.

Кай приподнялся, находя ее взглядом. Йенни, опустив голову, проверяла балансировку ледяного кинжала в руке, и все ее внимание было приковано к оружию. Челюсть была напряжена, как и все тело. В следующее мгновение произошло невиданное – клинок выпал из ее рук, и она, гневно ругнувшись и не смотря на Кая, нагнулась поднять его.

Когда Йенни опустилась, Кай увидел Герду. Глаза его распахнулись широко, а тело обмякло – недавний гнев начал таять. Она была жива, сидела прямо на земле, обнимая колени, рыжие волосы рассыпались по плечам. На него не смотрела, лишь себе под ноги, словно боясь поднять взор.

– Что произошло? – прошептал Кай, бессильно опускаясь обратно в снег.

«Наверное, и смысла подниматься нет. Мой конец близок», – подумал он, смотря на кинжал в руке Йенни.

– Пара минут, – проговорила Йенни, отходя. Кай не сразу понял, к кому именно она обращалась. И спустя несколько секунд осознал: не к нему.

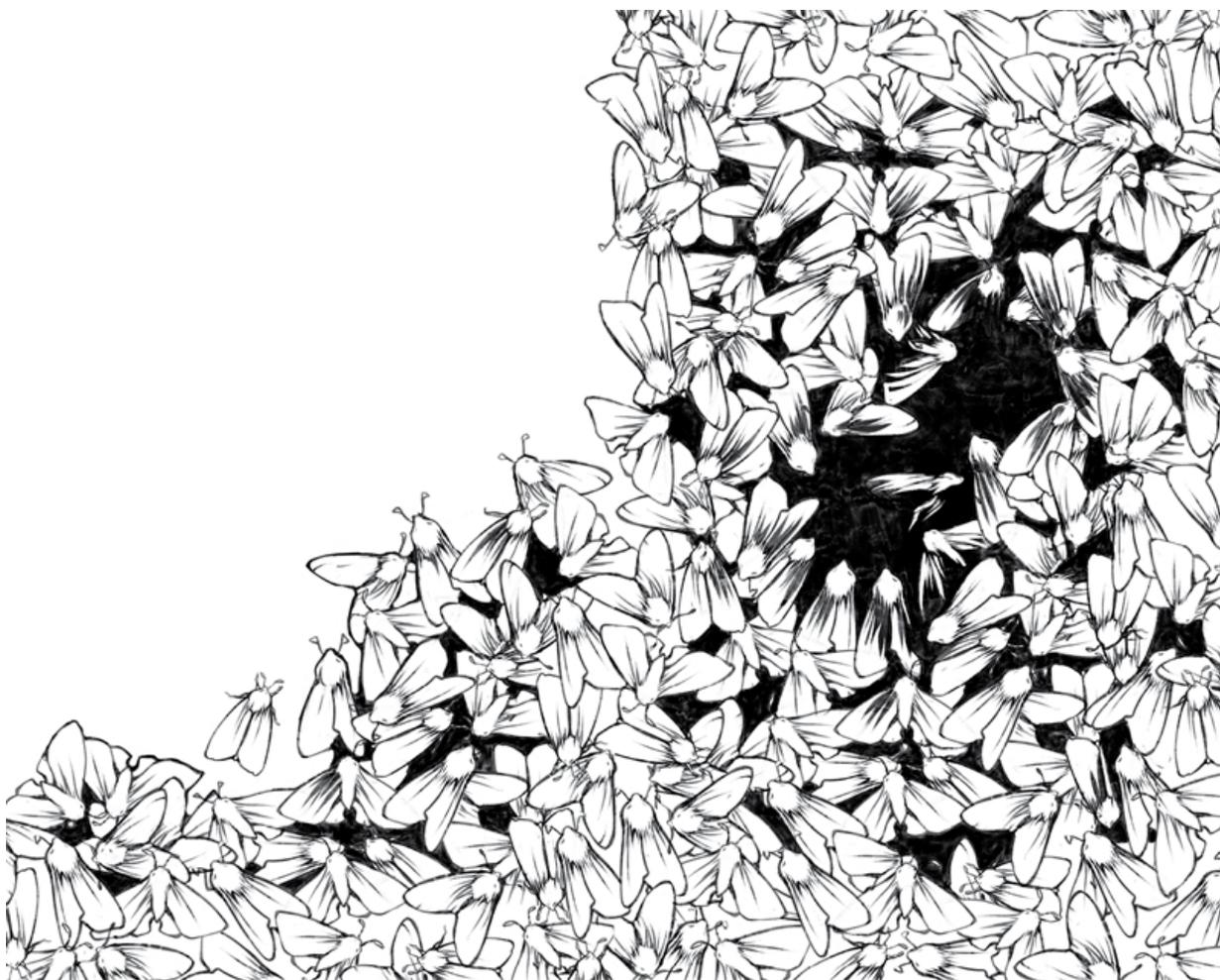
Герда приблизилась на едва слушающихся ногах, Кай тоже приподнялся, а потом все же, шатаясь, встал. Он оглядел ее всю, подмечая плачевный вид: грязь, надорванный подол платья, руки без перчаток с черными, будто она весь день работала в своем розовом саду, ногтями.

Герда молчала. Они стояли в тишине друг напротив друга, пока вокруг свистел ветер – в последнюю минуту он стал особенно силен, а свет из-под льда заревом освещал озеро. Вокруг происходило буйство природы, вызванное магией зимних альвов. И Кай желал верить, что последние минуты его жизни не принесли никому гибели.

– Герда... – Кай взял ее за руку. Она вздрогнула и всхлипнула. Хотела выдернуть ладонь, но он удержал силой. – Не повторяй больше этой ошибки.

Она подняла взгляд, открыла рот и бессильно закрыла, а после опять попыталась что-то сказать, но снова безуспешно. Кай, наблюдая за ее бесплодными попытками, произнес:

– Мне не обязательно все знать. Это уже совсем неважно. – Он с силой сжал ее пальцы. – Только прошу, не делай больше глупостей. Не надо, Герда. Ни ради меня, ни ради кого-то другого. – Какой-то частью себя Кай все понимал. Он бы даже не назвал это интуицией. Это было чувством, характер которого он и распознать толком не мог. Но, смотря на Герду, он видел, что с ее телом было что-то не так, – оно менялось, и скоро эти изменения смогут заметить и остальные, лишь взглянув на ее лицо. – И проживи счастливую долгую жизнь.

По мере того как звучали эти слова, взгляд Герды менялся. Глаза распахнулись шире, рот приоткрылся, брови поднялись вверх. Она сделала шаг назад, словно не веря ему, а после застыла, не отрывая взора. Герда моргнула, и по ее щеке покатилась слеза.

Она опустила голову, закрывая ладонями лицо, и ее плечи задрожали.

– Как... Как я могла? – слышалось едва различимое сквозь метель.

Кай приблизился, обнял ее очень крепко, зная, что делает это в последний раз. В его груди словно образовалась пропасть. В последний день он многого ожидал от себя, надеялся на спокойствие, а в глубине души был уверен, что не обойдется без волнения, возможно, паники и слез. Но сейчас оказалось, что все не так, и он не ощущал тревоги. Печаль, светлая грусть, и в то же время недовольство и злость

пробуждались в нем, когда он смотрел на небо или озеро, где виднелось сияние альвов.

Руки Кая обнимали Герду за плечи, а сама она крепко обхватила его за талию. За последний год Кай вытянулся, и теперь между ними была заметная разница в росте. Вскоре Герда перестала плакать, но все равно обнимала его из упрямства, стараясь оттянуть момент, когда они расстанутся окончательно и навсегда.

– Герда... – Кай завел руку назад, коснувшись ее пальцев.

– Ты такой холодный... – прошептала она, утыкаясь ему в плечо.

Кай улыбнулся.

– Конечно. На улице ведь зима. – Шутка вышла совершенно несмешной, но они оба тихо и коротко рассмеялись, вспоминая о временах, когда дружба между ними была такой же легкой и непринужденной. Когда они были еще детьми. Перед глазами Кая стоял тот день, когда они впервые заговорили – яркое солнце в небе, красные розы в крошечном саду и маленькая Герда, первая протянувшая ему руку дружбы. Жаль, что все завершается именно так.

Но времени свойственно кончаться, и Кай уже видел Йенни чуть поодаль – она вышла на озеро, расхаживая из стороны в сторону и крепко сжимая в руке кинжал. Лед вокруг нее совершенно не светился – водные альвы расплылись в стороны, держась дальше от Девы Льда. Кинжал в ее ладони сверкал, как молодой месяц в ночи, – зловеще и в то же время завораживающе, не позволяя оторвать взгляда.

Кай отстранился от Герды, настойчиво расцепляя ее руки на своей спине.

– Мне пора, – шепнул он, мучительно долго соприкасаясь с Гердой взглядом. А после развернулся и пошел прочь, шагая по хрустящему под ногами снегу против яростного ветра, хлещущего по щекам, навстречу своей гибели... Навстречу Йенни, которая остановилась, заледенев на одном месте.

Вдруг Кай заметил на другом краю озера еще две фигуры.

«Йон?» – с удивлением понял он, на мгновение останавливаясь, а после продолжая свой путь, зная, что медлить уже не имеет права. Рядом с Йоном, кажется, стоял его дед, вот только Кай не был в этом уверен, не разглядев в его руках извечной трости.

Кай отвернулся и сосредоточил внимание на Йенни.

– Что они здесь делают? – пробормотала она, сведя брови и хмуро разглядывая пришедших. На снегу сидел белый кречет, и, посмотрев на него, Дева протянула: – Вот оно как, надо же.

Она едва не рассмеялась.

– Что он тебе сказал? – спросил Кай.

Когда Йенни взглянула на него, ее взгляд вновь изменился – глаза потускнели, внезапный всплеск веселья оказался быстрым и коротким, как выстрел из ружья.

– Я с самого начала поняла, что с тем стариком что-то не так.

– С господином Йенсенном?

Йенни кивнула:

– Предыдущие владельцы замка на той стороне озера. Он единственный выживший сын человека, который погиб от моих рук. Выжили лишь дочери и трехлетний сын того аристократа.

Кай по-новому взглянул на берег. У него возникло много вопросов. Как так получилось, что отпрыск богатейшей семьи в итоге затерялся среди обычных жителей их городка? Из-за поступка Йенни? Или, может, господин Йенсенн был настолько безумен, что сознательно пошел на такой шаг? Хотя какая теперь разница, это, в конце концов, их жизнь.

Он глубоко вдохнул, прислушиваясь не только к вьюге, но и к морозу, трещавшему в воздухе.

– Люди перерождаются, Кай, – вдруг сказала Йенни, прервав недолгое молчание. Она запрокинула голову, глянув в небеса. – Я найду тебя в следующий раз. Кем бы в итоге ты ни стал.

– И что после? – Он слабо улыбнулся. Его взгляд коснулся свободной руки Йенни, повисшей вдоль тела.

– Не знаю. – Она криво улыбнулась, будто ее что-то развеселило. – Я об этом не думала...

Теперь и Кай улыбнулся вновь. Что-то темное и колдовское повисло в воздухе. Мрачное предчувствие того, что ныне свершится нечто важное и ужасное. Вместе с тем альвы в воде и воздухе заметались, сея еще больше хаоса. Кай заволновался о тех, кто остался на берегу.

– Ладно... ложись на этот чертов лед, – отводя взгляд, прошипела подрагивающим голосом Йенни.

Она с нечеловеческой скоростью шагнула к нему, и ее руки удивительно медленно легли ему на спину. Ледяные губы коснулись его губ в последний раз, и в последний раз сердце отозвалось на ее присутствие. В следующее мгновение Кай оказался на льду, а Йенни встала перед ним на колени. Перед глазами распростерся белый мир. Ничего, кроме огней альвов, он больше не видел в небе, но вскоре и огни исчезли, остались лишь льдистые глаза Йенни – пронзительные, глубокие, в отражении которых он видел себя. Его и ее радужки оказались словно зеркала, поставленные друг напротив друг.

Губы Йенни дрогнули, будто выдавая мимолетное сомнение. Но взяла она себя в руки быстро – взгляд стал внимательным и острым, пальцы крепче сжали рукоять, демонстрируя решимость.

– Я найду тебя... – пообещала Йенни, склонившись, а после поднялась, медленно занося руку с оружием.

Кай видел, как лезвие поднимается над его грудью, а затем начинает стремительно опускаться. На миг ему показалось, что он разглядел отсветы алой луны высоко над пеленой снега. Может, это был мираж или видение, посылаемое ему мозгом, не готовым к смерти. Как его сны, наполненные зловещими белыми розами и мотыльками. Он вспомнил о насекомых с трепещущими хрупкими крылышками, приходящих к нему каждый раз, когда он терял сознание. Они были его проклятием при жизни, может, станут чем-то большим после смерти?

Природные альвы хлынули к ним со всех сторон в слепом стремлении добраться до Осколка Зеркала разума быстрее той, что была призвана оберегать эту силу от остальных.

Кай прикрыл глаза за несколько мгновений до того, как лезвие кинжала устремилось к его груди. И в окружившей его тьме он вновь видел сотни белых роз и мотыльков, которые жадно захватывали его разум. Они были всюду, прорывались к нему сквозь тьму, словно желая проститься или спасти...

* * *

Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso,
mentre che 'l danno e la vergogna dura;
non veder, non sentir m'è gran ventura;

però non mi destar, deh, parla basso.

Микеланджело Буонарроти. Рим, 247 (1546)^[1]

А в следующее мгновение на Кая обрушился его сон, который он не смог вспомнить, когда очнулся у озера. Теперь он видел, как вокруг него засверкал золотой песок и зазвучала торжественная, сопровождаемая фанфарами музыка. Мир сверкал солнечным светом, пробивавшимся сквозь молочный туман, в котором виднелся человеческий силуэт – кто-то двигался ему навстречу. Кай сощурился, в недоумении пытаясь разглядеть существо, шагавшее к нему с золотыми фейерверками, вспыхивавшими позади, придавая ситуации абсурдную торжественность. Он приблизился, а Кай, разглядев мужчину, зашелся кашлем от шока.

– Давно не виделись, – задорно поприветствовал его Соманн, будучи полностью обнаженным. Через его шею была перекинута длинная сумка с золотым песком.

– Почему ты без одежды?! – воскликнул Кай потрясенно.

Сеятель глянул на свое тело, будто только что понял, что показался ему совершенно голый, и рассмеялся.

– Это проявление моего доверия. Поверь, я мало кому являюсь в таком виде. Лишь тем, кому искренне доверяю. А для богов это такая редкость, – поделился он и вновь рассмеялся, сверкая золотыми глазами.

– Зачем ты пришел?

– А ты как думаешь? – сказал Соманн. – Поддержать друга, естественно.

– В смерти?

– Что? Нет, конечно! – Сеятель расхохотался, а после, подавшись к нему, завораживающим тоном произнес: – Хотя... Ты ведь правда умер! Умер несколько минут назад! Ты не почувствовал, когда погиб, верно? И не от рук Йенни, а от магии существа, что пронзила твое тело. Кажется, он был в образе медведя...

– Откуда ты?.. – начал Кай, но Соманн его перебил:

– Йенни ведь узколоба. Она плохо чувствует силу и управляется с ней, как кузнец с молотом. Я пришел засвидетельствовать твое возрождение! Возрадуйся!

Кай потер переносицу, пытаясь осмыслить случившееся.

– Но нам надо спешить. Есть сущность помимо меня, желающая перемолвиться с тобой словечком. – Он приблизился еще на несколько шагов и, будто делись секретом, продолжил: – А я совсем не могу ему противостоять.

Соманн с безумной улыбкой на устах кинул один из своих золотых цветов, который внезапно оказался в его руке. Стебель пролетел стремительно, и бутон, коснувшись Кая, растворился в его груди.

– И да, жду на свой день рождения, Кай! – весело крикнул Песочник, рассеиваясь перед его глазами.

Кая выбросило из одного сновидения в другое. Он очнулся лежащим на лиловой траве на берегу слепящего своей гладью озера – оно выглядело практически полной копией Хальштеттера. Кай ощутил, как грудь крепко сжимает, словно кто-то просунул руку сквозь его ребра и с силой сдавил сердце. А когда хватка исчезла, оно забилось с удвоенной силой.

На груди Кая лежала тонкая рука, которую он не почувствовал сразу. Это была Йенни. Она находилась здесь с ним, а ее ладонь покоилась в точности над сердцем.

– Что случилось? – прошептал Кай, поморщившись от собственного скрипучего голоса.

На другой стороне озера виднелась гора, точь-в-точь как та, на подножии которой стоял замок Груб. Впрочем, и он тоже там имелся, только сейчас в его архитектуре преобладали готические нотки. Он стал выше, величественнее и разросся. По сравнению с ним настоящий замок выглядел слишком просто.

Солнце светило бледно-желтым, слегка переливаясь перламутром и местами переходя в слабый лиловый оттенок. Вид был неземной. Кай все же засомневался, что до сих пор способен дышать. Но потребность дышать и мерный стук сердца настаивали на том, что он еще не умер.

– Что для тебя люди, Кай? – раздался шепот, тонкие пальцы коснулись его щеки, поднялись выше, касаясь ныне коротких волос, которые слегка задевали уши.

– Семья, – вымолвил он.

– А что для тебя значу я? – Дева Льда оставалась бесстрашна, как никогда.

– *Все*, – вымолвил он. С Йенни он чувствовал не просто родство. Когда она была рядом, он видел большой смысл в своей жизни.

Совершенно не понимая этого, она восполняла в нем то, что заполнить сам Кай был не в состоянии. – Вот только вы не Йенни, верно? Кто вы? – Голос его опустился до низких угрожающих ноток.

Он протянул руку, коснулся лица, что пребывало в ледяной форме. И ощутил, что может поглотить это существо. Сделать частью себя. Все естество Кая возжелало этого, на мгновение все его существование сосредоточилось на этой жажде, словно та была с ним всегда, с младенчества и по сей день. Она вспыхнула в Кае и оказалась слишком внезапной и яркой, чтобы ее можно было потушить. Сколько всего он сможет сделать, забрав эту силу...

Кай отдернул руку, чувствуя, как пульсирует кожа на пальцах.

– Мне этого не надо. Я перестану быть собой, если возьму это, – хрипло проговорил он самому себе пересохшими губами.

В ледяных глазах «не-Йенни» неожиданно мелькнуло глубокое понимание. Оно относилось не к конкретному моменту, а к сущности Кая, его мыслям, чаяниям и противоречиям. Он ощутил это. А еще он понял, что его слова были верны.

– Что это за место?

– Карман. Измерение Зеркала разума.

– Ваше измерение?

Ответом стало молчание. Кай приподнялся на локтях, осмотревшись.

Вокруг царил однообразный пейзаж, но насыщенный яркими цветами – желтый плавно перетекал в турмалиновый, рождая много иных оттенков. Даже кора деревьев, торчавших то тут, то там выше по склону, была иной, словно все в этом месте облили краской. Не масляной, а скорее акварельной. Именно такими порой Кай видел снега под своими ногами, когда лучи солнца ласкали белую поверхность.

Кай вновь перевел взор к озеру и наконец осознал, что перед ним Зеркало Разума. Его невозможно было не узнать. Огромное озеро, может, чуть меньше Хальштеттера. Но вовсе не размер являлся главным отличием, а тонкие кусочки льда, медленно дрейфующие на его поверхности. Кай не заметил их сразу и разглядел лишь теперь.

Они сверкали, как кристаллы. Внутри них чувствовалась *сила*.

«Вечность, могущество и мудрость», – пронеслись в его голове слова, отозвавшиеся едва слышным эхом и нарастающей музыкой – пением вод, гор и зимы. В этот миг суетливость мира отступила.

Словно нити, опутывавшие его руки и ноги, обрубали, заставив их обмякнуть в руках тех, кто их держал.

Кай инстинктивно вцепился в кольцо на груди. Сжал с таким упрямством, что ободок и звенья цепи до боли впились в кожу. Он лихорадочно дышал, смотря на побелевшие костяшки руки. Кай вдруг понял, что дешевое украшение на шее являлось единственной вещью, которая осталась у него после земной жизни.

– Не все нити надо обрывать. – Он резко отвернулся от зеркала. Его гладь влияла на него, будто гипнотизировала. – Не обо всех стоит забывать.

Еще сильнее стиснув кулак, Кай словно ухватился за несколько нитей. Все они были одного цвета – красного. Прикосновение к ним принесло ему щемящую боль в груди, нарастающую тоску и светлую радость от совместных воспоминаний с людьми, которые были с ним рядом всю жизнь. Он был готов существовать с ними, готов был пронести через вечность в своем сердце.

Внутренняя борьба завершилась. Свой выбор Кай отстоял.

– Можешь пожалеть, – покачало головой существо.

– Кто-то должен помнить. И это часть меня. Нельзя забывать себя. – В этот момент Кай наконец осознал, что все же получит ответ на вопрос, мучивший его всю жизнь.

– Почему я? – спросил он.

– Задатки. Ты подходил. Люди редко подходят.

– Задатки для чего?

Облик Йенни стал размываться на глазах. Кай больше не мог сказать ни слова. Земля под ним пришла в движение – он проваливался в трясину.

– Чтобы стать тем, кем стал, – раздалось эхом, и он рухнул вниз, будто земля за мгновение обратилась в глубокий омут. А в его голове тихо прозвучало: *«Необходима воля, которую не сломит вечность, нужны принципы и чувства, что не переменятся под давлением веков»*.

Вокруг была тьма.

«Не-Йенни» падала следом за ним, прямо на глазах превращаясь в Герду.

Белые волосы становились рыжими, кожа розовела, и на щеках рассыпались веснушки.

– Кто ты, Кай? – положив ладонь ему на грудь, спросила она.

Ее глаза все еще оставались холодны, как лед на озере.

Кай и сам задавался этим вопросом.

«Человек? Нет, больше нет».

– Я не знаю. – Кай соврал. Он уже догадывался, но уверен не был.

– Кто ты, Кай?!

– Я не знаю!

– КТО. ТЫ?! – Существо раз за разом ударяло его в грудь, пока не заболели ребра. В следующую секунду он упал в свежий снег. Спину пронзила боль, а воздух покинул легкие. Вокруг воцарилась зимняя тишина.

«Герда» стояла рядом с ним.

Из снега вдруг стали вырастать розы, подчиняясь ярости, что охватила сердце Кая.

– Позволь задать мне свой вопрос.

Существо склонило голову, давая согласие. Лицо, принадлежащее подруге, выглядело отстраненно.

– Чего же ты желаешь от меня?

Герда вдруг стала уменьшаться, а когда метаморфоза завершилась, перед ним стояла маленькая девочка.

– Защиты. Помощи. Одна *она* не справится, – произнес детский голос. – Ей нужны твои силы.

– Какие силы?

– Оглянись, разве не видишь? – ласково прошептала она, детское личико удивленно вытянулось.

Кай осмотрелся. Повсюду вокруг распускались белые розы, они льнули к нему, и он ощущал каждый бутон, словно часть себя. Его сомнения, страхи, любовь к близким – все они превращались в цветы. Сила, копившаяся годами. Они появлялись, чтобы он стал сильнее, рождались, чтобы Кай мог защитить то, что ему дорого.

Маленькая Герда понимающе кивнула. Дух озера, принявший ее облик, знал все мысли Кая.

Девочка склонилась к нему, положив нежную ладошку на его щеку.

– Спасибо, Кай.

Он сглотнул, рывком выдергивая себя из видений, и открыл глаза за мгновение до того, как острый ледяной кинжал коснулся его тела.

Герда

Герда видела, как сверкнул сквозь метель кинжал, занесенный над Каем. В горле стоял ком, она затаила дыхание. Хотела закрыть глаза, но не позволяла себе малодушия – она должна была смотреть. Она должна была видеть все.

Видеть, как усилился снег, как затрещал лед на озере, и почувствовать на себе едва выносимый мороз, из-за которого лицо, руки и ноги давно онемели. Бессильные слезы, стекая, обжигали щеки. В ушах повис звон, а зрение словно сузилось – она видела только Кая, распластанного на снегу, и Деву Льда, склонившуюся над ним. Герда подняла дрожащую руку, прикоснувшись к губам. А в следующую секунду, когда кинжал устремился к груди Кая, ноги перестали ее держать – она рухнула на колени, закричав. В ее голове руки вечного существа уже обагрились кровью. Она стекала по пальцам Девы, а в руке было зажато сердце Кая. Мягкая блестящая плоть, облитая алой влагой – возможно, оно еще будет биться в первые мгновения, когда покинет грудную клетку.

Это видение заслонило собою реальность, когда воздух вдруг сотрясся от звона, резкого и пронзительного, а кинжал разлетелся вдребезги, сверкая искрами в ночи. Так ярко и ослепительно, словно молния в небе. Герда застыла. Весь мир тревожно затих. Может, и время даже остановилось...

А на озере расцветали белые розы. Необъятное поле нежных цветов, что стелились, словно виноградная лоза, по льду. В Хальштатте никогда не выращивали белые бутоны, но за один миг вблизи города их выросло столько, сколько не распустилось бы и за несколько десятков человеческих жизней.

Лепестки раскрылись, и наружу хлынули сотни мотыльков. Герда могла поклясться, что многие опустились прямо в озеро, и по мере того, как мотыльки разлетались, происходило невиданное – метель стихала. Даже ветер мгновенно присмирел.

На горизонте проступили вершины гор. Мороз ушел, сменившись вечерним теплом. Герда ощутила тяжесть на плече. Обернулась, увидев господина Йенсенна, который приподнял свободную руку, раскрыв ладонь, – на ней лежало несколько темных крупинок. Белые огоньки, летавшие в воздухе, ныне обратились пеплом.

– Все завершилось. Он умирал, – проговорил он скрипуче.

– Кто «он»? – Ее голос срывался.

– Кай, – вымолвил старик.

Герда обратилась взглядом к озеру. Но его гладь была пуста. Ни Ведьмы, ни юноши, лишь стремительно вянущие белые розы на ледяной поверхности Хальштеттера.

Эпилог

Спустя полгода...

Солнце в тот день светило как никогда ярко. Горы, покрытые деревьями, как всегда, окружали Хальштагт. Наступило очередное лето, одно из многих, которое встречали жители города. Мужчины все так же работали в шахте, по обочинам дороги по-прежнему цвели красные розы, а в разгар дня благоговейная тишина окутывала все в округе.

В один из непримечательных дней на дороге между гор показался экипаж, запряженный двумя белыми статными лошадьми, демонстрирующими, что сидящий внутри отнюдь не беден.

Экипаж медленно приближался, пока колеса не застучали по уложенной камнем аккуратной мостовой городка. Пока человек ехал, он видел, как мерцает озеро, как выгибают шеи лебеди, прорезая водную гладь, как легкая дымка облаков окутывает гору на противоположной стороне Хальштеттера – все было точно таким, каким осталось в его памяти. Ничуть не изменилось за последние пять лет.

В воздухе пахло разнотравьем, густые деревья Малервега покрывали склон, а на далеких горах по другую сторону озера виднелись ледники. Шпиль церковной башни по-прежнему возвышался над домами, за исключением тех, что находились на самой вершине склона.

Экипаж поехал по дороге, минув миниатюрную площадь с такой же небольшой чумной колонной^[2]. Возница ждал команды остановиться, а мужчина внимательно разглядывал дома, уверенный, что узнает тот самый. Так и произошло. Он сразу признал фасад, выкрашенный белым, с открытыми деревянными ставнями окон и висящими в кадке цветами на третьем этаже. В этот раз кадка пустовала, как и в доме напротив, который в прошлый визит мужчины утопал в цветах.

Он нахмурился, вышел из остановившегося экипажа, снимая с головы шляпу-котелок и бросая ее на одно из сидений позади. Там же

покоилась и оставленная им короткая трость. В Хальштатте можно было позабыть привычки светской жизни.

Когда в городе появлялись чужаки, об этом узнавали сразу. Их присутствие выбивалось из привычного уклада жизни. В этот раз произошло так же. Старик, который сидел на лавке у соседнего здания с вывеской пекарни, кряхтя, поднялся. Его трость громко застучала по камню.

– Не думал, что в этой жизни еще раз увижу тебя, – не без тепла в голосе проворчал он.

Мужчина, увидев знакомое лицо, пришел в восторг.

– Надо же, а вы хорошо держитесь, господин Йенсенн! – Несмотря на то что к нему обратились неформально, он беседовал со стариком крайне уважительно, пусть и не без веселья. Хотя и у самого путешественника светлые, зачесанные назад волосы были с проседью, а на успевшей уже слегка обвиснуть коже виднелись морщины, выдававшие минувшие пять десятков лет.

– А госпожа Ларс... – начал он.

– Почила. Больше трех лет назад.

Мужчина скорбно прикрыл веки и нахмурился.

– А Кай как? Помню, он не хотел оставлять бабушку одну... И до сих пор здесь? Признаю, для меня было неожиданностью получить его письмо о полотнах, – сказал бывший учитель Кая, доставая из кармашка пиджака платок. На улице было жарко, и на его лбу выступили капельки пота.

– Внук Ребекки тоже умер.

Повисла тишина, время словно растянулось, а на землю, кружась, падал платок из дорогой белоснежной ткани. Упав на камень, он стал напоминать мертвую птицу. Художник застыл, глядя на жалкую материю. В нем не осталось и следа былого веселья. Карие глаза влажно заблестели, несмотря на суровое выражение лица.

– Как?

– Зима забрала.

– Зима забрала? – странным тоном повторил художник. – Вы говорили, что не верите в эту чушь.

– А я и не верю, – возразил старик упрямо. – Зимой его не стало, и это правда. Подробнее тебе никто не расскажет, поэтому лучше не задавай вопросов, забирай то, за чем приехал, и убирайся поскорее.

– Полотна? Они готовы? – удивился художник, вовсе не обижаясь на манеру речи господина Йенсенна.

– Да. Кай оставил несколько картин. – Старик зацокал языком. – А тебя только они и интересуют.

– Вам этого не понять, – покачал головой столичный гость. – Для художника его полотна превыше жизни. Не знаю, что случилось на самом деле, но, похоже, Кай ждал этого. Иначе как объяснить то, что он отправил мне весточку еще прошлой весной?

Господин Йенсенн одарил мужчину хмурым взглядом.

– Да, мне никогда этого не понять. Как можно к каким-то кускам ткани с краской приравнять человеческую жизнь? – проворчал он, теряя интерес и оглядываясь на соседний дом.

Художник спорить с ним и доказывать свою правоту не стал. Приоритеты у всех разные, как и ценности. Большинству людей никогда друг друга не понять.

– Картины остались в комнате под крышей. Ключи хранятся у соседей, – сообщил старик.

– Обычно в вашем городке не разбрасываются жильем... – заметил мужчина.

– Я же предупреждал, лучше не задавать вопросов.

– Как пожелаете, – хмуро согласился художник, а старик, не попрощавшись, пошел прочь. Путешественник, поглядев ему вслед, двинулся к соседнему дому, огибая свой экипаж. Помня о былых днях, он сразу направился в пекарскую лавку, зная, где может застать хозяев.

Так и произошло, за прилавком стояла женщина – немолодая, может быть, ближе к тридцати, голову покрывал платок, не полностью скрывающий темно-медные волосы. Она раскладывала выпечку на поднос, не сразу заметив вошедшего.

– Прощу прощения... – сказал художник.

Девушка показалась ему знакомой – она была очень похожа на хозяйку этой лавки, госпожу Летицию. Когда он жил в Хальштатте несколько лет назад, снимая комнаты у бабушки Кая, то достаточно тесно познакомился и с соседним семейством. Все из-за их дочери, которая нередко приходила к нему в импровизированную мастерскую вслед за другом, хотя искусство ее и не привлекало. Сейчас ей должно было быть не больше восемнадцати...

Работница повернулась к нему.

И художника в мгновение охватил какой-то суеверный ужас. Ноги показались ватными, он едва не упал на пол, впервые жалея, что оставил трость в экипаже. Несмотря на то что женщина перед ним была гораздо старше, а в ее волосах, выглядывающих из-под платка, даже затесались редкие седые пряди, художник знал, кто перед ним. Он редко в своей жизни был в чем-то так уверен, как в личности той, кто стояла напротив.

– Герда? – Слова тяжело давались ему, а голос скрипел, как несмазанные дверные петли.

– Господин художник? – отозвалась она, почти не меняясь в лице. Лишь глубокая тоска и грусть пронеслись в ее глазах. – Вы все же приехали.

– Что... с тобой?.. – Ему не только не хватало воздуха, он и с мыслями справиться не мог. Его кидало то в жар, то в холод.

– Идемте, – позвала Герда, выходя из-за стойки и развязывая фартук на талии. – Мам! Я скоро вернусь, мне надо отойти на несколько минут, – бросила она через плечо, оставаясь спокойной.

Пусть он видел ее лишь подростком, но все же спутать с кем-то ее было нельзя, как и не заметить перемены в ее облике.

Художник на негнущихся ногах направился вслед за ней, а оказавшись на улице, вновь был ослеплен донельзя ярким солнцем. Погода вовсе не соответствовала смуте, что воцарилась в его душе всего за несколько минут пребывания в этом отдаленном городишке.

Сглотнув и надеясь, что больше ничего его в этот день не потрясет столь сильно, он пересек улицу. Вскоре они вошли в дом, направившись сразу к деревянной лестнице, а дальше вверх по скрипящим ступеням, сквозь полумрак и пустоту.

– Ты знала, что я приеду? – Его голос разрезал тишину, как нож масло. Он словно потревожил дом этим неуместным звуком.

– Кай говорил, что отправит вам письмо, – призналась Герда спустя несколько секунд молчания, остановившись у нужной двери с круглой металлической ручкой, что представляла собой раскрытый бутон розы.

Вытащив из кармана старый ключ, она вставила его в замочную скважину. Дверь открылась удивительно бесшумно, словно механизм недавно смазывали. Войдя, они увидели перед собой длинную вытянутую комнату. Окно было занавешено тканью, но сбоку

оставалась щель, через которую внутрь проникал косой лучик, подсвечивая кружащие в воздухе кажущиеся золотыми песчинки.

Безмятежность, покой и покинутость. Они были всюду.

Шаги художника эхом отразились в тишине. В комнате многое убрали, книжный шкаф стоял пустой, мольберт, которым пользовался Кай, был одиноко задвинут в угол. Здесь мало что осталось от человека, жившего в этих стенах. Мужчина узнал белую статуэтку ангела, стоявшего на камине со слегка склоненной головой и сомкнутыми в молитве ладонями, – она находилась здесь в то теперь кажущееся далеким время, когда художник жил в этом доме, и никуда не делась теперь.

Чуть дальше от камина, прислоненные к стенам и укрытые материей, стояли три полотна высотой в половину человеческого роста.

– Это они? – раздалось гулко.

Герда кивнула, бросая на картины долгий взгляд. Лицо ее оставалось, как и прежде, спокойным.

– Всего три полотна. Кай говорил, что посвятил их себе. Всей своей жизни... – прошептала она, словно боясь потревожить пустоту комнаты.

Мужчина кивнул. Всего несколько шагов, и он протянул руку, сдергивая пыльную ткань, чтобы наконец-то увидеть плоды трудов своего ученика.

Первая картина. Зима и тьма, лес и метель, ребенок и его мать. У художника перехватило дыхание. Он сделал резкий шаг и порывисто открыл второе полотно – все тот же лес, но свет вокруг, лед и лежащая дева, чьи глаза-звезды устремлены к небу. Нереальная и ненастоящая.

Дыхание мужчины стало хриплым, и третью картину он открывал так поспешно, что рама пошатнулась. Художник застыл, ткань с шорохом упала на пол. Эта картина была больше остальных, она словно намеренно была написана в ярких и не всегда правдивых оттенках. Но она не позволяла отвести от себя взгляда и показывала, насколько важна была для своего создателя.

Художник слышал тихий трепетный вздох позади себя, но не мог вымолвить и слова. Лишь молчал, смотря на девочку с огненными волосами и сверкающими глазами, изображенную посреди сада в окружении так обожаемых ею роз.

Три полотна и три важнейших события, показывающих, что не всегда человек способен понять то, какое место занимает в жизни других людей.

Сто двадцать лет спустя...

Вена. Галерея Бельведер

Искусство вечно. Пройдет еще несколько сотен лет, многое забудется, что-то просто утратит свое значение, но искусство пронесется через века. Оно транслирует нам то, о чем думали люди былых эпох и что их волновало больше всего. Искусство никогда не жило в отрыве от своей эпохи. Скорее, оно становилось ее зеркалом.

Зеркалом, что донесло послание ушедших до нынешних поколений. Будь то наскальная живопись в пещерах эпох палеолита, древнегреческие статуи, чувственные, как Венера Милосская, до великих художественных стилей: барокко, который поражал меня театральностью и внушал трепет, умиротворяющий рококо с его любовными сюжетами и мирными прогулками на природе, такой отличающийся от них обоим классицизм, в котором я видел сдержанность сюжетов, и романтизм...

Романтизм до сих пор меня восхищал. Эмоции, преобладающие над разумом, сила и красота природы, превосходство интуиции над логикой. Ведь кому, как не мне, за многие годы удалось понять, что жизнь и весь наш мир полны хаоса. Никогда нельзя терять голову, но глобальные события, управляющие твоим существованием, разуму не подчиняются.

Больше всего человечество любило изображать мифические и религиозные сюжеты. Сколько полотен было создано, и не сосчитать. Сколько раз одно и то же сказание изображалось вновь и всякий раз преображалось под взглядом художника.

Буквально пару недель назад во время путешествия я побывал в галерее Уффици, расположенной в самом сердце Флоренции. Это был далеко не первый мой визит, но в этот раз больше всего мое внимание привлекла картина Артемизия Джентилески «Юдифь, обезглавливающая Олоферна». Драматичное, наполненное жестокостью и расчетом, выполненное в темных тонах с театральным освещением произведение. И кровь, залившая белые простыни... Картина, повествующая о женщине, спасшей весь свой народ,

соблазнив своей красотой полководца вражеской армии, а после отрезав ему, захмелевшему, голову. Библейский мотив, который преобразался в полотно, созданном спустя три века рукой Густава Климта, которое висело ныне перед моими глазами.

Отнюдь не самая известная картина художника. Написанный им «Поцелуй» известен гораздо шире, даже человек, ничего не сведущий в искусстве, когда-то видел его или слышал о нем. Но «Юдифь и Олоферн» заслуживала внимания. То, что в одну эпоху в глазах художника выглядело трагично, в глазах Густава Климта превращалось в чувственность и обольстительность. Женщина, окруженная золотом и уверенная в своем очаровании, ее томный взгляд и изогнутые губы... В ней ощущалась свобода, а чувства плескались в полотне, захватывая внимание. Девушку совершенно не смущала ее нагота.

– Ты еще долго будешь здесь стоять? – раздался прохладный голос. Я обернулся. Она до сих пор, как и прежде, оставалась нетерпеливой. Одета в брюки с высокой талией и легкую блузу, с забранными в хвост волосами и в темных, несмотря на то, что мы находились в помещении, очках. Ведь, как бы она ни старалась, ее взгляд и цвет радужек слишком отличались от человеческих.

Подняв руку, облаченную в тонкую перчатку, она приспустила очки, исподлобья смотря на картину.

– У нее видна грудь. Ты поэтому здесь остановился? – небрежно спросила Йенни. Не всерьез, скорее подтрунивая.

– Да. Только ради этого. Ничто иное меня не заинтересовало, – иронично отозвался я.

– Правда? – протянула Йенни слишком подозрительно.

Я, сдаваясь, выдохнул:

– Пожалуйста, только не вздумай здесь раздеваться.

И отвернулся от картины с Юдифь – в конце концов, явились мы сюда совсем по другой причине.

Йенни улыбалась – криво, опасно, чувствуя свою победу. Она до сих пор временами вела себя как ребенок. Годы не меняли не только ее облик, но и ее саму. В отличие от меня... Мне казалось, я изменился. Прошло столько лет, что мне приходилось возвращаться в эти стены, чтобы напомнить себе. Напомнить, кем я был и кем должен был остаться, несмотря на прошедший век и те столетия, что минут после.

Дева Льда вернула на нос очки.

– Идем.

– Соманн остался один?

Она кивнула, и стук ее каблуков зазвучал по каменной лестнице, ведущей вверх. Йенни, преодолев несколько ступенек, остановилась, глядя на меня снизу вверх. Однажды, несколько десятилетий назад, Дева сказала, что только меня она готова ждать. Главное, чтобы ожидание не продлилось долго, ведь для нее это мука.

Но в то же время Йенни привыкла, что в такие дни я задумчив. Вспоминаю о былом, храню в памяти людей, которые уже давно обратились прахом.

Вскоре мы вошли в один из залов, здесь напротив высоких окон венского дворца Бельведер висело три картины, им выделили целую стену, несмотря на то, что истинное имя художника затерялось в истории. Во время войны полотна пропали, пока один коллекционер не отыскал их и не подарил музею. За эту помощь я до сих пор ему благодарен.

Напротив картин стоял высокий стройный мужчина – в отличие от Йенни, он умело скрывал свой истинный облик от людей, его магия была гибче.

– Ну наконец-то, дорогие мои. Я думал, вы не дойдете, – словно акцентируя внимание на каждом слове, выразительно проговорил Сеятель. На его шее поверх свитера был повязан легкий зеленый шарф с принтом в виде бегущих собачек. Этот предмет гардероба был еще не самым абсурдным из всего того, что я видел на нем.

Йенни покачала головой, складывая руки на груди. Одна из девушек поблизости уставилась на нее, разглядывая. Взор незнакомки изучил Деву с головы до ног, видимо, прикидывая, от какого бренда одежда, и пытаясь найти изъян в ее облике, чтобы не испытывать зависти к ее красоте. Но стоило Йенни повернуться к ней, как посетительница сбежала в другой зал.

Время окончательно переменилось, и теперь, чтобы быть незаметным, лучше оставаться на виду. Слишком большой скачок совершила в своем развитии цивилизация за последний век. Никто из богов не ожидал, что мир людей настолько шагнет вперед. За исключением тех, кто способен видеть будущее, но эта способность была крайне редкой и почти не поддавалась контролю.

Мы с Йенни остановились рядом с Сеятелем, божеством сна. Его способности, в отличие от моей собственной силы требующие определенной искусности и ума, со временем стали меня восхищать. Мои же... Я способен нести лишь одно – смерть. Людям, духам и... богам.

Мы остались в зале втроем, смотря на написанные когда-то мною картины.

Зима, метель и тьма...

Дева, снег и дитя...

И последняя...

Она дарила тепло и свет. Герда в своем садике, в окружении цветов, такая, какой я ее запомнил в день, когда она вошла в мою человеческую жизнь, придав ей красок.

Прошло некоторое время, Йенни с Сеятелем успели прогуляться в другие залы и вернулись со стаканчиками кофе в руках. Я укоризненно нахмурился, даже не удивляясь тому, где они достали напиток, которому в галерее было не место. Впрочем, как и любым другим.

– Да неужели? – фыркнула Йенни.

– То-то и оно, – отвечал ей Сеятель. – Ты уже все? – обратился он ко мне.

– Да. – Я отвернулся от полотен, пряча руки в карманах насыщенно-синих джинсов. Пора было уводить эту парочку. Когда им становилось скучно, они вместе начинали творить какую-то ерунду.

Йенни протянула мне свой кофе, я отказался. Она фыркнула, закатив глаза за очками, – я знал ее уже так долго, что досконально изучил повадки и привычки.

– И куда мы теперь, дорогие мои? – Сеятель, широко улыбаясь, закинул руки на наши с Йенни плечи.

Дева Льда задумалась, открывая крышку и высыпая в остывший напиток пакетик сахара. Соманн считал холодный кофе гадостью, вот только у Йенни выбора не оставалось – тепло и жар противоречили ее природе. Похожая проблема существовала и у меня из-за принадлежности к силе зимы, но все же я не нес в себе мороз и лед, они не являлись сутью моей магии, поэтому ограничений я встречал меньше.

– Может, в Россию? – вдруг предложила Йенни.

– Хм-м, – протянул Сеятель. – А почему бы и нет? У меня, кстати, есть знакомый из местных...

– Кто? – спросил Кай.

– Да так, один полубожок.

Йенни скривила губы, с подозрением глянув на него.

– Если из-за тебя мы вляпаемся...

Сеятель принялся рьяно доказывать, что врагов у него в тех местах нет. Но Йенни его заверения не впечатлили. Когда мы спустились по лестнице, перепалка все продолжалась и не угасла, даже когда стены галереи Бельведер остались позади. Эти двое шагали дальше, не заметив, когда я остановился, обернувшись к дворцу. Запоминая его стены и воскрешая в памяти свои картины с Гердой на одной из них, я точно знал, что вскоре вернусь, чтобы вновь увидеть полотна, вспомнить свое прошлое и то, кем я был рожден.

Благодарности

За написание этой книги я взялась, когда находилась на перепутье. Моя предыдущая книга «Кровь и Плен» (вторая часть по Миру Дэвлата) отняла много сил, хотя в то же время получилась именно такой, какой я ее задумывала. Но, закончив произведение, я вдруг поняла, что оно поселило во мне страх. Я боялась, что ничего лучше уже не напишу.

Долгое время эти сомнения сжигали мои силы, до тех пор, пока в начале сентября мы вместе с Лией Арден, Алиной Melanchallina, админом группы ВК «Чердак с историями», и Дарьей Бобровой, работы которой вы могли видеть на многих книжных обложках, не провели несколько вечеров в центре Москвы, гуляя, болтая и заходя в разные кофейни. Для меня те дни стали поворотным моментом и подарили силы и вдохновение. Я услышала слова поддержки и поняла, что многих творческих людей заботят похожие проблемы. Девочки уговорили меня отвлечься и написать книгу-однотомник, которую вы в итоге держите в руках. Именно благодаря эмоциям тех дней я смогла собраться, взяться за рукопись и, игнорируя сомнения, в итоге победить их.

Девочки, я всегда буду благодарна вам за ту поддержку, которую вы мне подарили.

Но написание книги – достаточно сложный и долгий процесс. Поэтому во время работы над произведением появляется много людей, которым ты становишься признателен всей душой. И я не могу не упомянуть художников, которые работали над «Каем». Рено, знай, твой стиль неповторим! Обложка и иллюстрации, которые ты создал для этого издания, вызвали у меня искреннее восхищение. Adacta Agies, ты стала для меня дорогим другом за прошедший год. И твои черно-белые иллюстрации на страницах придают особую изюминку всему тексту. Я знаю, сколько сил у тебя ушло на их создание.

Еще я хочу сказать спасибо Наталье Лисиной, которая проделала со мной длинный путь, просматривая и корректируя тексты моих произведений. Ты никогда не стесняешься в лоб говорить о моих

ошибках, и именно это помогает мне трезво взглянуть на свои работы, развиваться и расти.

После того как я отправила «Кая» в издательство, текст попал в заботливые руки Дины Руденко, которая подхватила эстафету и взялась за текст как литературный редактор, а после приложила руку и как редактор, подготавливая книгу к изданию. Спасибо за твой профессионализм и труд.

Я никак не могу не упомянуть Киру Фролову, моего редактора, чья любовь к своему делу не знает границ. Мы сотрудничаем уже два года. И это время было наполнено взаимопониманием и поддержкой. Спасибо за то, что когда-то пошла мне навстречу, взяв в печать «Сон и Пепел». И извини, что постоянно проваливаю сроки сдачи рукописей. Я буду стараться делать это как можно реже.

Хочу поблагодарить Кевельхемского Волка, которая была одним из первых читателей этой книги. Ты так меня захвалила, что я поверила в себя, как никто другой.

Не могу не сказать про Ксюшу Власову, автора книги «Рок и Кара». Мне важно было услышать твое профессиональное мнение. Твой опыт и мысли помогли мне закончить эту историю.

Спасибо Маше Серебряковой. Ты всегда балуешь меня вниманием, горишь идеями и поддерживаешь. Пусть у тебя всегда будут силы вдохновлять и радовать окружающих своим светом.

Пусть я давно окончила школу, но до сих пор с безумной благодарностью вспоминаю своих учителей Дину Александровну и Екатерину Владимировну из школы № 40 в городе Павлодаре в Республике Казахстан, откуда я родом. Спасибо за вашу самоотверженную любовь к своей профессии и за все внимание и силы, которые когда-то потратили на меня. Вы всегда будете для меня идеалом учителей.

Ну и самая главная благодарность моим читателям, что подарили свою любовь абсолютно незнакомому человеку. После анонса начала моей работы над «Каем» я не единожды читала комментарии о том, что вам уже интересна эта книга, ведь ее автор я. Еще ничего не зная об истории, вы уже нашли место для нее в своем сердце. Знайте, вы мое вдохновение! И я буду ждать момента, когда мы вместе с вами приоткроем еще одну дверь нового неизведанного мира.

И, наконец, особое место в моем сердце занимают мои родные, те, кто всегда был рядом и подставлял свое плечо на протяжении всего моего авторского пути. Вы верили в меня, ни разу не усомнившись в моих начинаниях. И я не могу не посвятить эту книгу вам.

Моей маме, которая уже не рядом, но чей взгляд однажды наполнился гордостью, когда она взяла в руки мое первое печатное издание. Папе, который покупал мне книжки в детстве, поощряя мою любовь к чтению. Тете Ане за ее доброту, понимание и любовь. Филиппу и Артуру в память о старых временах. Марье в ознаменование новых. Тане, которая, несмотря на расстояние, всегда рядом – в прошлом, настоящем и будущем. И Ане с Никитой, для сил в новых начинаниях.

С любовью, ваша Алекс

---

notes

Примечания

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

Перевод Ф. И. Тютчева (1855)

Чумная колонна – в Европе чумные колонны устанавливались в центре городской площади. Они воздвигались, как правило, в знак благодарности за прекращение мора. Другое название – Марианский столб. В честь Девы Марии, статую которой часто водружали на верх колонны. (*Прим. авт.*)